

БАЙРОНЪ

СОЧИНЕНІЯ
ЛОРДА БАЙРОНА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАНЫХЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ник. Вас. Гербеля

ІІІ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15

1865

Дозволено Ценсурою. С. Петербургъ 9 Января 1865 года.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

«Чайльдъ-Гарольдъ» — есть самое своеобразное и самое законченное созданіе Байрона. Появленіе въ свѣтъ (въ февралѣ 1812 года) первыхъ двухъ пѣсенъ этой поэмы совершенно измѣнило отношенія поэта къ обществу, которое до того времени относилось къ нему довольно враждебно. Публика была въ восторгѣ. Изданіе раскуплено мгновенно: четырнадцать тысячъ экземпляровъ разошлось въ одинъ день. Байрона окружило всеобщее удивленіе. Знаменитѣйшіе люди Англіи искали его дружбы. Онъ отовсюду получалъ поздравленія, письма и стихи. Впечатленіе, произведенное «Чайльдъ-Гарольдомъ», увлекло самихъ враговъ, завистниковъ и пристрастныхъ критиковъ до непритворнаго восторга и поставило автора въ ряду первыхъ литературныхъ знаменитостей. Издатели «Эдинбургскаго Обозрѣнія» перемѣнили тонъ и отозвались о новой поэмѣ съ величайшей похвалой. «Всего удивительнѣе въ этой поэмѣ то — писали они — что она увлекаетъ и нравится, не заключая въ себѣ ничего такого, что, обыкновенно имѣетъ силу увлекать и нравиться: нѣтъ ни происшеств-

вій, ни интриги: все состоитъ изъ описаній и размышленій». Вальтеръ - Скоттъ, прочитавъ «Чайльдъ - Гарольда», пересталъ писать поэмы. Знаменитый путешественникъ, докторъ Кларкъ, писалъ къ нему: «Я прочелъ вторую пѣснь «Чайльдъ-Гарольда» въ тишинѣ моего кабинета со всѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ подобное произведеніе, и сознаюсь, что съ самаго дѣтства, несмотря на страсть мою къ поэзи, ни одинъ поэтъ не производилъ на меня такого впечатлѣнія».

Странно, что въ то время, когда вся Англія приходила въ восторгъ отъ «Чайльдъ-Гарольда», самъ Байронъ былъ далеко не такого высокаго мнѣнія о своей поэмѣ. Недовѣріе его къ достоинствамъ новаго своего произведенія доходило до того, что онъ долго не рѣшался его печатать, увѣряя своихъ друзей, что появленіе поэмы только подаетъ поводъ критикамъ къ новому ожесточенію противъ него; потомъ не хотѣлъ выставить на книгѣ своего имени и во все время печатанья первыхъ двухъ пѣсенъ былъ въ постоянномъ безпокойствѣ, которое доходило до болѣзненности. Впослѣдствіи Байронъ перемѣнилъ мнѣніе о своемъ лучшемъ созданіи, какъ это видно, на примѣръ, изъ писемъ къ Мюррею, по поводу изданія 3-й и 4-й пѣсенъ «Чайльдъ-Гарольда». Вотъ два небольшіе отрывка: «Очень радъ, что новый «Чайльдъ - Гарольдъ» вамъ понравился. Я самъ нахожу, что этотъ любимый мной отрывокъ (изъ 3-й пѣсни) очень хорошъ. Я писалъ его въ какомъ-то полоуміи,

между метафизикою, горами, озерами, необъяснимою любовью, невыразимыми страданьями и призракомъ собственныхъ моихъ заблужденій». — «Я считаю «Чайльдъ-Гарольда» лучшимъ изъ моихъ произведеній, и такъ-какъ имъ началъ, то думаю имъ и кончить. Впрочемъ, не даю слова, потому-что разъ нарушилъ уже такой обѣтъ «Корсаромъ». Кажется, однакожь, что больше ничего не напишу лучшаго».

Первыя двѣ пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» написаны Байрономъ во время его перваго путешествія на Востокъ, въ 1810 году, именно: начаты въ Янинѣ и окончены, спустя пять мѣсяцевъ, въ Смирнѣ. Третья пѣсня начата имъ во время плаванья вверхъ по Рейну въ 1816 г. и окончена въ томъ же году на берегу Женевского озера, на виллѣ Діодати, гдѣ поэтъ провелъ все лѣто съ своимъ другомъ и товарищемъ по дѣятельности, Шелли, проводя время въ странствованіяхъ по горамъ и постоянной поэтической работѣ. Четвертая и послѣдняя пѣсня начата и окончена въ 1817 году, въ Венеціи, которую онъ избралъ постояннымъ своимъ мѣстопробываніемъ въ Италиі. Она, очевидно, написана подъ вліяніемъ глубокаго впечатлѣнія, оставленнаго въ немъ Римомъ, куда онъ ѣздилъ въ томъ же году, навремя.

Предлагаемый здѣсь переводъ — *первый и единственный* полный переводъ «Чайльдъ-Гарольда» на русскій языкъ. Онъ сдѣланъ Д. Д. Минаевымъ и первоначально былъ помѣщенъ въ «Русскомъ Словѣ», но съ пропусками. Здѣсь

переводъ напечатанъ въ *исправленномъ* и *дополненномъ* видѣ. Что же касается отрывковъ изъ «Чайльдъ-Гарольда», то мы имѣемъ ихъ до сорока, въ томъ числѣ нѣсколько превосходныхъ. Списокъ переводовъ изъ «Чайльдъ - Гарольда», какъ равно и лучшіе отрывки помѣщены въ концѣ книги.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

11-го декабря 1864 года.

С. Петербургъ.

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ПѢСНЯХЪ.

L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J'en ai feuilleté un assez grand nombre, que j'ai trouvés également mauvaises. Cet examen ne m'a point été infructueux. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinences de peuples divers, parmi lesquelles j'ai vécu, m'ont réconcilié avec elle. Quant je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui-là, je n'en regretterais ni les frais ni les fatigues.

Le Cosmopolite.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(къ первой и второй пѣснямъ.)

Настоящая поэма написана, большею частью, среди тѣхъ мѣстностей, которыя ее вызвали. Она начата въ Албаніи и всѣ обстоятельства, относящіяся къ Испаніи и Португаліи, описаны по наблюденіямъ автора, сдѣланнымъ на мѣстѣ. Это долженъ сказать для удостовѣренія въ точности описаній. Сцены, описываемыя здѣсь, происходятъ въ Испаніи, Португаліи, въ Эпирѣ, Акарнаніи и Греціи. На послѣдней странѣ поэма пока останавливается; пріемъ, сдѣланный ей публикою, покажетъ, долженъ ли будетъ авторъ позволить себѣ ввести своихъ читателей въ столицу Востока черезъ Іонію и Фригію. Эти двѣ пѣсни нечтѣ иное, какъ опытъ.

Для того, чтобы соединить всѣ части поэмы въ одно цѣлое, въ ней выводится на сцену вымышленная личность, изъ чего, однако жъ, не слѣдуетъ, чтобы поэма отличалась особенною правильностью. Друзья мои, мнѣніемъ которыхъ я дорожу, дали мнѣ понять, что меня могутъ запо-

дозреть, будто я подъ вымышленною личностью Чайльдъ-Гарольда имѣлъ въ виду извѣстное лицо: здѣсь я долженъ прямо объявить одинъ разъ навсегда, что Гарольдъ—образъ, созданный воображеніемъ для извѣстной цѣли. Въ нѣкоторыхъ обыкновенныхъ частностяхъ можетъ быть случайное съ кѣмъ-нибудь сходство; но вообще, могу васъ увѣрить, такое предположеніе не можетъ имѣть смысла.

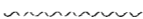
Почти бесполезно упоминать, что названіе «Чайльдъ» употреблено мною, какъ «Чайльдъ-Уотерсъ», «Чайльдъ-Чильдерсъ», въ подражаніе старой формѣ версификаціи, принятой мною. «Добрая Ночь», въ началѣ первой пѣсни, была вызвана «Спокойной ночью Лорда Макеусли», помѣщенной въ «Шотландскихъ Минестреляхъ», изданныхъ Вальтеромъ Скоттомъ.

Быть можетъ, что въ первой пѣснѣ, въ которой говорится о Пиренейскомъ полуостровѣ, будетъ найдено нѣкоторое совпаденіе съ различными поэмами, говорящими объ испанскихъ нравахъ; но это можетъ только быть мѣстами, потому что, за исключеніемъ нѣсколькихъ послѣднихъ строкъ, все остальное было написано въ Левантѣ.

Стансы Спенсера — какъ говоритъ одинъ изъ нашихъ достоуважаемыхъ писателей — носятъ на себѣ отпечатокъ величайшаго разнообразія. Д-ръ Битти замѣчаетъ слѣдующее: «Недавно началъ я писать поэму въ стилѣ и размѣрѣ Спенсера, въ которой я намѣренъ дать всю волю своей фантазіи и быть то смѣшнымъ, то пате-

тическимъ, то описательнымъ, то сантиментальнымъ, чувствительнымъ или сатирическимъ, смотря по расположенію духа, потому-что, если я не ошибаюсь, размѣръ, принятый мною, одинаково допускаетъ всѣ эти формы». Имѣя за себя такой авторитетъ и примѣръ нѣкоторыхъ итальянскихъ поэтовъ первой величины, я не буду стараться оправдывать себя въ разнообразіи, допущенномъ мною въ настоящемъ сочиненіи; довольно того, что, въ случаѣ неудачи, ошибка будетъ лежать въ исполненіи, но не въ намѣреніи, освѣщенномъ примѣрами Аріоста, Томсона и Битти.

Лондонъ, Февраль, 1812.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ВВЕДЕНІЮ.

Я выждалъ время, когда большая часть нашихъ періодическихъ журналовъ раздѣлила между собою обычную долю критики. Я не хочу возражать противъ справедливости бѣльшей части ихъ критическихъ сужденій: дурно было бы съ моей стороны ссориться съ ними за ихъ снисходительную критику, хотя, быть можетъ, они были бы правдивѣе, еслибъ были менѣе любезны. Посылая всѣмъ и каждому мою благодарность за ихъ великодушіе, я рискну все-таки сдѣлать замѣчаніе касательно одного пункта.

Между многими возраженіями, возникшими по поводу индифферентности характера «Странствующаго Чайльда» (о которомъ, несмотря на многіе намеки на противное, я все-таки утверждаю, что онъ лицо вымышленное) было сдѣлано, между прочимъ, предположеніе, что онъ, кромѣ того, что представляетъ анахронизмъ, вовсе не проникнуть рыцарскимъ духомъ, такъ какъ времена рыцарства были времена любви, славы и т. п. Но вотъ въ чемъ дѣло: добрыя старыя времена, когда «l'amour du bon vieux temps, l'amour antique» процвѣтали, были самыя безнравственныя изъ всѣхъ временъ. Тѣ, которые сомнѣваются, пусть пробѣгутъ сочиненіе Sainte-Palaye, и, въ особенности, 96 стр. 2-й части. Рыцарскія клятвы не лучше хранились, какъ и всякія другія клятвы, и пѣсни трубадуровъ не были благопристойнѣе овидіевыхъ, хотя и были менѣе остроумны.

Въ «Cours d'amour, parlements d'amour, ou de courtoisie et de gentillesse» было гораздо больше любви, чѣмъ вѣжливости и любезности. Смотри Роланда, трактующаго о томъ же предметѣ, какъ и С. Пеле. Какіе бы ни были другіе нападки на не очень любезнаго Чайльдъ-Гарольда, онъ былъ въ этомъ смыслѣ совершенный рыцарь: «не услуживающій кавалеръ, но настоящій тампьеръ». Вмѣстѣ съ тѣмъ я боюсь, что сирь Тристамъ и сирь Ланцелотъ были не лучше того, чѣмъ имъ быть слѣдовало, хотя они и были очень поэтическіе личности и рыцари «sans peur», хотя и не «sans reproche». Если учрежденіе ордена

«Подвязки» не басня, то рыцари этого ордена въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ носили цвѣта одной графини Салисбюри, не очень-то дестной памяти. Но довольно о рыцарствѣ. Бьюрке напрасно жалѣлъ, что дни ихъ прошли, хотя Марія Антуанетта на столько же была цѣломудренна, на сколько бѣольшая часть тѣхъ, въ честь которыхъ ломались копья и выбивались рыцари изъ сѣделъ.

Со временъ Баярда и до временъ сира Іосифа Бенкса (самыхъ цѣломудренныхъ и знаменитыхъ какъ стараго, такъ и новаго времени) мало исключеній найдется въ опроверженіе этому предположенію; и я полагаю, что нѣсколько изысканій научатъ насъ не сожалѣть о тѣхъ чудовищныхъ безобразіяхъ, которыми славились средніе вѣка.

Я предоставляю теперь «Чайльдъ-Гарольду» отжить свое время такимъ, какъ онъ есть; конечно, было бы пріятнѣе и, разумѣется, легче описывать пріятный характеръ. Легко было бы прикрыть его ошибки, заставить его болѣе дѣйствовать и менѣе говорить, но я никогда не намѣревался представить его образцомъ, а хотѣлъ показать только, что ранняя испорченность характера и нравственности ведетъ къ пресыщенію прошедшими наслажденіями и къ разочарованію въ новыхъ, и что красоты природы и сильныя впечатлѣнія путешествій (за исключеніемъ честолюбія, самые сильные двигатели жизни) не существуютъ для души такъ созданной или, лучше сказать, заблудшей. Еслибъ я

продолжалъ поэму, то этотъ характеръ затем-
нился бы еще болѣе къ концу, потому-что рама,
въ которую я хотѣлъ его заключить, должна
была содержать въ себѣ, съ нѣкоторыми исклю-
ченіями, изображеніе новаго Тимона, а можетъ
быть и поэтическаго Зелюко.

Лондонъ, 1813.

КЪ ЯНТЬ. 4

Ни въ тѣхъ странахъ, гдѣ я блуждалъ когда-то,
Гдѣ красота царить до нынѣ свято,
Ни въ тѣхъ мечтахъ, когда являлись мнѣ
Видѣнья чудныя въ какомъ-то смутномъ снѣ —
Въ фантазіи плѣнительной, во снѣ ли —
Тебѣ подобную мечты создать не смѣли.
Ты предо мной въ сіяньи красоты!
О, мнѣ ли передать твои черты?
Кто зналъ тебя—такъ нужны ли слова имъ?
А кто не зналъ—мы словъ для нихъ не знаемъ.

Когда бѣ всегда ты красотой сіяла,
И юности своей не измѣняла
И сохранила дѣтства чистоту,
И прелесть формъ и дѣтскую мечту!..
Ты на землѣ, вся вѣя ароматомъ,
Явилась намъ амуромъ безкрылатымъ.
Конечно, мать, вскормившая тебя,
О будущемъ заботясь и любя,
Найти въ тебѣ ту радугу желала,
Которая всѣ скорби умирала.

Я радъ тому, о Пери молодая!
 Что пережилъ тѣ юные года я,
 Когда кипѣлъ огонь въ моей крови,
 Что на тебѣ смотрю я безъ любви;
 Я радъ тому, что твой закатъ печальный
 Не встрѣчу я улыбкою прощальной;
 Я счастливъ тѣмъ, что твой прекрасный взоръ
 Не страшень мнѣ, какъ смертный приговоръ
 Для юношей, которымъ жизнь посылала,
 Когда ты ихъ улыбкой не дарила.

Твои глаза, глаза твои газели,
 Которые въ мечтахъ или въ весельи
 То блещутъ вдругъ, то ярко загорятъ,
 Пусть иногда на трудъ мой поглядятъ;
 И изрѣдка, быть можетъ, хоть ошибкой,
 Ты на него взгляни съ своей улыбкой.
 Зачѣмъ свой трудъ тебѣ я посвящалъ —
 Не спрашивай! Я только бы желалъ,
 Чтобы вилелась ко мнѣ въ вѣнокъ надгробный
 Лиляя нѣжная, которой нѣтъ подобной.

Здѣсь имя Янты съ пѣснями сольется
 И будетъ жить; когда же разнесется
 О нихъ воспоминаніе, какъ дымъ —
 То не случится съ именемъ твоимъ.
 А если жь дни мои сочтутся въ мірѣ,
 Тогда коснись перстами феи къ лирѣ...
 Вотъ все, о чемъ такъ просить твой поэтъ,
 Тебя узнавшій съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ;
 Вотъ все, чего душа моя желала
 И дружба въ тихомолку подсказала.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

О муза! нѣкогда въ Элладѣ
Неборжденной ты слыла!
Тебя лишь праздной скуки ради,
Мечта поэтовъ создала!
Ужь сколько разъ твой слухъ терзали
Напѣвы ихъ нестройныхъ лиръ,
Что я теперь рѣшусь едва ли
Нарушить твой священный миръ.
Хотя дельфійскія руины
И твой ручей, и твой алтарь
Я посѣщаль когда-то встарь,
Но, не тревожа безъ причины
Всѣхъ девяти заснувшихъ музъ,
За повѣсть скромную примусь.

II.

Въ странѣ туманной Альбіона
 Жилъ прежде юноша: онъ былъ
 Вполнѣ шалунъ «дурного тона»,
 Который оргіи любилъ,
 Надъ добродѣтелью смѣялся,
 Разгуламъ ночи посвящалъ,
 И все, съ чѣмъ въ жизни онъ встрѣчался,
 Онъ равнодушно отвергалъ,
 И жилъ, поклонникъ наслажденій,
 Не зная дѣла и трудовъ,
 Среди вакхическихъ пировъ,
 Среди любовныхъ похожденій
 И только отдыхъ находилъ
 Въ кругу любовницъ и кутилъ.

III.

Онъ Чайльдъ-Гарольдомъ назывался.
 Здѣсь говорить я не хочу,
 Чѣмъ предокъ Чайльда занимался:
 Объ этомъ просто умолчу.
 Могу одно сказать: былъ знатенъ
 Его почтенныхъ предковъ родъ,
 И гербъ ихъ переданъ безъ пятенъ
 Ему въ наслѣдство. Въ свой чередъ
 Гербъ каждый можно такъ ославить
 Единымъ маленькимъ грѣхомъ,
 Что ужъ бѣды никто потомъ
 Не въ состояніи исправить:
 Ни геральдическій мудрецъ,
 Ни сладкой пѣснею пѣвецъ.

IV.

Гарольдъ кружился въ вихрь свѣта
 Безъ опасеній, безъ борьбы...
 Такъ въ ясный день подъ солнцемъ лѣта
 Кружится муха. Онъ судьбы
 И не боялся вовсе даже
 И, праздность вольную любя,
 Безпечно жилъ всегда, — судьба же
 Ждать не заставила себя:
 Еще далекъ до разрушенья,
 Еще въ цвѣтушіе года
 Онъ заразился навсегда
 Ужасной скукой пресыщенья.
 Съ тѣхъ поръ душѣ его больной
 Противенъ сталъ весь край родной.

V.

Во всѣхъ грѣхахъ не разъ плутая,
 Онъ ихъ ничѣмъ не искупилъ,
 О многихъ женщинахъ вздыхая,
Одну лишь только онъ любилъ.
 Увы! успѣхами балуемъ,
 Онъ только ей не обладалъ,
 Своимъ преступнымъ поцалуемъ
 Ея щеки не занялалъ,
 Не бросилъ жертвой святотатства
 Для новыхъ женщинъ и тревогъ
 И въ мотовствѣ сгубить не могъ
 Ея послѣдныя богатства:
 Имъ не была осквернена
 Семейной жизни тишина.

VI.

Пресытивъ бурныя желанья,
 Гарольдъ разгуламъ измѣнилъ.
 Порой кипѣли въ немъ рыданья,
 Но онъ ихъ тѣмчасъ же давилъ
 И думалъ, скукою томимый,
 Желанье это не тая,
 Покинуть берегъ свой родимый,
 Уѣхать въ теплые края,
 На корабль пуститься въ море.
 Казалось, жизнью пресыщенъ,
 Доволенъ очень былъ бы онъ
 Для развлеченья встрѣтить горе,
 И чтобъ разсѣяться, былъ радъ
 Спуститься даже въ самый адъ.

VII.

Онъ бросилъ замокъ свой наследный.
 Хоть старый замокъ видъ имѣлъ
 Полуразрушенный и бѣдный,
 Но предокъ выстроить умѣлъ
 Домъ этотъ прочно и солидно.
 Былъ монастырь когда-то тутъ —
 И оскорбленъ теперь обидно
 Благочестивый тотъ пріютъ.
 Гдѣ жизнь текла чужда веселій,
 Гремѣлъ теперь паѳосскихъ дѣвъ
 Шальной, вакхическій напѣвъ.
 Могли бъ подумать старцы келій
 (На нихъ привыкли клеветать),
 Что время ихъ пришло опять.

VIII.

Не разъ средь буйнаго собранья
 Гарольдъ сидѣлъ и хмурилъ бровь,
 Какъ-будто прошлое страданье,
 Иль оскорбленная любовь
 Въ немъ просыпались на мгновенье,
 Но уловить никто не могъ
 Его душевнаго движенья
 И думъ его не подстерѣгъ.
 Своихъ сомнѣній неизмѣнныхъ
 Онъ пылкой дружбѣ не ввѣрялъ
 И человѣка не искалъ
 Для излияній откровенныхъ,
 Хотя бы гордая тоска
 Была, какъ море глубока.

IX.

Онъ былъ одинъ. Хоть на банкеты
 Онъ звалъ гостей со всѣхъ концовъ,
 Но видѣлъ въ нихъ одни примѣты
 Лишь паразитовъ и льстецовъ.
 Увы! любовницами даже
 Онъ былъ любимъ, какъ щедрый мотъ,
 Онъ измѣнился — и тогда же
 Сокрылся вѣтранный Эротъ.
 Какъ мотыльки, созданья эти
 Всегда бросаются на свѣтъ,
 И гдѣ Мамонъ проложитъ слѣдъ,
 Не опасаясь тайной сѣти,
 Тамъ опечаленъ, недвижимъ
 Опуститъ руки серафимъ.

X.

Кидая берегъ свой родимый,
 Гарольдъ, всегда любившій мать,
 Не обнялъ матери любимой
 И не пришелъ сестры обнять.
 Въ кружкѣ знакомыхъ не слышали
 Его «прости!»... не потому,
 Чтобъ сердце, словно какъ изъ стали,
 Природой сковано ему. —
 Нѣтъ, кто любилъ, тотъ знаетъ муку,
 Какъ безконечно-тяжело
 Лобзать любимое чело,
 Предвидя долгую разлуку.
 Свиданье боли не уймётъ,
 Но только сердце разобьётъ.

XI.

Итакъ, Гарольдъ безъ сожалѣнья
 Покинулъ замокъ и родныхъ,
 Свою отчизну и имѣнья,
 И рой красавицъ молодыхъ,
 Имъ позабытыхъ безъ привѣта,
 Хотя ихъ взоры, рѣчи звукъ
 И бѣлый мраморъ нѣжныхъ рукъ
 Свели бъ съ ума анахорета.
 Для неизвѣстныхъ новыхъ странъ
 Онъ позабылъ пиры разгула,
 Чтобъ переплыть чрезъ океанъ,
 Чтобъ побывать у стѣнъ Стамбула,
 Чтобъ знойный климатъ испытать
 И чтобъ экваторъ миновать. ²

XII.

Ужь паруса надулись ровно
 И вѣтерокъ по струйкамъ водъ
 Игралъ и радовался словно,
 Что Чайльда въ море унесетъ.
 Скалистый берегъ потерялся
 Подъ цѣной волнъ и уплылъ въ даль,
 И Чайльдъ-Гарольдъ чуть не признался,
 Что край родной покинуть жаль;
 Но это было на мгновенье
 И, затаивъ невольный стопъ,
 Въ тотъ мигъ себя не выдалъ онъ
 Единимъ словомъ сожалѣнья,
 А вокругъ него народъ стоналъ
 И малодушно трепеталъ.

XIII.

Когда же солнце скрылось въ море,
 Герой нашъ арфу въ руки взялъ,
 Которой радости и горе
 Въ уединеньи повѣрялъ.
 До звучныхъ струнъ коснулись руки,
 Аккорды тихо полились
 И въ тишинѣ по морю звуки
 Прощальной пѣсней понеслись.
 Летѣлъ корабль, какъ окриленный,
 На бѣлоснѣжныхъ парусахъ;
 Всплывала ночь на небесахъ —
 И скрылся берегъ отдаленный,
 А Чайльдъ-Гарольдъ зеленый вальъ
 Прощальной пѣсней вѣствовалъ.

1.

Прости! Утопаетъ въ дали голубой
 Родимаго берега видъ;
 Волна за волною реветъ въ перебой
 И дикая чайка кричить.
 Мы видимъ, какъ солнце въ морской глубинѣ
 Торопится отдыхъ найти...
 Прости и тебѣ, какъ родимой странѣ!...
 Мой край! доброй ночи! прости!

2.

Часы пролетятъ и опять надо мной
 Румяное солнце всплыветъ,
 Вновь день я увижу, но берегъ родной
 Изъ глазъ навсегда пропадетъ.
 Сталь пусть и заброшенъ печальный мой домъ,
 Огонь разведенный зачахъ,
 И стѣны травой заростають кругомъ,
 И воетъ мой пѣсъ въ воротахъ.

3.

Мой маленькій пажъ, ^з подойди же ко мнѣ!
 О чемъ ты рыдаешь съ тоской?
 Боишься ль ты смерти въ холодной волнѣ?
 Иль холоденъ вѣтеръ морской?
 Утри жь свои слезы, будь весель опять,
 Корабль нашъ построенъ легко,
 И еслибы соколъ насъ вздумалъ догнать,
 Остался бы онъ далеко.

4.

«Не страшны мнѣ бури, пусть волны ревутъ,
 Пусть вѣтеръ рветъ парусъ въ клочки,
 Но ты, господинъ, не дивись, что бѣгутъ
 Изъ глазъ моихъ слезы тоски:⁴
 Не вижу я больше отцовскихъ сѣдинъ
 И мать со слезами въ глазахъ,
 Остались друзьями мнѣ ты лишь одинъ,
 Да Тотъ, что живетъ въ небесахъ.

5.

«Отецъ на прощанье крестилъ мнѣ чело,
 Хоть холоденъ былъ его взглядъ,
 Но мать моя будетъ вздыхать тяжело,
 Пока не вернусь я назадъ.»
 Довольно, малютка! понять я умѣлъ,
 Что слезы такія — не стыдъ,
 И еслибъ я чистое сердце имѣлъ,
 Я самъ бы заплакалъ навзрыдъ.

6.

Поди же ко мнѣ ты, мой вѣрный слуга!⁵
 Въ лицѣ твоємъ блѣдность видна!
 Ужь ты не боишься ль француза-врага?
 Иль буря тебѣ такъ страшна?
 «Ты думаешь, мой господинъ, обо мнѣ,
 Что стану за жизнь я робѣть—
 Нѣтъ: мысль о покинутой бѣдной женѣ
 Меня заставляетъ блѣднѣть?»

7.

«Близъ замка отцовъ твоихъ, съ мукой въ лицѣ,
 Пришлось мнѣ дѣтей покидать, ...
 Теперь, если спросятъ они объ отцѣ —
 Что можетъ отвѣтить имъ мать?»
 Довольно, мой добрый служитель — ты правъ.
 Печаль твоя стоитъ похвалъ,
 Но я... не таковъ легковѣрный мой нравъ:
 Смѣясь врай родной покидалъ.

8.

О! что же находимъ мы въ женскихъ слезахъ?
 И долго ли женщина ждетъ?
 Чужая рука на прекрасныхъ глазахъ
 Вчерашнія слезы сотретъ.
 Не жаль мнѣ дней счастья въ родной сторонѣ,
 Не гнусь я при видѣ грозы,
 Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
 Сронить ни единой слезы.

9.

Я вновь одинокъ, какъ въ былые года,
 Одинъ посреди этихъ водъ.
 Къ чему жь о другихъ я заплачу, когда
 Никто обо мнѣ не вздохнётъ?
 Не долго мой пѣсъ будетъ выть и скучать,
 Найдеть новый уголь и кровь,
 И если вернусь я — меня разорвать
 Пѣсъ собственный будетъ готовъ.

10.

Корабль мой, неси же меня по волнамъ!
Пусть море кипить подо мной!..
Неси куда хочешь, къ далекимъ странамъ,
Лишь только бь не въ край мой родной.
Привѣтъ посылаю я синимъ морямъ,
А ихъ не увижу въ пути—
Привѣтъ мой пустынямъ, пещерамъ, горамъ...
Мой край! доброй ночи! прости!

XIV.

Корабль летитъ, волна бурлива
И вѣтеръ рѣзче и сильнѣй
Вблизи Бискайскаго залива;
Корабль летитъ уже пять дней—
И берегъ всталъ изъ-за тумана.
О Цинтра! вотъ зубцы твои!
Вотъ Таго данью океана
Мчатъ золотистыя струи.
Вотъ на корабль взошли съ привѣтомъ
Изъ лузитанцевъ лоцмана —
И плодоносная страна
Открылась, зѣмная свѣтомъ,
Гдѣ поселяне въ полѣ жнутъ,
Кончая свой поденный трудъ.

XV.

О, Боже небо не скупилось.
 Для этихъ мѣстъ въ своихъ дарахъ...
 Какихъ плодовъ здѣсь не родилось!
 Что за окрестности въ горахъ!
 Лишь нечестивыми руками
 Здѣсь человекъ все портить могъ.
 Когда Перунъ за облаками
 Подниметь бичъ свой на порокъ,
 На всѣхъ идущихъ противъ рока,
 То онъ ударить съ вышины
 На притѣснителей страны —
 И галлъ, наказанный жестоко
 Рукой незримаго врага,
 Покинетъ эти берега.

XVI.

О! какъ хорошъ при первомъ взглядѣ
 Весь этотъ городъ Лисабонъ,
 Когда во всей своей громадѣ
 Въ рѣкѣ бываетъ отражонъ.
 Намъ ту рѣку во время оно
 Пѣвцы хвалили безъ стыда;
 По ней теперь изъ Альбіона
 Плывутъ могучія суда
 Спасать отъ галловъ славу юга;
 Но лузитанецъ гордъ и дикъ
 И отличать онъ не привыкъ
 Врага отъ истиннаго друга —
 И втихомолку проклянётъ
 Своихъ спасителей приходъ.

XVII.

Когда же съ этимъ градомъ дивнымъ
 Мы ознакомимся вблизи —
 Онъ намъ покажется противнымъ:
 Дворцы и хижины въ грязи
 Кругомъ въ одну столпились груды,
 И еслибъ путникъ только могъ
 Пройти весь городъ этотъ — всюду
 Онъ мерзокъ вдоль и поперегъ.
 Толпа гражданъ немытыхъ, праздныхъ
 Отъ лѣни рубища влачатъ,
 Ничто ее не устраситъ:
 Она не сброситъ платьевъ грязныхъ,
 Хотя бъ на встрѣчу шла сама
 Египта страшная чума.

XVIII.

Рабы презрѣнные, къ которымъ
 Такъ щедры были небеса,
 Природа — ихъ ли, ихъ ли взорамъ,
 Цѣнить всѣ эти чудеса?
 Здѣсь Цинтра⁶ смотритъ новымъ раемъ,
 Въ вершинахъ горъ, въ цвѣтахъ долинъ.
 Обвороченный этимъ краемъ,
 Какой поэтъ намъ дастъ одинъ
 Хотя намекъ на ту природу,
 Передъ которою блѣдна
 Та неизвѣстная страна,
 Пѣвцомъ открытая народу,
 Когда онъ смертныхъ удивилъ
 И имъ Элизіумъ открылъ?

XIX.

Цѣпь голыхъ скалъ идетъ рядами ;
 Тамъ монастырь, склонившись внизъ ,
 Своими бѣлыми стѣнами
 Надъ самой бездною повисъ ;
 Деревьевъ тѣнь по горнымъ скатамъ ,
 Сожженный мохъ на крутизиѣ
 И съ вѣчнымъ мракомъ, съ ароматомъ
 Долины въ мертвой тишинѣ ;
 Сверканье моря голубого
 И апельсинныхъ рощъ нарядъ ,
 И изумрудный виноградъ ,
 И ревъ потоковъ — здѣсь все ново!
 Здѣсь предъ глазами вставшій видъ
 И восхищаетъ и дивитъ.

XX.

Но выше по тропинкѣ горной
 Идите вверхъ, смотря назадъ ,
 Чтобъ той природой благотворной
 Еще полнѣй упился взглядъ.
 А тамъ одна изъ тѣхъ тропинокъ
 Ведетъ къ стѣнамъ монастыря ;
 Здѣсь васъ съ мощами встрѣтитъ пнокъ,
 Свои легенды говоря:
 Вотъ тутъ погибли изувѣры:
 Ихъ за нечестье рокъ сразилъ ,
 А тамъ Гонорій прежде жилъ ,
 Спастись желавшій въ тѣмъ пещеры,
 Въ адъ обратившій жизнь свою ,
 Чтобъ быть впоследствии въ раю.

XXI.

Блуждая по уступамъ этимъ,
 Среди пустынныхъ, дикихъ мѣстъ,
 Мы по дорогѣ часто встрѣтимъ
 Воткнутый въ землю скромный крестъ.
 Но онъ есть только слѣдъ ужасныхъ
 Ночныхъ убійствъ; уже потомъ,
 Найдя останки жертвъ несчастныхъ,
 Ихъ погребаютъ подъ крестомъ.
 Здѣсь встрѣтитъ путникъ удивленный
 Такихъ могилъ несчетный рядъ,
 И тѣ могилы говорятъ,
 Что въ той странѣ окровавленной
 Законъ усталый туио спитъ
 И жизни гражданъ не хранитъ. ⁷

XXII.

Въ долинахъ зámки видны нами,
 Въ нихъ прежде жили короли,
 Теперь же дикими цвѣтами
 Они капризно заросли,
 Но слѣдъ величья ихъ остался...
 Вотъ «зáмокъ принца» тамъ стоитъ.
 Не ты ль здѣсь жизнью наслаждался,
 Ты, Ватекъ, ⁸ нашъ богатый бриттъ?
 Не здѣсь ли, жизнью наскуча,
 Ты создалъ свой земной эдемъ?
 Но объ одномъ забылъ межъ тѣмъ,
 Что какъ богатство не могуче,
 Но и ему — вездѣ равно —
 Надъ жизнью власти не дано.

XXIII.

Внизу горы, въ жилищѣ этомъ
 Ты жилъ, всѣхъ прихотей творецъ...
 Теперь, какъ проклятый всѣмъ свѣтомъ,
 Стоитъ пустынный твой дворецъ,
 И нѣтъ слѣдовъ минувшей славы:
 Какъ ты, онъ сталъ и пусть и нѣмъ,
 Лишь колоссальной рощю травы
 Путь загоразиваютъ всѣмъ
 Къ раскрытымъ портикамъ и заламъ...
 Какой торжественный урокъ
 Для всѣхъ, кто только думать могъ
 О счастья, безконечно маломъ,
 Которое кладеть въ гроба
 Неумолимая судьба.

XXIV.

Вотъ замокъ: здѣсь—то каждый знаетъ—
 Сошлись вожди⁹ — и съ давнихъ поръ
 Видъ замка этого смущаетъ
 Британца смѣлый, гордый взоръ.
 Смотрите: тамъ, съ улыбкой адской,
 Обвить пергаментомъ кругомъ,
 Сидить, надѣвъ колпакъ дурацкій,
 Чертёнокъ маленький; на немъ
 Висятъ печать и свитокъ чорный,
 Гдѣ видѣнъ рядъ гербовъ, именъ
 Извѣстныхъ рыцарей, — и онъ
 На нѣхъ указывалъ проворно,
 Лукаво надписи читалъ
 И непритворно хохоталъ.

XXV.

Конвенція — названье бѣса.
 Въ томъ замкѣ на смѣхъ онъ собралъ
 Всѣхъ гордыхъ рыцарей конгреса
 И ихъ надежды осмѣялъ.
 Здѣсь побѣдитель покорился
 И предъ безуміемъ поникъ,
 И вновь спасителемъ явился
 Дипломатическій языкъ.
 О лавры, лавры! вы обидны
 Героямъ нашимъ навсегда.
 Срамъ побѣдителю, когда
 Онъ растеряется постыдно
 И клонитъ голову въ странѣ
 Имъ покоренной на войнѣ.

XXVI.

Съ тѣхъ поръ, о Цинтра! не забудутъ
 Тебя британцы никогда,
 И, если могутъ, долго будутъ
 Сгорать отъ тайнаго стыда
 Вожди грядущихъ поколѣвій —
 Побѣдоносные вожди...
 Нѣтъ, стыдъ безславныхъ поражений
 Суда потомства подожди,
 Когда, смѣясь, припомнятъ внуки,
 Какъ побѣдитель уступилъ,
 Какъ побѣжденный врагъ смутилъ
 Побѣды радостные звуки,
 Смиль гордый лавръ ея вѣнковъ
 И бросилъ на позоръ вѣковъ.

XXVII.

Такъ думалъ Чайльдъ, не безъ кручины
 Бродя одинъ средь этихъ скалъ,
 И хоть прелестныя картины
 Повсюду взоръ его встрѣчалъ,
 Но онъ, какъ ласточка, скучая,
 Рвался все дальше, въ край иной,
 И чаще думы набѣгая
 Терзали умъ его больной,
 И не безъ горькаго презрѣнья
 Припоминалъ Гарольдъ тогда
 Мелькнувшей юности года,
 Что прожилъ ихъ безъ сожалѣнья
 Въ чаду безумствъ, въ чаду проказъ —
 И взоръ его темнѣлъ не разъ.

XXVIII.

Коня скорѣй! ¹⁰ И покидаетъ
 Онъ этотъ край и мирный кровъ;
 Онъ мрачнымъ грезамъ измѣняетъ,
 Но не для женщинъ и пировъ.
 Спѣшить — куда? — безъ цѣли мчится
 Впередъ, впередъ, куда-нибудь,
 Не зная самъ, гдѣ прекратится
 Его капризный, долгій путь.
 Не мало мѣстъ и видовъ разныхъ
 Передъ собой увидить онъ,
 Пока не будетъ утомленъ
 Картиной странъ разнообразныхъ
 И долгимъ опытомъ, пока
 Еще сильна его тоска.

XXIX.

Но вотъ и Мафра. ¹¹ Въ вихрѣ танцевъ
 Здѣсь слышенъ былъ церковный хоръ,
 Здѣсь королева лузитанцевъ ¹²
 Жила, оплакавъ свой позоръ;
 Мѣшались здѣсь пиры и мессы
 И составляли дворъ одинъ
 И куртизанки и повѣсы
 И рядомъ — мрачный капуцинъ.
 Здѣсь вавилонская блудница
 Себѣ построила чертогъ;
 Здѣсь позлащенный твой порокъ,
 Въ крови купавшаяся жрица,
 Толпу къ ногамъ твоимъ бросалъ
 И рабскій трепетъ возбуждалъ.

XXX.

Такъ между горъ, цвѣтущей нивой
 Шелъ Чайльдъ-Гарольдъ впередъ, впередъ...
 О! для чего въ странѣ счастливой
 Народъ свободный не живетъ?
 Нѣтъ, для однихъ лѣнтяевъ, дома
 Жалѣвшихъ кинуть свой диванъ,
 То наслажденье не знакомо:
 Бродить подъ небомъ разныхъ странъ
 Съ однимъ желаніемъ упорнымъ —
 Иныя думы испытать,
 Все знать, все видѣть и дышать
 Всею грудью воздухомъ нагорнымъ...
 Одинъ флегматикъ лишь не могъ
 Понять всю прелесть тѣхъ тревогъ.

XXXI.

Но плодоносныя долины
 Все рѣже, рѣже видить взоръ,
 И вотъ испанскія равнины
 И безконечный ихъ просторъ
 Кругомъ открылся нашимъ взглядамъ.
 И новый край суровъ и глухъ:
 Среди поля гладкаго за стадомъ
 Лишь кое-гдѣ бредеть пастухъ:
 Онъ долженъ быть вооруженнымъ,
 Чтобъ защищать своихъ овецъ,
 Затѣмъ, что изъ конца въ конецъ
 Предъ цѣлымъ краемъ разореннымъ
 Прошелся врагъ — и весь народъ
 Теперь его прихода ждѣтъ.

XXXII.

Тамъ, гдѣ слились между собою
 Двѣ враждовавшія страны,
 Какой же гранью роковою
 Они теперь раздѣлены?
 Что дѣлится ихъ? Въ зубцахъ Сьерра?
 Иль Таго мощная волна?
 Иль колоссальнаго размѣра
 Вновь возведенная стѣна?
 Тамъ нѣтъ ни стѣнъ, ни рѣчки быстрой,
 Ихъ межъ собой не раздѣлялъ
 Огромный рядъ высокихъ скалъ,
 Подобно цѣпи той гористой,
 Которой галльская страна
 Отъ южныхъ мѣстъ отдѣлена.

XXXIII.

Но между ними пробѣгаетъ
 Едва замѣтный ручеекъ.
 Какъ звать его? — никто не знаетъ,
 Но онъ для нихъ границей лёгъ
 И здѣсь журчитъ, переливаясь
 Вдоль ненавистныхъ береговъ...
 Порой, на посохъ опираясь,
 Пастухъ глядитъ въ страну враговъ
 Своимъ лѣниво-гордымъ взоромъ...
 Любой испанскій селянинъ
 Смотрѣлъ, какъ истый властелинъ,
 На край, задавленный позоромъ:
 Не ужился съ нимъ никогда бѣ
 Несчастный лузитанскій рабъ. ¹³

XXXIV.

Когда жь вдали, среди тумана,
 Ушла граница та — и вотъ
 Явилась мрачно Гвадіана
 Съ журчаньемъ тихихъ, грустныхъ водъ.
 На берегахъ ея когда-то
 Сходился съ рыцарями мавръ,
 Сверкали кованные латы
 И обливался кровью лавръ.
 Спасался бѣгствомъ побѣжденный
 За склономъ взрытаго холма
 И мусульманская чалма
 И гордый шлемъ окровавленный
 Во слѣдъ за ней въ рѣку летѣлъ,
 Гдѣ мчалась груда мертвыхъ тѣлъ.

XXXV.

Прекрасный край любви и славы!
 Здѣсь знамя поднялъ самъ Пелагъ,
 Когда отецъ презрѣнный Кавы¹⁴
 Пришелъ съ дружинами, и врагъ
 Окрасилъ кровью горъ долины.
 Гдѣ жь флаги грозные войны?
 Держали ихъ твои сыны,
 Разбивши дерзкія дружины.
 О, какъ тогда средь этихъ мѣстъ
 Сіялъ, горѣлъ надъ всей страной
 Побѣдоносный, яркій крестъ
 Предъ потухавшею луною!
 А въ Африкѣ носился стонъ
 Рыдавшихъ мавританскихъ жонъ.

XXXVI.

Но сохранился ль въ пѣсняхъ края
 Минувшій блескъ твоихъ побѣдъ?
 Дѣла героевъ разбирая,
 Онѣ однѣ хранятъ ихъ слѣдъ.
 Сотрется въ пыль стѣна гранита,
 Умрутъ историки страны,
 Лишь только въ пѣсняхъ не забыта
 Бываетъ слава старины.
 О, гордость! знай: языкъ преданья,
 Какъ лесть, которая ужь спитъ,
 Ни для кого не сохранитъ
 Величья прошлаго сіянья;
 Но то величіе въ народъ
 Въ безсмертныхъ пѣсняхъ перейдетъ.

XXXVII.

Сыны Испаніи, проснитесь!
 Оружье въ руки и впередъ!
 На крикъ призывный отзовитесь:
 Впередъ! васъ рыцарство зоветъ.
 Ужь нынче съ дерзостью бывадоу
 Не машеть копьями оно,
 Надъ свѣтлымъ шлемомъ хвостъ кровавый
 Не развѣвается давно,
 Но подъ раскаты пушки мѣдной,
 Въ дыму, гдѣ воздухъ рветъ картечь,
 Оно зоветъ: «за мечъ! за мечъ!»
 Скажите: этотъ крикъ побѣдный
 Не тотъ ли, что сзывалъ къ врагу
 На андалузскомъ берегу?

XXXVIII.

Но — чу! раздался топотъ конный...
 Звукъ битвы... гуль... Кого же тамъ
 Сражаетъ мечъ окровавленный?
 Уже-ль тиранамъ и рабамъ
 На жертвы кинете вы братій?
 Огонь ружейный между скалъ
 Не мало бѣшенныхъ проклятій,
 Не мало жизней вырываетъ.
 Смерть проносилась, какъ широко,
 То съ той, то съ этой стороны.
 Покрытый кровью, богъ войны
 ногой билъ въ землю — и далеко
 Людей во всѣхъ концахъ земли
 Удары эти потрясли.

XXXIX.

А тамъ, съ горы на бой ужасный
 Глядитъ Гигантъ — и грозенъ онъ,
 И цвѣтъ волосъ кроваво-красный
 Румянымъ солнцемъ озарѣнъ.
 Смерть разносилъ онъ каждымъ взглядомъ,
 Все на пути палилъ и жогъ,
 А у его желѣзныхъ ногъ
 Духъ Разрушенья видѣнъ рядомъ:
 Онъ отмѣчалъ дѣянья зла.
 Въ тотъ день три сильныя державы
 Сюда рука его свела
 Литъ кровь рѣкою для забавы —
 И съ наслажденьемъ ждетъ Колоссъ,
 Чтобъ больше крови пролилось.

XL.

Клянусь — для всѣхъ, кто на сраженьи
 Друзей и братьевъ не встрѣчалъ —
 Великолѣпное смѣшенье
 Характеръ битвы представлялъ.
 Вилися шарфы и, блистая,
 Мелькалъ огонь надъ головой,
 И словно псовъ явилась стая
 И подняла зловѣщій вой.
 Всѣ ждутъ побѣдъ, облитыхъ кровью,
 Добычи ждутъ, — но много силъ
 Погибло жертвою могилъ,
 И Разрушенья духъ съ любовью
 За ихъ паденіемъ слѣдилъ
 И падшимъ трупамъ счетъ сводилъ.

XLI.

Три арміи для грозной битвы,
 Для смертныхъ жертвъ сошлись тамъ;
 Три племени свои молитвы
 Шлютъ дикимъ воплемъ къ небесамъ.
 Подъ небомъ чистымъ и лазурнымъ
 Знамена вьются, пыль стоитъ,
 И вотъ впередъ потокомъ бурнымъ
 Идутъ французъ, испанецъ, бритъ;
 Врагъ, жертва и союзникъ нѣжный
 На битву общую пришли,
 Какъ-будто дома не могли
 Дождаться смерти неизбѣжной,
 Сошлись, чтобъ язвами ихъ ранъ
 Потомъ питался хищный вранъ.

XLII.

И здѣсь сгніютъ безумцы эти!
 Гдѣ жъ слава ихъ? — одинъ туманъ.
 Они орудьемъ были въ свѣтѣ
 Въ рукахъ тирановъ. Ты, тиранъ,
 Себѣ дорогу пролагаешь
 По человѣческимъ костямъ,
 А для чего? — и самъ не знаешь —
 Далъ волю бѣшенымъ страстямъ.
 Кому жъ мила деспотовъ злоба?
 И есть ли въ мірѣ уголокъ,
 Гдѣ бъ каждый хищный деспотъ могъ
 Найти покой, лишь кромѣ гроба,
 Гдѣ онъ сотрется скоро въ прахъ,
 Не наводя на смертныхъ страхъ?

XLIII.

О альбуэрскія равнины!
 Гдѣ скорбь оставила печать?
 Кто бъ угадалъ, что здѣсь дружины
 Сойдутся въ битвѣ умирать?
 Миръ павшимъ! Пусть триумфъ побѣдный
 И громкой славы письма
 Въ вѣка, какъ лучшій даръ наслѣдный,
 Перенесутъ ихъ имена.
 Пока мы новыхъ битвъ не видимъ,
 Не видимъ новыхъ похоронъ —
 Къ тебѣ на встрѣчу Альбионъ
 Мы съ мимолетнымъ гимномъ выйдемъ
 И, хоть недолго, можетъ быть,
 Ты въ нашихъ пѣсняхъ будешь жить. ¹⁵

XLIV.

Но о любимцахъ войнъ забудемъ:
 О нихъ напрасно толковать...
 Пускай капризъ приходитъ людямъ
 По приказанью умирать.
 Пусть мы наемщиковъ лишились,
 О нихъ мы плакать не должны:
 Вѣдь еслибъ жить они остались,
 То для позора всей страны.
 Тогда бъ ихъ роли были жалки,
 Они погибли бъ безъ слѣда,
 Безъ угрызеній, безъ стыда
 Въ какой-нибудь домашней свалкѣ,
 Иль съ окровавленнымъ ножомъ
 Всѣ занялись бы грабежомъ.

XLV.

Гарольдъ идетъ — и предъ собою
 Севилью ¹⁶ видитъ. Какъ всегда,
 Она не кажется рабою,
 Еще свободна и горда;
 Но близокъ часъ ея страданій,
 Ворвутся полчища врага
 И до ступеней чистыхъ зданій
 Коснется грязная нога,
 Скуются цѣпи для рабыни...
 Часъ страшный! Неизбѣженъ онъ,
 Иначе бѣ Тиръ и Иліонъ
 Существовали бы до нынѣ
 И добродѣтель вкругъ цвѣла,
 И въ мірѣ не было бы зла.

XLVI.

Но тамъ бѣды еще не чуетъ
 Въ безумныхъ оргіяхъ народъ;
 Позоръ отчизны не волнуетъ
 Тебя, севильскій патріотъ.
 Здѣсь нѣтъ воинственнаго жара,
 Молчитъ призывный рогъ войны
 И только слышится гитара
 Въ часы полночной тишины.
 Для сладострастныхъ наслажденій
 И дни и ночи на пролетъ
 Безумно молодость живетъ;
 Среди безмолвныхъ преступленій
 И дряхлыхъ каменныхъ громадъ
 Лишь только властвуетъ развратъ.

XLVII.

Не такъ живется селянину.
 Бойтся видѣть онъ съ женой
 Полей печальную картину,
 Полей, ограбленныхъ войной.
 Фанданго звуки замолчали,
 Веселыхъ пѣсенъ нѣтъ въ дали...
 Монархи! если бы вы знали
 О чистыхъ радостяхъ земли,
 Васъ сладкой прелестью обмана
 Къ себѣ бы слава не звала
 И за собою не вела,
 И рѣзкій грохотъ барабана
 Насъ навсегда бъ забылъ будить,
 И человѣкъ могъ счастливъ быть.

XLVIII.

Какія жь пѣсни распѣваютъ
 Теперь погонщики быковъ?
 Любовь ли, славу ль прославляютъ?
 Нѣтъ, смыслъ ихъ пѣсенъ не таковъ.
 Иные звуки и тревоги...
 Перемѣнилась скоро роль:
 Они поютъ лишь по дорогѣ
 Одно: «да здравствуетъ король!»¹⁷
 Иль шлютъ проклятiя Годою,
 Безумцу Карлу, иль тому,
 Кто сталъ (нѣтъ имени ему!)
 Предъ королевой молодою,
 И эта падшая жена
 Была въ порокъ увлечена.

XLIX.

Среди долинъ, межъ скалъ гигантскихъ,
 Гдѣ и теперь еще видны
 Обломки замковъ мавританскихъ,
 Остался грозный слѣдъ войны.
 Слѣдъ лошадиного копыта
 Избороздилъ красу луговъ,
 Все поле ядрами изрыто:
 Здѣсь, говорятъ, былъ станъ враговъ;
 И здѣсь крестьяниномъ отважнымъ
 Былъ не одинъ драгунъ сражонъ,
 И всѣмъ теперь укажетъ онъ
 На это мѣсто съ видомъ важнымъ,
 Увѣривъ, что верхи тѣхъ скалъ
 Не разъ одинъ онъ съ бою бралъ.

L.

При встрѣчѣ здѣсь видна на всякомъ
 Кокарда красная ¹⁸ — она
 Служить для всѣхъ условнымъ знакомъ
 Во всей странѣ теперь должна.
 Кто не надѣлъ кокарды красной,
 Тому бѣда; будь юнъ иль старъ,
 Онъ начинаетъ путь опасный:
 Здѣсь ножъ остеръ, здѣсь быстръ ударъ.
 И горе галльскому солдату,
 Когда надъ нимъ бы засверкалъ
 Коварно спрятанный кинжалъ,
 И обнаженному булату
 Не страшень сталъ бы громъ траншей
 И блескъ французскихъ палашей.

LI.

Тамъ, высоко, съ вершинъ Морены
 На поворотахъ, изъ-за скалъ,
 Глядятъ твердынь могучихъ стѣны,
 Рядъ батарей, — и взоръ встрѣчалъ
 Рвы, затопленные повсюду,
 Построекъ крѣпкихъ образцы,
 Изъ ядеръ сложенную груду,¹⁹
 Рогатокъ острые зубцы.
 Тамъ стражи грозныя фигуры
 И группы взнузданныхъ коней,
 Тамъ подъ ущельемъ, межъ камней,
 Для боевыхъ запасовъ фуры
 И возлѣ пушки боевой
 Фитиль курится рововой.

LII.

Ждутъ битвы, царства слезъ и мрака;
 Но тотъ, кто троны низвергалъ,
 Еще рукой не подалъ знака,
 Еще странѣ онъ отдыхъ далъ;
 Но скоро, жадные къ разбою,
 Сюда придутъ его рабы
 И скоро западъ надъ собою
 Увидитъ грозный бичъ судьбы.
 Испанцы! слабы всѣ усиля!
 Для васъ печальный день придетъ,
 Лишь галльскій коршунъ развернетъ
 Съ побѣдоноснымъ воплемъ крылья —
 И станетъ въ битвахъ умирать
 Испанцевъ доблестная рать.

LIII.

Уже-ль погибнуть эти силы
И этой молодости цвѣтъ?
Межь рабствомъ и дверьми могилы
Уже-ль иной середины нѣтъ?
Уже-ль насиліе жестоко
Поработитъ кругомъ народъ
И никогда до слуха Рока
Мольба испанцевъ не дойдетъ?
Напрасны ль храбрость и забота
Въ чертахъ геройскаго лица
И наставленья мудреца,
И увлеченье патріота,
И обнаженный къ битвѣ ножъ,
Съ которымъ рвется молодѣжь?

LIV.

Къ чему жь, гитару покидая,
Забывъ стыдливость и покой,
Теперь испанка молодая
За мечъ хватается рукой?
Забыты женскія приманки
И новымъ мужествомъ горды,
Кругомъ становятся испанки
Съ своими братьями въ ряды;
И тѣ, которые когда-то
Боялись самыхъ легкихъ ранъ,
Вступивъ ногой въ военный станъ,
Подставляютъ грудь подъ штыкъ солдата
И на рѣзню сквозь дымъ и смрадъ,
Какъ Марсы юные глядятъ.

LV.

Но если бѣ ихъ вы увидали
 Не въ дни войны, когда на васъ
 Изъ-подъ таинственной вуали
 Глядѣла нѣжно пара глазъ
 И у окна въ часы досуга
 Могли подмѣтить очеркъ рукъ
 И прелесть формъ, и профиль юга,
 Могли услышать рѣчи звукъ,
 То не подумали бы всѣ вы
 Увидѣть съ трепетомъ потомъ
 У сарагоскихъ стѣнъ съ мечомъ
 Воинственной испанской дѣвы,
 Гдѣ и спокойна и строга
 Она съ оружіемъ ждетъ врага.

LVI.

Любовникъ палъ — она не плачетъ,
 Начальникъ мертвъ — она спѣшитъ,
 Она вождемъ побѣднымъ скачетъ,
 Она трусливаго стыдитъ
 И вновь на битву возвращаетъ.
 Никто такъ грозно, какъ она,
 За смерть вождей не отомщаетъ,
 Не будить слабаго отъ сна.
 Испанка смѣло пробуждала
 Надежды спавшія въ груди
 И съ браннымъ крикомъ впереди
 Сама преслѣдовала галла,
 Когда бѣжалъ безславно онъ
 Рукою женщинъ пораженъ.²⁰

LVII.

Но всё-жь породы амазонокъ
 Чужда испанская жена —
 Она съ ребяческихъ пеленокъ
 Служить любви осуждена.
 И если въ битвѣ неизбѣжной
 За мечъ бралась ея рука,
 То это мечь голубки нѣжной
 За смерть родного голубка.
 Любовь и гнѣвъ — въ ней все безцѣнно,
 И съ ней ли я теперь сравню
 Пустыхъ красавицъ болтовню,
 Въ которыхъ все обыкновенно:
 Онѣ равны съ ней въ красотѣ,
 Но души, души ихъ не тѣ...

LVIII.

На ямкахъ щокъ — слѣды дыханья:
 Амуръ лишь смѣлъ на нихъ дохнуть;
 Уста, гдѣ спрятались лобзанья
 Сейчасъ готовы спорхнуть,
 Казалось, шепчуть, что опасно
 Лобзанья нѣжныя срывать.
 А взоръ... какъ дико и прекрасно
 Блестить и жгуть!.. О Фебъ! не трать
 Лучей и солнечнаго жара,
 Чтобъ повредить загаромъ ей:
 Еще прекраснѣй и свѣжѣй
 Она выходитъ изъ загара,
 И передъ ней скучны, блѣдны
 Всѣ дамы сѣверной страны.

LIX.

Востокъ, прославленный по свѣту!
 Гаремы знойной той страны,
 Гдѣ самъ ²¹ пою я пѣсню эту
 Въ честь красоты! (предъ ней должны
 Всѣ циники во прахъ склоняться!)
 Ведите же меня теперь
 За ту таинственную дверь,
 Гдѣ ваши гуріи хранятся,
 Гдѣ даже воздухъ стерегутъ
 Въ закрытой спальнѣ мусульманской!
 Гдѣ жъ ваши гуріи? Кто тутъ
 Сравнится съ женщиной испанской? ²²
 Такими женщинами могъ
 Наполнить рай лишь вашъ пророкъ...

LX.

Парнасъ! тебя я вижу нынѣ
 Не въ смутной грезѣ прежнихъ дней,
 Но съ вѣчнымъ снѣгомъ на вершинѣ,
 Подъ небомъ родины твоей,
 Во всемъ твоємъ величьи дикомъ!
 Не ставь же мнѣ теперь въ вину,
 Что я смутилъ невольнымъ крикомъ
 Твою святую тишину.
 Не я одинъ достоинъ смѣха —
 Вѣдь каждый скромный пилигримъ
 Привыкъ здѣсь голосомъ своимъ
 Отъ сна будить, тревожить эхо,
 Хотя давно съ твоихъ высотъ
 Не сходятъ музы къ намъ въ народъ.

LXI.

Я зналъ тебя въ мечтахъ когда-то,
 Давно (кому невѣдомъ ты —
 Не знасть тотъ, что въ жизни свято).
 Теперь я здѣсь! Сбылись мечты,
 Но я молчу, позабывая
 Все, что хотѣлъ сказать въ стихахъ;
 Поэтовъ древнихъ вспоминая,
 Могу лишь только пасть во прахъ,
 Не смѣя выговорить слова;
 Дрожа, волнуясь и любя,
 Могу смотрѣть лишь на тебя
 Сквозь ризу облачнаго крова
 И молча думать въ этотъ часъ:
 Я вижу наконецъ Парнасъ! ²³

LXII.

Счастливей всѣхъ поэтовъ, нынѣ
 Еще незнавшихъ этихъ мѣстъ,
 Могу ль не чувствовать святыни
 Во всемъ, что вижу здѣсь окрестъ?
 Хоть въ темный гротъ къ себѣ на ложе
 Теперь не сходитъ Аполлонъ,
 И ты, жилище Музъ, похоже
 На темный гробъ со всѣхъ сторонъ,
 Но здѣсь у храма вдохновеній,
 Въ тѣни пещеръ, въ дышаньи водъ
 Еще витаетъ и живѣтъ
 Какой-то кроткій, добрый геній
 И въ этой мертвой тишинѣ
 Скользитъ незримо по волнѣ.

LXIII.

Парнасъ! къ тебѣ поднявши руки,
 Я позабылъ, обворожонъ,
 Страну, гдѣ слышны цѣпи звуки
 И стоны юношей и женъ!
 Я предъ тобой лежалъ на камнѣ,
 Роняя слезы на песокъ...
 Но мой рассказъ начать пора мнѣ,
 А ты... ахъ! если бъ только могъ
 Я здѣсь сорвать хоть листъ лавровый
 Отъ вѣтки Дафны, чтобъ опять
 Я могъ съ успѣхомъ воспѣвать
 Тебя въ стихахъ, Парнасъ суровый,
 Чтобъ въ чуткой памяти пѣвца
 Ты могъ жить долго, до конца!

LXIV.

Но никогда въ дни прежней славы
 Ни ты, краса всѣхъ нашихъ горъ,
 Ни жрицы Дельфовъ (величаво
 Здѣсь неся ихъ пивійскій хоръ)
 Такого зрѣлища не знали,
 Когда, оружемъ овладѣвъ,
 Игралъ клинкомъ блестящей стали
 Рядъ андалузскихъ жонъ и дѣвъ.
 Въ нихъ пышетъ зной желаній жгучихъ,
 Но дѣти юга лишены
 Награды греческой страны —
 Уединенья рощъ пахучихъ,
 Хоть нынче въ Греціи и нѣтъ
 Минувшей славы прошлыхъ лѣтъ.

LXV.

Севиля гордая прекрасна
 Богатствомъ, древностью своей,
 Кадиксъ съ ней сравнивать опасно,
 Хотя Савильи онъ милѣй...
 О, взоръ чарующій порока!
 Какую юность не смутить
 Его магическое око?
 Чье сердце онъ не обольститъ!
 Въ комъ кровь кипитъ въ здоровой груди,
 Того змѣей онъ обовьетъ
 И тихо въ пропасть увлечетъ,
 Для всѣхъ мѣняя по причудѣ
 Свой обольщающій нарядъ,
 Улыбки нѣжныя и взглядъ.

LXVI.

Когда Сатурнъ въ безстрастномъ гнѣвѣ
 Косою Паеосъ поразилъ
 (Сатурнъ и самой королевѣ
 Не разъ косою своею грозилъ),
 Тогда забавы и веселье
 Нашли пріютъ въ странѣ тепла,
 Тогда сюда на новоселье
 Венера храмъ перенесла
 И здѣсь за бѣлыми стѣнами
 Она поставила свой тронъ.
 Но что ей храмъ? Со всѣхъ сторонъ,
 Блестая яркими огнями,
 Вкругъ отъ зари и до зари
 Предъ ней курились алтари. ²⁴

LXVII.

Всю ночь, до самаго разсвѣта
 Кипитъ здѣсь праздникъ красоты,
 Подъ звукъ гитаръ и кастаньета
 Народъ наряженный въ цвѣты
 Поетъ при пляскѣ молодёжи;
 Не встрѣтишь хмураго лица;
 Сегодня пиръ и завтра то же
 И не видать пирамъ конца.
 Слѣдовъ нѣтъ скорби и кручины,
 И горькихъ слезъ — ни здѣсь, ни тамъ,
 Лишь стерегутъ свой оиміамъ
 Одни сѣдые капуцины
 И шевелитъ здѣсь всѣхъ равно
 Любовь съ молитвой заодно.

LXVIII.

Вотъ день воскресный. Чѣмъ займется
 Народъ въ день отдыха теперь?
 Но, чу! рычанье раздается:
 То царь лѣсовъ, могучій звѣрь.
 Онъ ноздри вздулъ, съ кровавой пѣной
 Терзаетъ всадниковъ, коней...
 Толпа повисла надъ ареной —
 Но только радость будятъ въ ней:
 Она въ восторгѣ замираетъ,
 Когда оплошнаго врага
 Быкъ поднимаетъ на рога
 И къ верху трупъ его бросаетъ,
 А дамы смотрятъ въ этотъ часъ
 Не отворачивая глазъ.

LXIX.

И вотъ онъ день седьмой недѣли!
 Но такъ ли Лондонъ чтить тѣ дни?
 Наряды чистые надѣли
 Всѣ классы общества; они,
 Покинувъ зданій темныхъ стѣны,
 Бѣгутъ всѣ воздухомъ дохнуть,
 Чтобъ освѣжить больные члены,
 Чтобъ разъ въ недѣлю отдохнуть.
 Въ фіакрахъ скромныхъ, въ пышномъ кэбѣ
 Все чтò и юно и старо
 Спѣшитъ въ Гемпстедъ или въ Гэро,
 Чтобъ вспомнить вновь о синемъ небѣ,
 Межъ тѣмъ, какъ сзади пѣшеходъ
 Съ ревнивой завистью идеть.

LXX.

На Темзѣ лодки; въ лодкахъ дамы,
 На нихъ цвѣты, узоры блондъ;
 Инымъ же хочется упрямо
 Идти въ Гейгетъ или въ Ричмондъ.
 Куда же ихъ ведетъ дорога?
 Я расскажу — къ чему скрывать? —
 Они спѣшатъ на праздникъ *Рога*²⁵
 Ему мольбы свои шептать.
 Тамъ онъ внималъ моленямъ страннымъ
 Отъ многихъ юношей и женъ,
 Тамъ рядъ признаній окропленъ
 Бывалъ виномъ благоуханнымъ,
 Смѣнялась музыкой игра
 И танцы длились до утра.

LXXI.

Свои безумства въ каждомъ краѣ.
 И ты, Кадиксъ, подверженъ имъ:
 Лишь вспыхнетъ день — перебирая
 Гранаты чотокъ, пилигримъ
 Предъ ликомъ Дѣвы Непорочной,
 (Она одна во всей странѣ)
 Въ своемъ обрядѣ всюду точный,
 Стоитъ, склонившись въ тишинѣ...
 Онъ за людей творить моленья;
 Но часъ насталь — и въ циркъ идетъ
 Такъ жадный къ зрѣлищамъ народъ.
 Весь городъ, всѣ безъ исключенья,
 Перемѣшавшись межъ собой,
 Идутъ смотрѣть кровавый бой.

LXXII.

Вотъ сцена зрителямъ предстала.
 Арена дѣйствія пуста;
 Еще труба не прозвучала,
 Но всюду заняты мѣста,
 Повсюду гранды и вельможи
 И вереница доннъ и дамъ —
 Приманка бойкой молодежи,
 Мелькавшей вокругъ по ихъ слѣдамъ.
 А взоры женщинъ такъ лукавы...
 Но никогда прекрасный взглядъ
 Не гналъ поклонниковъ назадъ,
 Хотя пѣвцы луны и славы
 Рѣшатель, что женщинъ гордый взоръ
 Для сердца — смертный приговоръ.

LXXIII.

Шумъ замеръ, стихли разговоры,
 И всадники въѣзжаютъ въ кругъ.
 Въ рукахъ ихъ копыя; блещутъ шпоры;
 Они раскланялись вокругъ,
 Готова публику къ потѣхамъ,
 А публика ужь ждетъ съ утра,
 Когда окончится съ успѣхомъ
 Бойцовъ опасная игра.
 Тогда ихъ встрѣтятъ общимъ плескомъ,
 Ихъ поощрятъ и здѣсь и тамъ
 Улыбки, взгляды гордыхъ дамъ...
 Съ такимъ триумфомъ, съ этимъ блескомъ
 Король встрѣчается, порой,
 Иль самъ увѣнчанный герой.

LXXIV.

Нарядной мантией блистая,
 Стоитъ проворный матадоръ;
 Царя лѣснаго поджидая,
 Онъ вокругъ себя бросаетъ взоръ,
 Чтобъ осмотрѣть просторъ арены,
 (Въ его рукѣ — одинъ кинжалъ)
 Чтобъ убѣждать ему со сцены
 Никто отъ звѣря не мѣшалъ.
 Повсюду — пѣшій, съ шарфомъ краснымъ —
 Онъ звѣря издали дразнилъ:
 Онъ только издали шутилъ
 Надъ непріателемъ опаснымъ
 И вызывалъ его на бой,
 Раскинувъ шарфъ передъ собой.

LXXV.

Вотъ поданъ знакъ — труба гремѣла,
 Широко распахнулась дверь —
 Толпа какъ-будто онѣмѣла:
 На сцену разомъ прынулъ звѣрь.
 Глазами медленно вращаетъ,
 Взрывая подъ собой песокъ,
 Но на врага не нападаетъ:
 Онъ разглядѣть его не могъ.
 Какъ-будто что соображая,
 Онъ бьетъ, крутитъ своимъ хвостомъ,
 Глазами красными кругомъ
 Поводить, жертву поджидая —
 И стали грозно-велики
 Его кровавые зрачки.

LXXVI.

Новдругъ онъ сталъ съ недвижнымъ взоромъ.
 Бѣги, безумецъ, этихъ глазъ!
 Побѣднымъ лавромъ иль позоромъ
 Тебѣ грозить ужасный часъ...
 Проворно всадники мелькаютъ,
 Удары сыплютъ на быка,
 Струями крови покрываютъ
 Его широкіе бока.
 Онъ мчится, вертится, крутится,
 Отъ ранъ онъ бѣшенѣе сталъ;
 Кинжалъ сверкнулъ, другой кинжалъ,
 Въ его спинѣ копьѣ дымится,
 И быкъ подъ градомъ смертныхъ стрѣлъ
 Съ мычаньемъ дикимъ заревѣлъ.

LXXVII.

Ревъ грозный вырвался изъ груди,
 Но онъ опять впередъ бѣжитъ...
 Ему ли страшны эти люди?
 Его ль оружье устрашить?
 Ужь конь одинъ убить, какъ муха,
 Другой... видъ страшный для меня;
 Черезъ распоротое брюхо
 Видна вся внутренность коня.
 Но онъ не падаетъ отъ боли,
 Хотя, качаясь, онъ бѣжитъ
 И изъ бѣды спасти спѣшитъ
 (Въ послѣднй разъ теперь, не болѣ)
 Того, кого въ дни прежнихъ силъ
 Онъ на хребтѣ своемъ носилъ.

LXXVIII.

Въ крови, усталый и взбѣшенный
 Ножами, копьями покрытъ,
 Вдругъ, словно къ мѣсту пригвожденный,
 Быкъ сталъ и вокругъ себя глядитъ.
 И вотъ тогда врага измѣря,
 Кровавымъ шарфомъ матадоръ
 То издали задразнить звѣря,
 То подбѣжить къ нему въ упоръ.
 Въ послѣднй разъ царь стада мчится,
 Въ зрачкахъ его зажглась гроза —
 Но плащъ закрылъ ему глаза
 И звѣрь испуганный кружится.
 Конецъ! со всѣхъ могучихъ ногъ
 Онъ упадаетъ на песокъ.

LXXIX.

Между хребтомъ и шейей разомъ
 Кинжалъ вошелъ по рукоятъ;
 Герой упалъ, а вокругъ съ экстазомъ
 Сталъ весь народъ рукоплескать.
 Безъ стоновъ, безъ предсмертной муки
 Звѣрь на аренѣ умиралъ;
 При общемъ грохотѣ и стукѣ
 Богатый поѣздъ выѣзжалъ.
 На колесницѣ помѣщаютъ
 Кровавый трупъ героя дня;
 Четыре бойкіе коня
 (Они удилъ стальныхъ не знаютъ)
 Изъ роковаго круга мчатъ.
 Быка убитаго назадъ.

LXXX.

Вотъ наслажденья и забавы
 Испанскихъ грандовъ, гордыхъ дѣвъ!
 Ихъ тѣшитъ кровь сильнѣе славы,
 Знакомъ имъ съ дѣтства мести гнѣвъ.
 Не разъ кровавые раздоры
 Испанецъ въ тайнѣ затѣвалъ,
 Не разъ въ пылу минутной ссоры
 Онъ землю кровью обливалъ.
 Хоть на врага родного края
 Единодушно всталъ народъ,
 Но дома онъ на месть идетъ
 И, черный умыселъ скрывая,
 Не разъ онъ другу измѣнялъ,
 Въ него вонзая свой кинжалъ.

LXXXI.

Но прежней ревности дозоры,
 Замки, рѣшотки на окнѣ,
 Дуэнья старья, запоры —
 Ихъ нѣтъ ужъ больше въ той странѣ.
 До дней войны, до дней невзгоды,
 Когда гроза еще не шла,
 Счастливой дочерью свободы
 Испанка каждая была.
 Съ косою распущенной, бывало,
 Она топтала пышный лугъ,
 То съ быстротою мчалась вдругъ,
 То въ страстномъ танцѣ замирала,
 А на испанку съ вышины
 Лился прозрачный свѣтъ луны.

LXXXII.

Не разъ Гарольдъ любилъ, иль вѣрилъ,
 Что любить онъ, но въ тѣ года
 Онъ предъ собой не лицемѣрилъ,
 Не увлекался никогда.
 Любви желанья и усилья
 Не шевелятъ его души,
 И у Амура только крылья
 Ему казались хороши;
 Хоть онъ красивъ и вѣчно молодъ,
 Но наслажденій тайныхъ дно
 Всегда печально и темно:
 Тамъ скрыты горечь, тьма и холодъ...
 Такъ иногда цвѣты хранять
 Неизлечимый, тонкій ядъ.

LXXXIII.

Но, прелесть формъ не отвергая,
 Онъ какъ философъ ихъ цѣнилъ,
 (Хоть всѣхъ философовъ пугая,
 Прекрасный образъ не манилъ),
 Страсть утомляя, убѣгаетъ
 И сладострастiя порокъ
 Ему могилу вырываетъ
 И губить насъ въ короткiй срокъ...
 О жертва тьмы и пресыщенья!
 Тебѣ невѣдома любовь,
 Тебѣ волнуетъ только кровь
 Неумолимое презрѣнье;
 Проклятье Каина легло
 Къ тебѣ на гордое чело.

LXXXIV.

Онъ одиноко шелъ въ народѣ,
 Хоть мизантропомъ не смотрѣлъ;
 Въ весельи общемъ, на свободѣ,
 Порой, забыться онъ хотѣлъ,
 Но улыбнется ль тотъ хоть дважды,
 Чья жизнь разбита, темень путь?...
 Онъ цѣпи демона однажды
 Хотѣлъ на миръ съ себя страхнуть
 И въ спальнѣ женщины прекрасной
 Невольно пѣсню ей сложилъ,
 Онъ въ этой женщинѣ цѣнилъ
 Красавицъ прежнихъ, образъ ясный
 Подруги первой — даже съ той
 Она равнялась красотой:

ИНСЪ.

1.

Не улыбайся мнѣ! Тебѣ бы — видитъ Богъ —
 Своей улыбки я въ отвѣтъ бы не принесъ,
 Но Бога я молю, чтобъ Онъ тебя сберегъ
 Отъ бесполезныхъ слезъ.

2.

Ты хочешь знать давно — о чемъ моя печаль,
 Которой никогда я не могу забыть!
 Не спрашивай о томъ: тоску мою едва ль
 Кто можетъ излечить.

3.

Нѣтъ, не слѣды любви, не ненависти власть,
 Не честолюбія обманутаго пылъ,
 Заставили меня все проклинать и клясть,
 Чтó въ жизни я цѣнилъ.

4.

То — пресыщеніе; оно теперь слѣдитъ
 За мной, какъ тать, вездѣ. Въ душѣ разбитой тьма.
 И красота меня ужъ больше не плѣнитъ —
 И даже — ты сама.

5.

Во мнѣ живетъ печаль — и ту печаль носилъ
 Въ себѣ самъ Вѣчный Жидъ, скитаясь сотни лѣтъ;
 Въ одной могилѣ бѣ я тоску свою забылъ,
 Но до могилы — нѣтъ.

6.

И кто жь съ охотою въ изгнаніе бѣжитъ?
 О, гдѣ бы ни былъ я — печаль одна и та жь!
 Бичъ жизни — мысль моя вездѣ, вездѣ стоитъ
 Передо мной, какъ стражъ.

7.

А вокругъ всѣ веселы — что не доступно мнѣ,
 У всѣхъ есть радости — я ихъ не назову...
 О! пусть же знаютъ всѣ лишь въ мимолетномъ снѣ,
 Что зналъ я на яву.

8.

Не мало новыхъ странъ мнѣ нужно пробѣжать,
 И много, много разъ я оглянусь назадъ:
 Моей отрадою осталось — лишь считать
 Страданій прошлыхъ рядъ.

9.

Изъ сожалѣнія ко мнѣ и изъ любви —
 Не спрашивай, о чемъ душа моя скорбитъ!
 Нѣтъ, съ сердца моего ты маски не сорви:
 Подъ маской адъ кипить. ²⁶

LXXXV.

Прости, Кадиксъ! Мы не забудемъ,
 Какъ защищался ты у стѣнъ,
 Мы долго, долго помнить будемъ,
 Чѣмъ искупилъ ты тяжкій плѣнъ.
 Въ твоёмъ возстаніи народномъ
 Дышалъ правдивый гнѣвъ и страсть:
 Ты первый былъ — чтобъ быть свободнымъ,
 Ты былъ послѣднимъ — чтобы пасть!
 Но если же въ пылу боренья
 Весь городъ кровью истекалъ —
 Одинъ измѣнникъ только палъ,
 Какъ жертва тяжкаго отмщенья;²⁷
 За всю страну возсталъ народъ,
 Лишь гнулъ вельможа свой хребѣтъ.

LXXXVI.

Судьба испанскаго народа
 Была всегда для насъ странна:
 Ему невѣдома свобода,
 Но за нее дралась страна.
 Народъ стоялъ за честь и славу,
 Которыхъ нѣтъ въ родномъ краю,
 За изнуренную державу
 Слагалъ онъ голову свою.
 Великій, гордый, непреклонный,
 Свободой бредитъ онъ во снѣ,
 И рвется вновь къ борьбѣ, къ войнѣ
 Герой, недавно побѣжденный;
 Хоть на ножахъ ему нужна
 Неукротимая война.²⁸

LXXXVII.

Всѣ ужасы народной мести
 (Здѣсь всѣмъ свобода дорога)
 Соединились дружно вмѣстѣ
 Для кары чуждаго врага.
 Готовъ весь край безъ содроганья
 Начать кровавую игру,
 Чтобъ защитить отъ поруганья
 Жену свою, свою сестру.
 Здѣсь все равно — ударъ открытый
 Иль потайной ударъ ножа...
 Здѣсь каждый, мщеньемъ дорожа,
 Слѣдитъ, какъ умеръ врагъ убитый...
 О, еслибъ всюду, всюду такъ
 Караемъ былъ преступный врагъ!...

LXXXVIII.

Но намъ ли плакать здѣсь отъ муки?
 Въ равнинѣ трупы... смертный стонъ...
 Въ крови — смотрите — эти руки,
 Въ святой крови испанскихъ жонъ!
 Пусть псы одни грызутъ ихъ смѣло,
 Пусть коршунъ рветъ глаза съ ихъ лицъ,
 Хотя ихъ мерзостное тѣло
 Едва ль достойно хищныхъ птицъ.
 Пусть кости ихъ, пусть трупы эти
 И кровь, которой не стереть,
 Потомки сходятся смотрѣть,
 И пусть увидятъ наши дѣти
 (И содрогнутся ихъ умы)
 Все то, что нынче видимъ мы.

LXXXIX.

Но нѣтъ, еще не смолкли стоны,
 Опять польется скоро кровь.
 Въ дали мы видимъ легионы
 И горизонтъ темнѣетъ вновѣ.
 Испанія! твоей свободы
 Ждетъ рядъ изнывшихъ въ рабствѣ странъ!
 И ты, свободная, народы
 Освободишь отъ долгихъ ранъ,
 Скорѣй чѣмъ самые Пизарры
 Ихъ покорятъ... Но ты пока
 Еще раба... Судьбы рука!
 Жестоки такъ твои удары!
 И эта вольная страна
 Еще въ цѣпяхъ ходить должна.

XC.

Ни трупы павшихъ въ Талаверѣ,
 Ни при Бароссѣ рядъ могилъ,
 Ни жертвы битвъ при Альбуэрѣ
 Не сберегли народа силъ.
 Когда жь очнется онъ отъ гнета?
 И расцвѣтутъ его сады?
 Давно онъ ждетъ, онъ ждетъ чего-то,
 Но много черныхъ дней бѣды
 Еще испанцамъ предстояло,
 Пока не кинетъ хищный галлъ,
 Поля, гдѣ все онъ разорялъ;
 Пока земля, гдѣ все завяло,
 Не дастъ завѣтнаго плода
 Свободы, счастья и труда.

ХСІ.

А ты, ты другъ моей печали!²⁹
 Когда погибъ бы ты въ борьбѣ
 За бѣдный край, тогда едва ли
 Я пожелѣлъ бы о тебѣ.
 Но умереть безславно, сирѣ,
 Безъ пышныхъ лавровъ, въ тишинѣ,
 Чужимъ для жизни и для міра,
 Оставивъ память только мнѣ!...
 Твой прахъ сложили, яму роя,
 Съ бойцомъ, искавшимъ смерть въ бою...
 Зачѣмъ же голову твою
 Не увѣнчалъ вѣнецъ героя?
 Ты, какъ и всѣ, носить бы могъ
 Героя падшаго вѣнокъ.

ХСІІ.

О старшій другъ, всѣхъ больше милый!
 Пусть смерть теперь въ твоей груди,
 Пусть отъ меня ты взятъ могилой —
 Ты хоть во снѣ ко мнѣ приди!
 А утромъ вновь польются слезы
 И вновь печаль придетъ назадъ,
 Мои таинственные грезы
 Къ твоей могилѣ полетятъ,
 Летая тамъ у двери гроба,
 Онѣ исчезнуть лишъ тогда,
 Когда подъ камнемъ навсегда
 Въ молчаньи вѣчномъ лягутъ оба —
 И тотъ, кто горько слезы лилъ,
 И тотъ, кто имъ оплаканъ былъ.

‘ XIII.

Вотъ пѣсня первая романа.
Романа этого конецъ,
Конечно, поздно или рано,
Представить публикѣ пѣвецъ.
Но здѣсь закончить не пора ли?
Быть можетъ, критикъ такъ рѣшилъ.
Постойте! вы не все узнали:
Въ иныхъ странахъ герой нашъ былъ,
Въ странахъ, гдѣ видимы донынѣ
Слѣды глубокой старины
И гдѣ еще пощажены
Великой Греціи святыни:
Ихъ оставляла жить вѣка,
Не тронувъ, варваровъ рука.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Голубоокая богиня,
Богиня мудрости, приди!
Ни въ комъ не вызвала донинѣ
Ты вдохновенія въ груди.
Здѣсь былъ твой храмъ. Остатки храма
Еще видны до этихъ поръ,
Не истребили ихъ упрямо
Ни время, ни войны раздоръ.¹
Но хуже чѣмъ вѣковъ теченье,
Чѣмъ пламя грозное войны —
Поработителей страны
Ихъ поразило разрушенье:
Врагамъ невѣдомъ страхъ и стыдъ
И ихъ ничто не утрашить.

II.

Аѳины — старецъ величавый!
 Твоихъ героевъ древнихъ нѣтъ.
 Они явились въ міръ съ славой,
 Прошли — съ побѣдой... Гдѣ жь ихъ слѣды?
 Вся эта слава для того ли,
 Чтобъ древнимъ подвигомъ добра
 Подчасъ дивился въ скромной школѣ
 Досужій разумъ школяра?
 Героя мечъ, софиста тогу
 Здѣсь межъ развалинъ не найдемъ;
 Подъ тьмой вѣковъ могильнымъ сномъ
 Здѣсь все сковалось понемногу,
 И даже тѣни прежней нѣтъ
 Могущества прошедшихъ лѣтъ.

III.

Встань человѣкъ одной минуты!
 На эту урну посмотри:
 Здѣсь вѣжды націи сомкнуты,
 Боговъ распались алтари.
 Нѣтъ, не безсмертны даже боги:
 Упалъ Юпитеръ, Магометъ,
 Въ иные храмы, въ синагоги
 Еще пойдетъ молиться свѣтъ,
 Пока не будетъ въ немъ сомнѣнья;
 Что бесполезно небесамъ
 Курить не нужный ѳиміамъ
 Предъ кровью жертвоприношенья...
 О ты, несчастной смерти сынъ,
 Ты, человѣкъ, хотѣлъ одинъ,

IV.

Къ землѣ прикованный, подняться
 До тайнъ небесъ!.. То призракъ сна!..
 Ты не умѣешь наслаждаться
 Той жизнью, что тебѣ дана.
 Жизнь — лучшій даръ. Путей не зная,
 Гдѣ жъ съ жизнью встрѣтишься иной?
 Ея наградъ не понимая,
 Зачѣмъ покинешь міръ земной?
 Не рвись же въ край еще безвѣстный
 И жизнь земную оцѣни.
 Вотъ урна здѣсь! Сюда взгляни:
 Священной урны смыслъ чудесный
 Краснорѣчивѣе всѣхъ мессъ
 И жертвъ, закланныхъ для небесъ.

V.

Иль въ гробъ взгляни, гдѣ погребали
 Героя прахъ² — онъ не встаетъ;
 Онъ палъ, и націи съ нимъ пали
 И слезъ надъ нимъ никто не льетъ.
 Вотъ здѣсь у храма по дорогѣ
 (Какъ намъ преданье говоритъ,
 Здѣсь прежде жили полубоги)
 Найдемъ мы черепъ... Гадкій видъ!..
 Кто бъ угадалъ, чтобъ въ этомъ храмѣ
 Жилъ прежде богъ? Кто бъ угадалъ,
 Что много истинъ рассказалъ
 Онъ вдохновенными устами?
 Теперь же червь земной и тотъ
 Въ пустую храмину нейдетъ.

VI.

Взгляни жь теперь на эти своды,
 На черепъ, брошенный въ тиши:
 То былъ когда-то храмъ свободы,
 Жилище мысли и души.
 Изъ этихъ дыръ глаза пропали,
 Ихъ взглядъ былъ веселъ и игривъ,
 Они теперь не выдавали
 Страстей несдержанный порывъ.
 Какой софистъ великій свѣта,
 Какой прославленный мудрецъ
 Возобновить опять дворецъ,
 Возобновить жилище это?
 Здѣсь, посреди могильныхъ плитъ,
 Кто этотъ черепъ оживить?

VII.

«Мы знаемъ то» — ты правъ, философъ,
 «Что ничего не знаемъ мы...»
 Зачѣмъ бѣжать отъ тѣхъ вопросовъ,
 Что прямо просятся въ умы?
 У всѣхъ есть скорби, но страданья
 Зачѣмъ ловить намъ на бѣгу?
 Насъ ждетъ мiръ вѣчнаго молчанья
 На ахеронскомъ берегу.
 Тамъ нѣтъ банкетовъ принужденныхъ,
 Гдѣ кормятъ сытыхъ ужь гостей,
 Но есть постели для костей,
 Последнимъ сномъ обвороченныхъ,
 И дологъ будетъ вѣчный сонъ
 И не пройдетъ для смертныхъ онъ.

VIII.

Ханжи! Твердите вы сердито,
 Что жизнь иная намъ дама, —
 Скажите жь скептикамъ открыто:
 Гдѣ та завѣтная страна?
 Какъ хорошо бы въ мѣрѣ новомъ
 Друзей погибшихъ увидать
 И обмѣняться съ ними словомъ
 И тѣнь любимую обнять!
 Дя, встрѣтить было хорошо бы
 Безъ погребальныхъ ихъ вѣнцовъ.
 Могучій призракъ мудрецовъ,
 На жизнь смѣнившихъ тьму и гробы
 И возвѣстившихъ міру вновь
 Свободу, славу и любовь.

IX.

Ты тоже тамъ, въ могилѣ тлѣнья
 Мой лучшій другъ, хотя тебя
 Всегда мое воображенье
 Живымъ рисуетъ; и любя,
 Хочу я вѣрить — будетъ время,
 Ты, вставши вновь, съ себя стряхнешь
 Могилы тягостное бремя
 И къ другу прежнему придешь.
 Пусть будетъ въ будущемъ что будетъ —
 Не измѣню своимъ мечтамъ:
 Что день придетъ и снова тамъ
 Мой поцалуй тебя разбудитъ
 И въ этотъ день я буду радъ,
 Что счастливъ мой усопшій братъ.³

X.

Здѣсь, на массивномъ пьедесталѣ,
 Подъ тѣнью мраморныхъ колоннъ,
 Сижу... ⁴ Сатурна сынъ! мы знали:
 Здѣсь прежде былъ твой славный тронъ. ⁵
 Ужъ нѣтъ слѣдовъ его величья!..
 Увы! на зло своимъ мечтамъ,
 Ужъ не могу теперь постичь я,
 Какъ былъ великъ твой дивный храмъ?
 Пусть здѣсь вздымаются въ туманѣ
 Остатки гордыхъ колоннадъ —
 Невозмутимый, праздный взглядъ
 На нихъ бросаютъ мусульмане
 И мимо съ пѣсней, безъ заботъ,
 Грекъ легкомысленный идѣтъ.

XI.

О дивный храмъ! твои громады
 И этотъ царственный покой,
 Приютъ божественной Паллады,
 Кто тронуть смѣлъ своей рукой?
 Кто хищникъ тотъ? Стыдомъ румянца
 Ты, Каледонія, отвѣть:
 Тотъ хищникъ — сынъ твой!... Для британца
 Позоръ дѣтей такихъ имѣть.
 Я радъ за Англiю, за бритта,
 Что нѣтъ дѣтей подобныхъ тамъ,
 Рукой которыхъ свергнуть храмъ,
 Святыня древняя разбита,
 А алтари ихъ прочь съ земли
 Печально волны унесли.

XII.

Чтò пощадили турки, готы,
 То новый пиктъ не пощадилъ,
 Суровъ, какъ скаль родныхъ высоты,
 Онъ умъ и сердце изсушилъ.
 Холодный деспотъ разрушенья,
 Лишь приготовилъ онъ одинъ
 Коварный планъ перемѣщенья
 Остатковъ бѣдственныхъ Аѳинъ.
 Въ своемъ безсильи, аѳиняне
 Въ виду разбитыхъ алтарей
 Узнали слезы матерей,
 Имъ не знакомыя заранѣ,
 Узнали, какъ горька судьба
 Въ цѣпяхъ изнывшаго раба.

XIII.

Когда жь британца восхищали
 Аѳинъ страданья? Пусть враги
 Подъ нашимъ флагомъ ихъ терзали,
 Но отъ Европы береги
 Такойъ рассказъ. Какъ? Край свободы?
 Морей царица?... Тамъ могли
 Срывать лохмотья въ годъ невзгоды
 Съ окрававленной ужь земли?
 Какъ? въ томъ краю, гдѣ слезы лили,
 Явилась Гарпией она,
 И все, чѣмъ славилась страна,
 Чтò и тираны пощадили,
 Чтò даже время не взяло,
 То мщенье Англии снесло?..

XIV.

Твоя Эгида гдѣ, Паллада?
 Аларикъ ею сдержанъ былъ.
 Зачѣмъ опять не могъ изъ ада
 Встать страшнымъ призракомъ Ахиллъ?
 Уже-ль Плутонъ не въ силахъ снова
 Героя новаго создать,
 Чтобъ разомъ хищника другого
 Съ позоромъ вновь съ земли согнать?
 Увы! въ тѣ дни бродилъ безъ дѣла
 Онъ по стигійскимъ берегамъ
 И не вернулъ къ тѣмъ стѣнамъ
 Ихъ защищать собою смѣло,
 Хоть прежде стѣнъ знакомый валъ
 Онъ постоянно охранялъ.

XV.

Кто въ этой Греціи унылой
 Въ себѣ тѣхъ чувствъ не находилъ,
 Какъ предъ любимую могилу —
 Тотъ сердце мертвое носилъ.
 О! кто безъ слезъ посмотритъ нынѣ
 На край, измученный отъ ранъ,
 На искаженные святыни,
 На жертвы хищныхъ англичанъ?
 Будь проклята часъ, когда узнали
 Они сюда вторичный путь,
 Когда раздавленную грудь
 Безчеловѣчно разрывали
 И увезли чужихъ боговъ
 Трофеемъ хладныхъ береговъ.

XVI.

Но гдѣ жь Гарольдъ? Намъ не пора ли
 Теперь къ нему вернуться вновь?
 Людскія скорби и печали
 Его не трогали. Любовь,
 Красавицъ милыхъ изліянья
 Не пробуждали въ немъ тоски,
 Другъ ни единый на прощанье
 Не протянулъ ему руки,
 Когда онъ въ путь стремился новый.
 Его душа была тверда,
 Невозмутима, какъ всегда.
 Онъ бросилъ смѣло край суровый,
 Край преступленья и войны
 И шелъ искать иной страны.

XVII.

Кто въ морѣ былъ, тотъ, вѣрно, знаетъ,
 Какъ новый видъ плѣняетъ взглядъ:
 Вотъ вѣтеръ парусъ надуваетъ,
 Вотъ съ мѣста тронулся фрегатъ.
 Направо — рядъ неувимый
 Церквей, домовъ — ихъ скрылъ туманъ,
 Налѣво — всталъ неизмѣримый,
 Великій, грозный океанъ.
 Мелькаютъ стаей лебединой
 Кругомъ конвойныя суда;
 Не смотритъ вяло никогда
 Изъ тѣхъ фрегатовъ ни единый,
 Лишь только волны къ килю льнутъ
 И, рассыпаясь вокругъ, бѣгутъ.

XVIII.

А тутъ матросы съ видомъ важнымъ...
 Вотъ сътъ большая...⁷ пушекъ рядъ...
 Команды звукъ: съ прыжкомъ отважнымъ
 Матросы вверхъ ползуть, скользять...
 Чу! на фрегатѣ раздается
 Призывный боцмана свистокъ.
 Пока по мачтѣ смѣло вьется
 Иной матросъ и новичокъ
 Изъ мичмановъ визгливымъ тономъ
 Матросовъ хвалить иль хулить —
 Тотъ боцманъ только засвиститъ,
 И свистъ его всѣмъ сталъ закономъ
 И этотъ юноша⁸ ведётъ
 Весь экипажъ по лону водъ.

XIX.

На чистой палубѣ шагаетъ
 По долгу службы лейтенантъ.
 Онъ постъ свой строго охраняетъ,
 Угрюмъ и нѣмъ онъ, какъ педантъ.
 Для всѣхъ безстрастный, лишнимъ словомъ
 Онъ подчиненныхъ не почититъ
 И на лицѣ его суровомъ
 Печать начальника лежитъ.
 Британцы строги въ дисциплинѣ,
 Вела къ побѣдамъ ихъ она,
 А потому-то вся страна
 Ей подчинится всюду нынѣ,
 И знаетъ бриттъ — хоть строгъ законъ,
 Но къ славѣ ихъ приводитъ онъ.

XX.

Дуй, вѣтеръ, злѣе!.. Солнце стало
 Склоняться, меркнуть небеса...
 Подъ вечеръ судно адмирала
 Убавить разомъ паруса,
 Судовъ отсталыхъ поджидая...
 Чтó за тоска ихъ въ морѣ ждать
 И ради ихъ — вѣдь лѣнь какая! —
 Попутный вѣтеръ потерять.
 Потерянъ даромъ вечеръ цѣлый,
 Но мы стоимъ... Журчитъ волна,
 Темна морская глубина,
 Опущенъ съ мачты парусъ бѣлый
 И намъ приходится все ждать
 Лѣнтыевъ, вздумавшихъ отстать.

XXI.

Взошла луна. Клянусь, нѣтъ мочи
 Мнѣ не хвалить такую ночь!
 Тамъ, на землѣ, въ часъ этой ночи
 Не можетъ вздоховъ превозмочь
 Предъ дѣвой юноша влюбленный...
 А между тѣмъ, я слышу звонъ:
 Толпой матросовъ окруженный,
 Играетъ новый Аріонъ
 Напѣвъ любимый моряками,
 И подъ знакомой пѣсни звукъ
 Живѣе двигается кругъ,
 Въ тактъ ударяя каблуками,
 И не пугаетъ ихъ тогда,
 Что подъ ногами ихъ — вода.

XXII.

Черезъ проливъ Кальпе предъ нами
 Европа въ Африку глядитъ.
 Геката блѣдными лучами
 Теперь равно васъ серебрить:
 Страна испанки черноокой
 И мавра смуглаго страна...
 Испанскій берегъ одинокій
 Открылся взорамъ, и луна
 Лѣса и скалы освѣщала,
 Но африканскій берегъ былъ
 Почти не видѣнъ, мракъ сходилъ
 И тѣнь широкая сползала
 До береговъ съ его вершинъ...
 Тамъ тьма одна, тамъ мракъ одинъ.

XXIII.

Въ такую ночь — живѣй мечтанья
 О тѣхъ, кого любили мы;
 Въ такую ночь воспоминанья
 Еще живѣй встаютъ изъ тьмы...
 Кто жь радъ, себя повѣривъ строго,
 Упасть подъ тяжестію лѣтъ,
 Когда въ немъ молодости много,
 Но нѣтъ любви и счастья нѣтъ?
 Увы! когда любовь пропала
 И больше въ насъ не расцвѣтетъ —
 Пусть смерть на встрѣчу къ намъ идетъ:
 Для смерти дѣла будетъ мало...
 Ахъ, юность! если бъ мы опять
 Могли тебя переживать!

XXIV.

Такъ, сидя на краю фрегата,
 Глядишь на волны иногда,
 Въ мечтахъ о томъ лишь, что когда-то
 Случалось въ прошлые года.
 Среди страданій неизмѣнныхъ
 У насъ у всѣхъ на двѣ души
 Есть много образовъ священныхъ,
 И мы лелѣемъ ихъ въ тиши.
 О нихъ мы память берегаемъ,
 И сколько бъ жить намъ ни пришлось,
 Не мало теплыхъ, чистыхъ слезъ,
 Благоговѣйныхъ слезъ роняемъ,
 И той печали тайный слѣдъ
 Не потеряется отъ лѣтъ.

XXV.

Бродить межъ пропастей по скаламъ,
 Выходить до самыхъ облаковъ,
 Жить межъ народомъ одичалымъ,
 Незнавшимъ рабства и оковъ,
 Слѣдить въ горахъ за дикимъ стадомъ,
 Съ нимъ уходить въ дремучій боръ,
 Сидѣть, склонясь надъ водопадомъ,
 Жить безъ людей въ ущельяхъ горъ,
 Спускаться къ пропастямъ глубокимъ —
 Еще не значить быть однимъ
 Скитальцемъ мрачнымъ и чужимъ
 И въ цѣломъ мѣрѣ одинокимъ, —
 Но это значить — тотъ постигъ
 Природы тайны и языкъ.

XXVI.

Но тотъ, кто въ шумномъ вихрѣ свѣта
 Одной усталостью томимъ,
 Идетъ безъ ласки, безъ привѣта,
 Никѣмъ незнаемъ, нелюбимъ,
 Кто никогда любимцамъ счастья
 Не повѣрялъ своей тоски,
 Не вѣдалъ теплаго участья
 И честной, дружеской руки,
 Кто посреди льстецовъ холодныхъ,
 Ханжей безчувственныхъ живетъ
 Для всѣхъ чужой, лишь только тотъ
 Въ своихъ мученіяхъ бесплодныхъ
 Сказать со вздохомъ тайнымъ могъ,
 Что онъ на свѣтѣ одинокъ.

XXVII.

Счастливей ты, монахъ Аѳона,
 Когда глядишь съ своей скалы
 Подъ ясной глубио небосклона,
 А тамъ, внизу шумятъ валы.
 Когда твой берегъ одинокій
 Увидитъ путникъ предъ собой —
 Къ нему спѣшитъ съ тоской глубокой
 И съ самой искренней мольбой.
 Когда жъ въ туманѣ исчезаетъ
 Священный край пустынныхъ горъ,
 Пославши имъ прощальный взоръ,
 О томъ лишь странникъ тутъ вздыхаетъ,
 Что долженъ въ міръ явиться вновь,
 Смѣнивъ на ненависть любовь.

XXVIII.

Но мы слѣдить напрасно бѣ стали
 За похожденьемъ моряковъ,
 За тѣмъ, гдѣ бури ихъ встрѣчали,
 Гдѣ вѣтеръ гналъ отъ береговъ.
 Пройдемъ молчаньемъ рядъ утесовъ,
 Гдѣ то надежда, то бѣда
 Играли участью матросовъ,
 Ведущихъ по морю суда,
 Гдѣ мертвый штиль подчасъ смѣнялся
 Волненьемъ моря въ ревѣ грозъ;
 Но зорко смотритъ въ даль матросъ:
 Въ туманѣ берегъ показался.
 «Земля! земля!» и каждый взоръ
 Глядитъ впередъ въ морской просторъ.

XXIX.

И вотъ встаютъ въ морской пучинѣ
 Калипсы скорбной острова,
 Но нѣтъ теперь на нихъ богини,
 Она не плачетъ, какъ вдова,
 О томъ, кто ей въ иную пору
 Для слабой смертной измѣнилъ...
 А дальше тамъ мы видимъ гору:
 Здѣсь сынъ Улисса совершилъ
 Въ морскую глубь скачокъ ужасный,
 Суровымъ Менторомъ смущонъ —
 И вырвался невольный стонъ
 Изъ груди нимфы той несчастной;
 Здѣсь долго плакала она,
 Что ихъ обоихъ лишена.

XXX.

И нѣтъ богини этой нынѣ...
 Но берегись, о молодѣжь!
 Ты здѣсь, на тронѣ той богини
 Калипсу новую найдешь...
 Флоранса! если бъ сердце это
 Я для любви не схоронилъ,
 Тогда бъ, повѣрь, любовь поэта
 Къ твоимъ ногамъ я положилъ.
 Но ты не можешь быть моею:
 У насъ различные пути,
 И это чувство принести
 На твой алтарь я не посмѣю;
 Тебя не смѣю я будить,
 Чтобъ ты могла меня любить.

XXXI.

Такъ думалъ Чайльдъ, смотря безстрастно
 Въ глаза Флорансы. Онъ лишь могъ
 Ей удивляться безопасно,
 Спокойно, тихо, безъ тревогъ.
 Амуръ не смѣлъ къ нему коснуться,
 Хоть близкоъ былъ: имъ рѣшено,
 Что сердце Чайльда встрепенуться
 Не въ состояніи давно,
 Что возбудить въ немъ прежней страсти
 Онъ по желанію не могъ,
 И сознавалъ давно божокъ
 Потерю прежней, сильной власти
 Надъ сердцемъ, гдѣ одна тоска
 Была сильна и глубока.

XXXII.

Самой Флорансѣ непреклонной
 Былъ страненъ Чайльдъ при встрѣчѣ той,
 Что онъ не палъ, обвороженный
 Ея волшебной красотой?
 Какъ онъ, одинъ, предъ чуднымъ взглядомъ,
 Который былъ для всѣхъ кругомъ
 Судьбой, закономъ, раемъ, адомъ
 Не пресмыкается рабомъ?
 Ей было странно съ нимъ встрѣчаться;
 Гарольдъ Флорансу удивилъ,
 Что передъ ней онъ не спѣшилъ
 Хотя бѣ влюбленнымъ притворяться...
 Извѣстно: женщинъ никогда
 Любовь не сердить, господа.

XXXIII.

Она не знала, безъ сомнѣнья,
 Въ своемъ невѣдѣннѣ грѣша,
 Что эта смѣлая душа
 Сильна искусствомъ обольщенья.
 Въ своей любви она горда,
 Она хитро разставить сѣти,
 Не дорожитъ она на свѣтѣ
 Побѣдой легкой никогда.
 Нѣтъ, Чайльдъ нашъ шелъ тропой иною,
 Искусствомъ прежнимъ пренебрегъ
 И еслибъ даже снова могъ
 Вдругъ полюбить, то предъ женою
 Плаксивымъ юношей не ныль
 И униженно не любилъ.

XXXIV.

Тотъ сердце женщинъ знаетъ плохо,
 Тотъ вовсе ихъ не могъ понять,
 Кто лишь мольбой и силой вздоха
 Старался страсть въ нихъ пробуждать.
 До побѣжденныхъ — нѣтъ имъ дѣла!..
 Люби подругу юныхъ дней,
 Но ей въ глаза гляди ты смѣло,
 Не раболѣпствуй передъ ней.
 Умѣй сдержать порывы ласки,
 Хотя бъ огонь въ крови кипѣлъ,
 Будь дерзокъ съ женщиною, смѣлъ;
 Подъ внѣшнимъ льдомъ наружной маски
 Умѣй въ ней чувство раздражить —
 Тогда она начнетъ любить.

XXXV.

Та пѣснь стара... Въ томъ убѣдились,
 Мы всѣ, кто началъ рано жить...
 Когда желанья притупились,
 Чѣмъ тѣ желанья воскресить?
 Мы подошли къ ничтожной цѣли —
 Нѣтъ больше цѣли впереди,
 Душа мрачна, мечты слетѣли
 И сердце умерло въ груди —
 Вотъ все, что страсть даетъ въ награду...
 А если въ жизни иногда
 Страстей кипучіе года
 Встрѣчаютъ долгую преграду,
 То тѣхъ терзаній новый гнетъ
 И насъ самихъ переживетъ.

XXXVI.

Но бросимъ эти размышенья.
 Мы встрѣтимъ новый рядъ картинъ,
 Насъ ждуть иныя впечатлѣнья
 И берега иныхъ долинъ.
 Своей тоской руководимы,
 Мы много новыхъ странъ пройдемъ;
 Онѣ мечтой неуловимы,
 Ихъ описаній не найдемъ
 Мы въ книгахъ тѣхъ, гдѣ гражданина
 Хотятъ давно ужъ научить
 Тому, чѣмъ онъ обязанъ быть,
 Хотя — намъ думать есть причина —
 Теперь сомнительно, чтобъ онъ
 Когда нибудь былъ наученъ.

XXXVII.

Природа-мать! ты намъ дороже
 Всего... Мѣняя часто видъ,
 Ты каждый разъ встаешь моложе
 И образъ твой къ себѣ манить.
 Своимъ величьемъ умѣла
 Сердца людей тревожить ты,
 Когда искусство не посмѣло
 Тревожить дикой красоты.
 Ты мнѣ нерѣдко улыбалась
 Въ глухую ночь, при блескѣ дня,
 Но больше тѣшило меня,
 Когда ты бурей разражалась,
 Когда грозой ревѣла мгла
 И небо молнія рвала.

XXXVIII.

Но вотъ Албанія предъ нами...
 Примѣръ для многихъ мудрецовъ:
 То — гробъ, наполненный костями
 На полѣ павшихъ мертвецовъ,
 Суровый край! О, гдѣ ты? гдѣ ты?
 Не узнаю я этихъ мѣстъ:
 Вкругъ поднялися минареты;
 Гдѣ на церквахъ былъ прежде крестъ,
 Теперь рогъ мѣсяца блистаетъ,
 Да позабытый рядъ могилъ
 Лѣсъ кипарисный осѣнилъ
 И вѣчной тѣнью покрываетъ:
 Ихъ не видать среди садовъ
 Твоихъ старинныхъ городовъ.

XXXIX.

Гарольдъ плыветъ. Промчалась мимо
 Нагого берега стѣна:
 Здѣсь Пенелопа недвижимо
 Смотрѣла въ волны. Здѣсь видна
 Еще великая могила.
 О, Сафо! вѣрно, не могла
 Твоихъ стиховъ волшебныхъ сила
 Тебя спасти — ты умерла...
 Уже-ли власть безсмертной музы
 Такъ въ этомъ свѣтѣ непрочно,
 Что лечь въ могилу ты должна,
 Съ себя не свергнувъ смерти узы?
 Ты, жизнь дававшая другимъ,
 Теперь сковалась сномъ нѣмымъ.

XL.

То былъ часъ вечера — и въ морѣ
 Открылся Левкадійскій мысъ⁸
 Съ скалой, откуда въ тайномъ горѣ
 Ты, Сафо, бросилася внизъ.
 Чайльдъ на скалу смотрѣлъ въ волненьи
 И съ ней разстаться не желалъ.
 Хоть онъ не мало мѣстъ видалъ,
 Гдѣ были битвы и сраженья,
 Но — такова его звѣзда —
 О нихъ кровавые рассказы
 Гарольдъ не слушалъ никогда:
 Солдатъ подкупленныхъ проказы
 И спѣсъ воинственныхъ дружинъ
 Въ немъ возбуждали смѣхъ одинъ.

XLI.

Когда жъ звѣзда взошла, сіяя
 Надъ злополучною скалой,
 Поклонъ ей грустный посылая,
 Гарольдъ смотрѣлъ. Но вотъ за мглой
 Ее не видно. Быстро мчится
 Корабль все дальше отъ скалы...
 Чайльдъ въ море синее глядится,
 Гдѣ съ ревомъ придаютъ валы.
 Задумчивъ онъ, но въ темномъ взорѣ
 Вдругъ стало ясно и свѣтло
 И не хранить его чело
 Слѣдовъ таинственнаго горя;
 Теперь чужда ему печаль
 И онъ глядитъ безмолвно въ даль.

XLII.

Зажглась заря. Вотъ скалы Сули,
 Вотъ Пинда дальніе верхи
 Въ туманъ раннемъ потонули,
 А съ нихъ сбѣгаютъ ручейки.
 Туманъ все рѣже... Свѣтомъ алымъ
 Играетъ день по высотамъ,
 И открываются по скаламъ
 Жилища горцевъ здѣсь и тамъ;
 Тамъ бродить волкъ, тамъ клювъ желѣзный
 Остричь проснувшійся орелъ,
 Тамъ хищный звѣрь въ горахъ прошелъ,
 И хищный горець сталъ надъ бездной,
 Тамъ буря лѣсъ съ корнями рветъ
 И громъ грохочетъ круглый годъ.

XLIII.

Въ странѣ невѣдомой, безвѣстной
 Гарольдъ теперь понять лишь могъ,
 Что, посѣтивши край чудесный,
 Онъ, наконецъ, былъ одинокъ.
 Онъ за бѣдами не гонялся,
 Но убѣгать ихъ не привыкъ;
 Онъ новымъ мѣстомъ наслаждался,
 Хоть берегъ былъ суровъ и дикъ.
 Для новизны — путей невзгоды
 Онъ постоянно презиралъ
 И съ хладнокровіемъ встрѣчалъ
 Суровость сѣверной природы,
 И выносилъ и жаръ и зной
 Роскошной южною весной.

XLIV.

Вотъ красный крестъ, другой... ихъ много,
 Ихъ не щадить ислама сынъ.
 Поруганъ здѣсь служитель Бога
 И мирный, честный гражданинъ...

XLV.

Заливъ Амбрація открылся...
 Здѣсь азіатскій властелинъ
 Съ морской грозой не разъ стремился;
 Владыка римскій не одинъ
 Здѣсь велъ на бой свою дружину;⁹
 Здѣсь новый Кесарь оставлялъ
 Свои трофеи... Нѣтъ помину
 О нихъ теперь: ихъ блескъ пропалъ.¹⁰
 Рабъ и властитель стали прахомъ...
 О! для того-ль, скажи, мой Богъ,
 Весь этотъ міръ создать ты могъ,
 Чтобъ люди гибли со страхомъ
 И, покорясь своей судьбѣ,
 Ложились трупами въ борьбѣ?..

XLVI.

Чрезъ иллирійскія долины,
 Чрезъ грань зловѣщихъ дикихъ горъ
 Прошелъ Гарольдъ: отъ ихъ картины
 Онъ оторвать не могъ свой взоръ.
 Разказы путниковъ и гиды
 О тѣхъ мѣстахъ молчатъ для насъ...
 Роскошны греческіе виды,
 Прекрасны Темпе и Парнасъ;
 Но блескъ природы своенравной
 На томъ цвѣтущемъ берегу
 Сравнить я съ ними не могу.
 Я красоты не видѣлъ равной:
 Здѣсь берегъ Аттики святой
 Блѣднѣлъ предъ новой красотой.

XLVII.

Чайльдъ перешелъ чрезъ Пиндъ холодный,
 Столицу края миновалъ,
 И вотъ направилъ путь свободный
 Туда, гдѣ грозно управлялъ
 Страной албанскою владыка. ¹¹
 Тамъ власть его такъ велика,
 Что весь народъ давила дико
 Его кровавая рука..
 Тамъ и въ народѣ дики страсти
 И много шаякъ изъ-за горъ
 Готовы дать ему отпоръ
 И протестуютъ противъ власти.
 Народъ тамъ гордъ, надъ нимъ сильно
 Лишь только золото одно. ¹²

XLVIII.

О, Зитца¹³ — садъ уединенья!
 Земли священный уголокъ!
 Что за цвѣты, что за растенья
 Растуть внизу у самыхъ ногъ!
 Сверканье рѣкъ и рошъ прохлада —
 Природа южная щедра...
 Чу! звучный ропотъ водопада
 Дробится звономъ серебра...
 Лазурь небесъ ласкаетъ взоры,
 Повсюду блескъ и ароматъ
 И скаль висящихъ цѣлый рядъ.
 Но эти скалы, эти горы,
 Какъ ни отвѣсны, ни страшны,
 А все жь манить къ себѣ должны.

XLIX.

Въ зеленой рошѣ, на вершинѣ
 Горы, имѣвшей скромный видъ,
 Есть монастырь; тамъ онъ донынѣ
 Стѣнами бѣлыми блеститъ.
 Въ его стѣнахъ монахъ Эллады
 Живетъ теперь; онъ не суровъ,
 Не хмуры старческіе взгляды
 И незнакомца онъ готовъ
 Въ свой монастырь принять радушно,
 Свой скромный ужинъ раздѣлить
 И странникъ можетъ тамъ пробить,
 Когда глядитъ неравнодушно
 На чудный край и новый видъ
 Его плѣняетъ и дивитъ.

L.

Пускай же странникъ утомленный
 Здѣсь отдохнетъ въ полдневный зной.
 Свѣтла здѣсь зелень; благовонный
 Играетъ вѣтеръ. Здѣсь больной
 Въ себѣ найдетъ иныя силы.
 Пусть этотъ воздухъ жадно пьетъ —
 Не будутъ больше члены хилы
 И сладкимъ сномъ онъ здѣсь заснетъ.
 О странникъ! приходи же лѣтомъ
 Сюда, въ цвѣтущій, пышный садъ.
 Какъ дни и ночи пролетятъ —
 Ты не замѣтишь въ мѣстѣ этомъ,
 Ты не замѣтишь никогда
 Какъ долго тянутся года.

LI.

Амфитеатромъ темнымъ, мрачнымъ
 Рядъ Хилерійскихъ альпъ встаетъ
 И тонетъ въ воздухѣ прозрачномъ;
 Видна долина съ тѣхъ высотъ:
 Деревьевъ шумъ, садовъ прохлада,
 Въ горахъ ключей блестящихъ звонъ;
 Рѣзвясъ бѣжитъ по полю стадо...
 Но вотъ и черный Ахеронъ,¹⁴
 Когда-то смерти посвященный!
 Плутонъ! въ твоёмъ ли я аду?
 О если такъ, я не пойду
 Къ тебѣ въ Элизіумъ смущенный.
 Мой темный призракъ не пойдётъ,
 Повѣрь, за грань твоихъ воротъ.

LII.

Нѣтъ городовъ кругомъ. Янина
 Стоитъ вблизи, но не видна.
 Здѣсь рѣдко встрѣтишь селянина
 И дымъ жилищъ. Вкругъ тишина...
 Лишь подъ горою шагомъ смѣлымъ
 Бредеть надъ бездной стадо козъ;
 Пастухъ въ своемъ хитонѣ бѣломъ
 Къ скалѣ какъ-будто бы приросъ,
 За стадомъ зорко наблюдаетъ,
 Слѣдитъ онъ за его игрой
 И къ камню дикому, порой,
 Головку дѣтскую склоняетъ,
 Иль подъ скалой нависшей ждетъ,
 Когда гроза въ горахъ пройдетъ.

LIII.

Додона! гдѣ жь твоя дубрава?
 Ручей пророческій былъ тамъ.
 Гдѣ твой оракулъ вѣщій, слава?
 Гдѣ громовержда вѣчный храмъ?
 Ихъ нѣтъ кругомъ. И вы ли, люди,
 Теперь рѣшитесь сожалѣть,
 Что такъ легко изъ вашей груди
 Жизнь можетъ въ вѣчность отлетѣть?
 Безумцы! если гибли боги,
 Искусства дивнаго дары,
 Крушились націи, міры,
 То вы ли — слабы и убоги,
 Лишь на мгновенье рождены —
 Погибнуть съ ними не должны?

LIV.

Все рѣже, рѣже стали горы,
 Назадъ, назадъ ушелъ Эпиръ,
 И вотъ кругомъ встрѣчаютъ взоры
 Однѣхъ долинъ цвѣтущій мiръ.
 Кругомъ весна! встаютъ равнины,
 Несутся рѣчекъ быстрины,
 Лѣсовъ зеленяя вершины
 Въ нихъ, какъ въ стеклѣ, отражены.
 И слышенъ гулъ и шумъ зеленый
 И говоритъ о чемъ-то лѣсъ...
 Вотъ мѣсяцъ всплылъ среди небесъ
 И въ часъ полночи полусонной
 Весеннимъ тихимъ, яснымъ сномъ
 Все забывается кругомъ.

LV.

За Томеритомъ ¹⁵ солнце сѣло,
 Угрюмый Лаогъ волны мчалъ,
 Сходила ночь, когда, не смѣло
 Блуждая близъ прибрежныхъ скалъ,
 Гарольдъ увидѣлъ надъ рѣкою
 Блескъ минаретовъ изъ-за стѣнъ.
 Кругомъ все предано покою...
 Предъ нимъ открылся Тепаленъ.
 Идетъ онъ ближе. Изъ долины
 Доноситъ вѣтеръ звуки — вотъ
 Шумъ сталъ сильнѣй, растетъ, растетъ :
 То раздавался крикъ дружины,
 Шумящей гдѣ-то за стѣной.
 Гарольдъ идетъ во тьмѣ ночной.

LVI.

Прошелъ гаремъ. Черезъ ворота
 Онъ предъ собою видѣтъ могъ
 Жилище грознаго деспота,
 Великолѣпнѣя чертогъ.
 Тамъ онъ сидѣлъ. Передъ владыкой
 Перевести не смѣютъ духъ
 Рабы, солдаты — голосъ дикій
 Готовъ ловить евнуха слухъ;
 Всѣ ждуть владыки приказанья —
 И словно слышенъ бой сердець...
 Великъ и мраченъ былъ дворець,
 Смотрѣлъ тюрьмой, а въ этомъ зданьи
 Различныхъ климатовъ и странъ
 Толпился пестрый караванъ.

LVII.

Въ богатыхъ сбруяхъ видны кони,
 Сверкаютъ кисти серебра,
 Снуетъ народъ и блещутъ брони
 Среди широкаго двора.
 Толпа смѣшалась въ безпорядкѣ,
 Пестрѣютъ платья при огнѣ;
 Тамъ чрезъ ворота на площадкѣ
 Мелькнулъ татаринъ на конѣ.
 Народъ толпится; очень страненъ,
 Разнообразенъ общій видъ:
 Албанецъ съ грекомъ тамъ стоитъ
 И вмѣстѣ съ мавромъ мусульманинъ.
 Ночь наступила: барабанъ
 Услышалъ весь воинскій станъ.

LVIII.

Въ плащѣ албанецъ величавый
 Шнурками золота обшить;
 Здѣсь македонца шарфъ кровавый,
 Тамъ съ шашкой Дельги; здѣсь стоитъ
 Въ своемъ нарядѣ грекъ красивый,
 Тамъ Нубіи суровой сынъ,
 Тамъ, въ сторонѣ, стоитъ одинъ
 Угрюмо турокъ молчаливый.
 Онъ, какъ владыка, вѣчно нѣмъ,
 На всѣхъ кругомъ глядитъ сурово
 И посреди толпы ни съ кѣмъ
 Проговорить не хочетъ слова.
 Онъ слишкомъ грозенъ и великъ,
 Чтобъ быть развязнымъ на языкъ.

LIX.

Смѣшалось все: тамъ на ступени
 Усѣлись группы; тамъ, склонясь
 Благочестиво на колѣни,
 Свершаетъ турокъ свой намазъ,
 Иные курятъ, тѣ играютъ,
 Албанецъ гордо смотритъ вокругъ,
 А греки, хвастая, собираютъ
 Безмолвныхъ слушателей кругъ.
 Но — чу! откуда жь голосъ строго
 Раздался тамъ; то пѣлъ одинъ
 Съ своей мечети муэззинъ
 Слова: «нѣтъ Бога — кромѣ Бога,
 А Магометъ — его пророкъ...
 Молитесь всѣ! великъ нашъ Богъ!»

LX.

То было время рамазана.
 Весь день въ молитвѣ проведенъ;
 Но встала ночь изъ-за тумана,
 И снова праздникъ разрѣшенъ.
 Вкругъ суета: рабы толпятся,
 Роскошный столъ уже накрытъ
 И яства сочныя дымятся;
 На галереѣ тьма лежитъ,
 Изъ дальнихъ комнатъ раздается
 Шумъ голосовъ — нестройный звукъ...
 Толпа пажей, рабовъ и слугъ
 Взадъ и впередъ бѣжитъ, несется,
 И слышны крики издали
 Изъ комнатъ грознаго Али.

LXI.

Мы не услышимъ здѣсь, порою,
 Жонъ голосовъ: онѣ должны
 Жить подъ присмотрѣмъ, подъ чадрую,
 Гаремной участи вѣрны.
 Онѣ ежились съ своей судьбою,
 Онѣ легко несутъ свой гнѣтъ
 И рады жертвовать собою,
 Когда ласкаетъ ихъ деспотъ.
 Имъ не дано другого счастья,
 Какъ у груди своей кормить
 Дѣтей — ихъ холить и любить
 Всею силой женскаго участья;
 Иной отрады и заботъ
 Имъ жизнь гаремовъ не даётъ.

LXII.

Въ бесѣдкѣ пышной, гдѣ фонтана
 Струи прозрачная гремитъ,
 Гдѣ ложе мягкое дивана
 На отдыхъ сладостный манитъ,
 Въ коврахъ пушистыхъ утопая,
 Али усталый возлежалъ,
 Съдую бороду склоняя.
 Онъ былъ старикъ. Кто бъ угадалъ,
 Какія тайныя движенья,
 Какія темныя мечты
 Скрывали старыя черты,
 Гдѣ поселилось преступленье?
 Какая черная тоска
 Терзала сердце старика?

LXIII.

Не пылкость юноши смущаетъ
 Грудь старика избыткомъ силъ —
 «Любовь сѣдины покоряетъ»,
 Гафизъ когда-то говорилъ;
 Мудрецъ теосскій думалъ то же —
 Но преступленья многихъ лѣтъ,
 Всю нѣжность чувства уничтожа,
 На немъ оставили свой слѣдъ.
 Такое сердце не томило
 Порывомъ огненнымъ любовь.
 За око — око, кровь — за кровь!
 Вотъ все, что имъ руководило.
 Такихъ людей одинъ удѣлъ:
 Ужасный рядъ кровавыхъ дѣлъ.

LXIV.

Гарольдъ смотрѣлъ и былъ глубоко
 Той обстановкой пораженъ,
 Но пышной роскошью Востока
 Сталъ наконецъ онъ утомленъ.
 Безумны прихоть безъ различья
 И пышность гордаго дворца,
 Гдѣ пресыщенное величье
 Привыкло къ лепету льстеца.
 Для насъ пріятнѣй то жилище,
 Откуда роскошь изгнана,
 Гдѣ, строгой скромности вѣрна,
 Проходитъ жизнь свѣтлѣй и чище,
 Гдѣ блескъ искусственный не могъ
 Переступить черезъ порогъ.

LXV.

Свирѣпъ и дикъ албанецъ съ виду;
 Но вы, Албаніи сыны,
 Брагамъ дадитесь ли въ обиду?
 Они несутъ труды войны,
 Они стремительны и скоры,
 Суровымъ мужествомъ горды;
 Они, какъ скалы ихъ и горы,
 Непоборимы и тверды.
 За то ихъ дружество надёжно.
 Грозитъ ли краю ихъ бѣда,
 Враги ль явились — ихъ тогда
 Скликать на битву смѣло можно:
 Они безстрашно всюду шли,
 Куда бы ихъ ни велъ Али.

LXVI.

Въ дворцѣ ихъ гордаго владыки
 Чайльдъ видѣлъ ихъ: на зовъ войны
 Они сошлись при общемъ кликѣ...
 Онъ видѣлъ ихъ, дѣтей страны,
 Когда въ неволю къ нимъ попался;
 Но какъ народъ тотъ ни суровъ —
 Его обидить не рѣшался
 И далъ ему пріютъ и кровь.
 Вы, развитой Европы дѣти!
 Всегда ль такъ кротки и мягки?
 Вы, Чайльдъ-Гарольда земляки,
 Способны ль на услуги эти?..
 Въ дѣлахъ, гдѣ сердце говоритъ,
 Мы чаще встрѣтимъ рядъ обидъ.

LXVII.

Однажды буря къ скаламъ Сули
 Корабль Гарольда принесла.
 Гроза ревѣла, вѣтры дули,
 А берегъ глухъ — тамъ ночи мгла.
 Куда жь идти? за рядъ утесовъ?
 Тамъ ждетъ засада, можетъ быть,
 А въ морѣ — гибель для матросовъ
 Готовить буря. Какъ рѣшить?
 Вотъ судно къ берегу пристало;
 Весь экипажъ, бродя межъ скалъ,
 Съ врагами встрѣчи ожидалъ:
 Местъ суліотовъ тѣхъ пугала,
 Местъ дикарей всѣхъ береговъ,
 Нерѣдко рѣзавшихъ враговъ.

LXVIII.

Напрасный страхъ! Въ нпмъ суліоты
 Съ привѣтомъ дружескимъ пришли,
 Черезъ опасныя болота
 На' вѣрный путь ихъ навели.
 Передъ огнемъ они сушили
 Одежду странниковъ; потомъ
 Трапезой скромной угостили --
 Душистымъ мясомъ и виномъ...
 Дпкаръ готовить гостю ужинъ,
 Даетъ усталому покой!
 Скажите жь мнѣ: еще какой
 Для васъ урокъ, о люди, нуженъ,
 Для васъ, которымъ жизнь даетъ
 Путь безъ тревогъ и безъ заботъ?

LXIX.

Когда жь оставить эти горы
 Хотѣлъ Гарольдъ и вдругъ узналъ,
 Что въ край ворвались мародѣры
 И дерзко грабили межъ скалъ,
 Тогда нашъ странникъ взялъ съ собою,
 Въ пути предчувствуя бѣду,
 Проводниковъ, готовыхъ къ бою,
 Привыкшихъ къ долгому труду.
 Лѣсъ Акарнаніи опасный
 Ужь назади... Гарольдъ одинъ.
 Онъ очутился средь равнинъ
 Полей Этоліи прекрасной,
 Гдѣ Ахелоуса потокъ
 Катился веселъ и широкъ.

LXX.

Онъ видитъ бухту. Въ ней лѣнливо
 Смиряетъ ропоть свой волна;
 Тамъ, на холмѣ, вблизи залива,
 Темнѣетъ зелень... Ночь темна;
 Кустарникъ вѣтеръ чуть колышетъ
 И, пробѣгая по волнѣ,
 Въ нее съ любовной лаской дышетъ,
 Къ ней льнѣтъ въ полночной тишинѣ.
 Гарольдъ глядитъ. Картина эта
 Гдѣ все въ дремотѣ сладкой спитъ,
 Въ немъ наслажденье шевелитъ
 И шопотъ тихаго привѣта.
 А ночь плыветъ въ огнѣ свѣтилъ...
 Такія ночи онъ любилъ.

LXXI.

На берегу огни сверкаютъ,
 Оконченъ праздникъ и кругомъ
 Въ толпѣ веселой наполняютъ
 Всѣ чаши иурпурнымъ виномъ.
 Но вотъ въ огнѣ скользнули пары,
 Веселый голосъ раздался
 И заплясали поликары:
 Народный танецъ начался.
 Отбросивъ мечъ, сплелися руки,
 Толпа сомкнулась въ общій кругъ,
 И тишину ночную вдругъ
 Смутили пѣсенъ дикихъ звуки,
 На лицахъ радость, смѣхъ и жаръ —
 И съ крикомъ пляшетъ поликаръ...

LXXII.

На эту пляску въ отдаленнѣи
 Смотрѣлъ Гарольдъ и уловлялъ
 Ихъ танца дикаго движенья;
 Но онъ его не возмущалъ;
 Ихъ крики слуха не пугали...
 Когда жь на лицахъ дикарей
 Живѣе щоки запылали,
 Движенья сдѣлались быстрѣй,
 Когда ихъ кудри въ танцѣ скоромъ
 Волной рассыпались, въ тотъ мигъ —
 Ихъ голосъ былъ могучъ и дикъ —
 Они запѣли общимъ хоромъ,
 И въ полуночный этотъ часъ
 Такая пѣсня раздалась:

1.

Барабаны! вашъ грохотъ сзываетъ
 На войну и побѣду народъ,
 Иллирійцевъ безстрашныхъ собираетъ,
 И на зовъ вашъ спѣшитъ суліотъ.¹⁷

2.

Кто же равенъ въ бою суліоту,
 Въ бѣлой туникѣ съ толстымъ плащемъ?
 Онъ, какъ коршунъ, летитъ на работу
 И въ равнину слетаетъ пращемъ.

3.

Въ нашихъ дѣтяхъ, лишь съ местию зна-
комыхъ,
Есть ли жалость? Имъ кровь дорога.
Дастъ ли пуля ихъ меткая промахъ,
Если мѣтится въ сердце врага?

4.

Македонія шлетъ строй за строемъ,
Всѣ покинуть пещеры должны;
Прежде шарфы мы кровью покроемъ,
А потомъ ужъ и сабли въ ножны...

5.

Пусть суда свои кинуть прораты,
По домамъ идутъ, кончивши бой,
И, наградой одною богаты,
Только плѣнныхъ приводятъ съ собою.

6.

Не ищу я богатства вельможи,
Мечъ мой ищетъ награды бѣдняка:
Дѣва въ длинныхъ кудряхъ мнѣ дороже...
За нее моя месть велика.

7.

Только дѣвѣ я люблю въ этомъ мѣрѣ —
Усыпать онѣ пѣсней любви...
О! сыграй же мнѣ, дѣва, на лирѣ,
Какъ отцы твои гибли въ крови.

8.

Кто забылъ, какъ Превизу мы брали?
Только головы прыгали съ плечь;
Жгли дома мы, добычи искали,
Лишь красавицъ не трогалъ нашъ мечъ.

9.

Страхъ! Пощада! Но кто же на это
Отозвался? — Мы съ вѣзиремъ шли:
Со временъ самого Магомета
Мы не знали храбрѣ Али.

10.

Черный Мугтаръ ¹⁸ на берегъ Дуная
Внесъ въ станъ гяуровъ смерть и бѣды;
Наша конница, страха не зная,
Прогнала московитовъ ряды.

11.

Меченосецъ! сюда мечъ владыки!
Барабаны о битвѣ гремятъ.
Мы вернемся при радостномъ кличѣ
Иль совсѣмъ не вернемся назадъ.

LXXIII.

О Греція, гробница славы!
 Ты и въ паденьи велика!...
 Рабы! воспрянете когда вы?
 Съ васъ нго свергнетъ чья рука?
 Найдемъ ли въ васъ, больныхъ и хилыхъ,
 Героевъ Греціи святой,
 Погнбшихъ гордо въ Оермопилахъ,
 Отдавшихъ жизнь за край родной?
 Кто жь духъ воинственной Эллады
 Вновь воскреситъ въ груди рабовъ?
 Они ль возстанутъ изъ гробовъ
 И рабства рушатся преграды,
 И будутъ Аттіки сыны
 Опять свободны и сильны?

LXXIV.

Свобода! Съ свитой Оразибула
 Давно ль неслась ты между горъ?
 О, еслибъ ты теперь взглянула
 На падшей Греціи позоръ!...
 Теперь не грозные тираны
 Ей цѣпи тяжкія куютъ.
 Но каждый ей наноситъ раны,
 Надъ ней заноситъ дерзкій кнутъ,
 И цѣлый край лежитъ безъ силы
 И на спинѣ своей несетъ
 Безславно свой турецкій гнетъ...
 Рабы съ рожденья до могилы
 Для дѣлъ безсильны и для словъ:
 Ихъ не смущаетъ звонъ оковъ.

LXXV.

Они не тѣ... Когда сверкаетъ,
 Порой, огнемъ ихъ быстрый взглядъ,
 Быть можетъ, каждый ожидаетъ:
 Свобода къ нимъ придетъ назадъ.
 Они вѣрны еще надеждѣ,
 Что, наконецъ, тотъ часъ придетъ —
 Наслѣдые предковъ имъ вернетъ
 И возвратитъ, что было прежде...
 Ихъ ноги цѣпи тяготятъ,
 Имъ снится призракъ прошлой славы;
 Они съ надеждою глядятъ
 На иностранныя державы,
 Чтобъ хоть они пришли сорвать
 Съ нихъ рабства горькаго печать.

LXXVI.

Рабы! Но развѣ вы забыли:
 Кому свободы сладокъ даръ,
 Тѣ рабству сами наносилл
 Въ бою рѣшительный ударъ.
 Защиты ль русскаго народа
 Хотите вы? Спасетъ васъ Галлъ?
 Но хоть бы врагъ ихъ мечъ узналъ —
 Ихъ слава ждетъ, — но все жь свобода
 Не будетъ Греціи дана.
 Мѣняй же, бѣдная страна,
 Своихъ владыкъ — они могучи —
 Но надъ тобой все будутъ тучи.
 Твой блескъ угасъ ужь съ давнихъ поръ:
 Тебѣ остался лишь позоръ.

LXXVII.

Пусть древній городъ турки взяли —
 Гяуръ опять его возьметъ,
 На башню дышнаго серала
 Франкъ побѣдителемъ взойдетъ;
 Опять, быть можетъ, будетъ время,
 Европу встрѣтитъ рядъ обидъ,
 И вагабитовъ грозныхъ племя
 Весь западъ кровью обогреть;
 Но на проклятомъ этомъ мѣстѣ,
 Гдѣ проливалась только кровь,
 Не встрѣтимъ мы свободы вновь;
 Здѣсь рабъ влачитъ въ безсиьной мести
 Свои оковы, никогда
 Не отдыхая отъ труда.

LXXVIII.

Мы обратимъ теперь вниманье
 На ихъ веселье предъ постомъ.
 Тотъ постъ молитвъ и покаянья
 Блюдется строго въ краѣ томъ —
 И на колѣняхъ начинается
 Народъ замаливать свой грѣхъ...
 Но постъ еще не наступаетъ,
 Разрѣшены теперь для всѣхъ
 Веселье, праздники; подъ маской,
 Надѣвши праздничный нарядъ,
 Толпа стремится въ маскарадъ,
 На площадяхъ кружится съ пляской,
 На карнавальнй пиръ идетъ,
 Шумитъ, хохочетъ и поѣтъ.

LXXIX.

Стамбуль! Ты прежде веселился...
 (Грусть овладѣла снова мной)
 Тогда еще не осквернился
 Ты мусульманскою чалмой,
 И грекъ не видѣлъ разрушенья
 Своихъ священныхъ алтарей.
 Не испытавъ порабошенья,
 Онъ на пирахъ спдѣлъ бодрѣй;
 Онъ, какъ теперь, не притворился
 Въ своемъ весельи... шумъ и гуль...
 Съ утра ликуеть весь Стамбуль
 До поздней ночи, и сливался
 Въ единый гимнъ, въ единый хоръ
 Весь торжествующій Босфоръ.

LXXX.

На берегу толпы нестрѣли.
 Чу! гдѣ-то пѣсня замерла...
 И голубия волны пѣли
 Подъ равномерный звукъ весла;
 А съ вышины небесъ сіяла
 Царица блѣдная ночей
 И въ быстрыхъ струйкахъ отражала
 Снопы серебряныхъ лучей.
 Вотъ вѣтерокъ подудъ въ эфирѣ,
 И ликъ задумчивой луны
 Вдругъ задрожалъ въ игрѣ волны
 И на мгновенье вспыхнулъ шире,
 И блескомъ волнъ со всѣхъ сторонъ
 Сталъ темный берегъ озаренъ.

LXXXI.

На берегу танцуютъ дѣвы,
 Мелькаютъ лодки по рѣкѣ.
 Огонь очей... любви напѣвы...
 Рука горитъ въ другой рукѣ,
 Движенью тайному послушна...
 Отъ всѣхъ тоска бѣжала прочь...
 Кто захотѣлъ бы равнодушно
 Покинуть праздникъ въ эту ночь?
 Любовь! пусть циникъ отвергаетъ
 Тебя въ твоемъ вѣнкѣ изъ розъ,
 Но каждый годы долгихъ слезъ
 Выносить легче и страдаетъ,
 Чгобъ только день такой прожить,
 Чгобъ только часъ одинъ любить.

LXXXII.

Но здѣсь всѣ веселы едва-ли
 Въ движеньи общей суеты;
 Слѣды мучительной печали
 Скрывали многія черты.
 Для нихъ несносно волнъ журчанье,
 Какъ пробужденная тоска,
 И поднимаетъ въ нихъ страданье
 Безпечный смѣхъ весельчака.
 И шумъ и говоръ маскарадный,
 И время, кажется, идетъ
 Для нихъ не скоро; каждый ждетъ,
 Чгобъ могъ скорѣй костюмъ парадный
 На бѣлый саванъ промѣнять
 И сонъ могильный испытать.

LXXXIII.

Эллады истинныя дѣти —
 А есть ли тамъ телерь они? —
 Должны понять страданья эти;
 Не тѣ сыны, что въ наши дни
 Кричатъ: на бой! а жаждутъ мира,
 Передъ тираномъ рады лечь,
 Хоть о прошедшемъ плачутъ сиромъ,
 Но на соху смѣнили мечъ.
 Эллада! грустно измельчали
 Твои сыны! Свои вѣнцы
 Не завѣщали имъ отцы;
 Они твоимъ позоромъ стали!
 Герои древней старины
 Твоихъ гражданъ стыдить должны.

LXXXIV.

Когда возстанутъ легионы,
 Проснутся Аттики сыны
 И снова греческія жоны
 Родятъ героевъ для страны,
 Тогда лишь только край узнаетъ
 Иную жизнь, уставъ страдать...
 Тысячелѣтье пролетаетъ,
 Чтобъ славу націи создать,
 За то довольно и мгновенья,
 Чтобъ подвигъ славы въ прахъ разбить
 И государство раздробить,
 И надъ кладбищемъ разрушенья
 Не всходитъ многіе года
 Величья прежняго звѣзда.

LXXXV.

Но все же ты еще прекрасна
 Земля потерянныхъ боговъ;
 Ты хороша, хоть и несчастна,
 Вездѣ — средѣ пышныхъ береговъ,
 Тамъ, гдѣ бѣгутъ сверкая воды,
 Гдѣ ароматъ и тишина —
 Видна вездѣ любовь природы
 Къ тебѣ, печальная страна...
 Твои классическія зданья
 Среди классической земли
 Лежатъ обломками въ пыли...
 Такъ гибнетъ все безъ состраданья,
 Лишь трудъ великаго Творца
 Не знаетъ смерти и конца.

LXXXVI.

Кругомъ развалины... Колонна,
 Травой заросшая, лежитъ,
 Да на утесѣ храмъ Тритона
 Въ рѣку прозрачную глядитъ.
 Видъ общій — мертвенно-спокоенъ...
 Зеленымъ мхомъ поросъ курганъ,
 Гдѣ, можетъ быть, когда-то воинъ
 Погибъ въ бою отъ смертныхъ ранъ.
 Его покоя не тревожитъ
 Кругомъ никто... Когда жь сюда
 Заходитъ странникъ иногда,
 Сказать онъ только съ грустью можетъ:
 «Увы! какой здѣсь мертвый видъ!»
 И вздохъ невольный затаитъ.

LXXXVII.

Но это небо также сине,
 Утесы дики, зелень лѣсъ —
 Твои оливы зрѣютъ нынѣ,
 Какъ при Минервѣ въ вѣкъ чудесъ.
 Какъ прежде, мѣдъ течетъ янтарный,
 Трудится рѣзвая пчела,
 И трудъ свершая благодарный,
 Какъ прежде, вьется у дупла.
 А лѣто длинное Элады
 И рядъ распавшихся колоннъ
 Все также грѣетъ Аполлонъ,
 Но спятъ разбитыя громады
 И слава спитъ въ оковахъ сна:
 Природа царствуетъ одна.

LXXXVIII.

Куда бъ мы взглядъ ни обратили —
 Здѣсь все: земля и небеса
 Воображеніе будили,
 Напоминая чудеса.
 Повсюду блескъ, иныя краски
 Въ роскошной зелени, въ цвѣтахъ;
 И сказки музъ для насъ не сказки
 Въ очаровательныхъ мѣстахъ.
 Сѣдое время не посмѣло,
 Разрушивъ храмины Аѳинъ,
 Коснуться дѣвственныхъ равнинъ
 И только издали глядѣло,
 Какъ улыбалась вкругъ весна
 Всегда свѣжа, всегда ясна...

LXXXIX.

Земля и солнце—здѣсь все то же...
 Вотъ поле битвы: для рабовъ
 Оно всего теперъ дороже:
 Здѣсь персовъ встрѣтилъ мракъ гробовъ,
 Здѣсь поднялъ эллинъ мечъ кровавый,
 Здѣсь помнятъ день — забыть ли онъ? —
 Когда при словѣ Мараѳонъ
 Гордился грекъ минувшей славой,
 И рядъ картинъ предъ нимъ вставалъ:
 Кровавый бой, гдѣ врагъ дрожалъ,
 Побѣды, вызовы, сраженье,
 Крикъ, вопль пощады, нораженье
 И гулъ торжественный кругомъ
 Предъ опрокинутымъ врагомъ?

XC.

Вотъ здѣсь — мидянинъ пораженный:
 Колчанъ безъ стрѣлъ, изломанъ лукъ;
 Тамъ грекъ, мечомъ вооруженный,
 Кругомъ враги и смерть вокругъ...
 И что жь встрѣчаемъ въ эти годы
 Въ странѣ, которая могла
 Разъ испытать дары свободы
 И карой Азіи была?
 Что видимъ здѣсь? — земля изрыта,
 Рядъ опрокинутыхъ гробницъ,
 Урнъ обезчещенныхъ, божницъ,
 Да пыль отъ конскаго копыта
 Пріѣзжій странникъ заносилъ
 Сюда, блуждая вокругъ могилъ.

XCI.

Но между тѣмъ къ твоимъ руинамъ
 Спѣшитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
 Порой, къ аттическимъ равнинамъ
 Капризнымъ вѣтрамъ занесёнъ.
 Твои священные повѣрья
 И твой божественный языкъ
 Повсюду чтить безъ лицемѣрья
 На долго мѣръ земной привыкъ.
 Ты — старцевъ, юношей отрада,
 Тебя глубоко чтить мудрецъ
 И вдохновенъ тобой пѣвецъ,
 Когда и Муза и Паллада
 Ему дары свои сулятъ
 И въ сердца пѣсни шевелятъ.

XCII.

Кто одиночествомъ страдаетъ,
 Тотъ пусть Элладу посѣтитъ,
 Пусть эту землю онъ лобзаетъ...
 Здѣсь жизнь весельемъ не дивитъ,
 Здѣсь не найдемъ мы развлеченья —
 Не тѣмъ Эллада хороша:
 Въ странѣ тоски, уединенья
 Смирится гордая душа.
 Здѣсь одинокій странникъ будетъ
 Жить безъ тревогъ; полей просторъ
 Вездѣ найдетъ усталый взоръ;
 Онъ скоро край родной забудетъ
 Для мѣсть, куда случайно рокъ
 Перенести скитальца могъ.

ХСІІІ.

Идите жь вы въ тотъ край священный,
 Но да не смѣеть тамъ слегка
 Остатковъ древности безцѣнной
 Коснуться дерзкая рука!
 И безъ того теперь ихъ мало...
 О странникъ! ихъ боготвори:
 На память древность завѣщала
 Намъ только эти алтари;
 Да рядъ развалинъ видны взорамъ...
 Теперь мы ихъ не оскорбимъ
 Прикосновеніемъ своимъ,
 Иначе заклеятъ позоромъ
 На всѣ вѣка и времена
 Пришельцевъ дерзкихъ имена.

ХСІV.

А ты, игравшій намъ на лирѣ
 Вотъ эту пѣсню до конца,
 Твой голосъ скоро стихнетъ въ мірѣ
 Для пѣсенъ новаго пѣвца.
 Я лавръ увядшій уступаю
 Ему безъ бою: на землѣ
 Я съ равнодушіемъ внимаю
 Какъ похвалямъ, такъ и хулѣ.
 Всѣ тѣ, которые любили
 Меня, и отъ кого я ждалъ
 Съ невольнымъ трепетомъ похвалъ —
 Теперь давно лежатъ въ могилѣ:
 Вѣдь больше некого хвалить,
 Когда ужъ некого любить!

XCV.

Тебя ужь нѣтъ на свѣтѣ тоже,
Ты отошла въ тотъ міръ любя!
О, кто жь остался мнѣ дороже
На этомъ свѣтѣ безъ тебя?
Чьи чувства были больше святы?
Кто такъ тепло меня любилъ?..
Не отшатнулась отъ меня ты,
Хоть я того достоинъ былъ.
Ты умерла!.. Зачѣмъ живу я?
Зачѣмъ вернулся я назадъ,
Гдѣ ужь не встрѣчу милый взглядъ?
Зачѣмъ рвался къ тебѣ тоскуя?..
Зачѣмъ? Слезами рвется грудь,
Но ужь былого не вернуть.

XCVI.

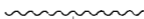
О, вѣчно милая подруга!
Кто мнѣ отдастъ тебя опять?
Ужаснѣй въ мірѣ нѣтъ недуга:
Съ прошедшимъ связи разорвать.
Въ могилѣ ты, но образъ милый
На долго память сберегла...
О смерть! ее ль одну могилой
Ты отъ меня оторвала?
Мать... другъ... Вотъ новая гробница
Опять раскрылась. Жизнь не ждѣтъ,
И рядъ печалей новыхъ шлѣтъ
Ея тяжолая десница,
Чтобъ отравить мнѣ каждый день
И на чело набросить тѣнь.

ХСVII.

Уже-ль въ толпу я брошусь снова,
Туда, гдѣ слышенъ смѣхъ глупца,
Гдѣ исказить иное слово
Черты усталого лица?..
Къ чему жь напрасное старанье
Тамъ подъ улыбкой затаить
Свое глубокое страданье?
Оно сольется, можетъ быть,
Въ одну морщину тайной боли,
Гдѣ послѣ слезы побѣгутъ,
И губы смѣхомъ не солгутъ,
Не подчинятся новой роли,
И искривленный смѣхомъ ротъ
Лишь корча нервная сведётъ.

ХСVIII.

Чѣмъ жизнь подъ старость — наказанье?
Что тѣнь наводитъ на челъ?
То зло: печальное сознанье,
Что всѣ друзья твои въ землѣ,
Что ты, какъ я теперь, на свѣтѣ
Для всѣхъ чужой и одинокъ...
Къ чему жь такъ долги годы эти?
Какъ-будто не пришелъ ихъ срокъ?
Съ тѣхъ поръ, какъ время схоронило
Мои надежды и любовь, —
Все, чѣмъ кипѣла прежде кровь —
Все нынче старость придавила,
И въ этомъ сердцѣ старика
Теперь живетъ одна тоска.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

«Afin que cette application vous forçât de penser à autre chose; il n'y a en vérité de remède que celui là et le temps».

(Lettre du Roi de Prusse à D'Alembert, Sept. 7. 1776).

I.

Мое дитя, малютка Ада,
Я не забылъ твои черты!
Улыбкой дѣвственнаго взгляда
На мать свою похожа ль ты?
Когда съ тобой мы разставались,
Твои прекрасные глаза
Съ надеждой дѣтской улыбались
И не сверкала въ нихъ слеза...
И вотъ опять я вижу море,
Вокругъ меня шумить волна,
Я мчусь. Гдѣ жь пристань? — не видна.
Но я смотрю впередъ безъ горя,
Слѣдя, какъ рядъ родимыхъ скалъ
Въ дали туманной утопаль

II.

Я снова въ морѣ. Мимо, мимо,
 Какъ кони, прыгаютъ валы...
 Привѣтъ вамъ, волны! Несдержимо
 Бѣгите въ даль вечерней мглы.
 Пусть мачты въ бури заскрипѣли,
 Изорванъ парусъ... труденъ путь,
 Я понесусь впередъ безъ цѣли,
 Я долженъ плыть куда-нибудь.
 Я, какъ и пѣросли морскія,
 Лечу капризно по волнамъ —
 Куда? зачѣмъ? не знаю самъ, —
 Пока волнами на пески я,
 Разбитый бурей пловецъ,
 Не буду брошенъ наконецъ.

III.

Въ дни юности въ своей поэмѣ
 Я мрачный образъ воспѣвалъ.
 Вернемся жъ вновь къ забытой тѣмѣ.
 Въ рассказѣ томъ я испыталъ
 Слѣды упорнаго мышленья
 И роковыхъ, изсякшихъ слѣзъ,
 Которыхъ много пролилось
 Тамъ, на могилѣ разрушенья.
 Засохли слезы; назади
 Стоять безъ солнца, безъ святыни
 Года бесплодные; въ груди,
 Какъ посреди нѣмой пустыни,
 Гдѣ зарождается тоска,
 Нѣтъ ни единого цвѣтка.

IV.

Отъ юныхъ лѣтъ чужой для міра,
 Теперь я, вѣрно, ужь не тотъ,
 И, можетъ статья, съ сердцемъ лира
 Въ ладу, какъ прежде, не живетъ.
 Но все жь я пѣть, какъ прежде, буду,
 Пусть въ звукахъ слезы будутъ — пусть!
 Быть можетъ, въ пѣснѣ я забуду
 Тебя, карающая грусть.
 Быть можетъ пѣсня дастъ забвенье,
 Прогонитъ темную мечту,
 Наполнитъ сердца пустоту
 И я, среди уединенья,
 Уставши чувствовать, любить,
 Могу о прошломъ позабыть.

V.

Кто одряхлѣвъ, въ міру скитаясь,
 Отъ долгихъ мукъ, но не отъ лѣтъ,
 Кто все встрѣчалъ не удивляясь,
 Кого не тѣшитъ славы слѣдъ,
 Любви плѣнительныя сѣти,
 Раздоръ, печали, тишина, —
 Тотъ, кѣмъ исчерпана на свѣтѣ
 Всей нашей жизни глубина,
 Лишь только тотъ пойметъ желанье
 Въ пустыню мыслью улетать,
 Гдѣ бь стали въ образахъ мелькать
 Больной фантазіи созданья:
 Они, чисты и хороши,
 Всегда живутъ на днѣ души.

VI.

То — жизнь иная, то — видѣнья,
 То — въ формы сжатая мечты...
 Я самъ не есть ли сновидѣнье?
 Я самъ — ничто. А ты, а ты,
 Царица думъ моихъ, судьбою
 Со мной ты схожа! Я, незримъ,
 Слѣжу повсюду за тобою,
 Слился съ дыханіемъ твоимъ,
 Съ твоимъ рожденіемъ слился я;
 Съ однимъ желаньемъ и мольбой
 Могу лишь чувствовать съ тобой,
 Дрожа, волнуясь и пылая,
 Хотя былъ горекъ жизни путь,
 Хотя давно разбита грудь.

VII.

Довольно! Прежде слишкомъ много
 Я жилъ, страдать я много могъ,
 Пока сильна была тревога,
 Пока мой мозгъ не изнемогъ.
 Ужь въ сердцѣ нѣтъ огня былого
 И жизнь моя отравлена;
 Теперь ужъ поздно жить мнѣ снова:
 Намъ дважды радость не дана.
 Я ужъ не тотъ, хотя остались
 Еще во мнѣ запасы силъ,
 Которыхъ опытъ не скопиль,
 Хотя уста не раскрывались,
 Чтобы хулу послать судьбѣ,
 Последнимъ мщеніемъ въ борьбѣ.

VIII.

Теперь прошло очарованье,
На немъ положена печать...
Начнемъ же старое сказанье,
Вернемся къ Чайльдуну мы опять,
Къ тому, чье сердце такъ болѣло,
Кто боль души не могъ смирить,
Но время все-таки умѣло
Его во многомъ измѣнить.
Въ насъ пылъ и силы умиряютъ
Въ своемъ теченіи года:
Лишь у краевъ своихъ всегда
Бокалы пѣною сверкаютъ,
А ихъ невидимое дно
Стоитъ спокойно и темно.

IX.

Имъ кубокъ жизни былъ осушенъ,
Его онъ снова наполнялъ,
Но оставался равнодушенъ
И лишь невидимо таскалъ
Цѣпь на себѣ; она давила,
Хоть не былъ слышенъ звонъ оковъ,
Она, какъ игло, тяготила
И не гремя подъ звукъ шаговъ.
Онъ всюду былъ съ врагомъ незримымъ,
И этотъ тайный, темный врагъ
За нимъ слѣдилъ за шагомъ шагъ,
И гнѣтомъ вѣчнымъ, нестерпимымъ,
Куда бь ногой онъ ни ступалъ,
Жизнь одинокую смущалъ.

X.

Разочарованный, холодный,
Воображалъ Гарольдъ, что могъ
Опять среди толпы народной
Бродить безъ скорби и тревогъ.
Инымъ онъ думалъ въ мѣръ явиться,
И если радость не придетъ,
То ужъ печаль не возвратится
И сердца въ немъ не шевельнетъ.
Онъ думалъ посреди народа
Дать пищу хладному уму,
Что нѣкогда дала ему
Прекрасныхъ климатовъ природа,
Когда не разъ съ высокихъ скалъ
Цвѣтущій край онъ созерцалъ.

XI.

Кого жъ цвѣтокъ къ себѣ не манеть?
Кто розу съ стебля не сорветъ?
На щечку розовую взглянетъ
Кто безъ любви и не пойметъ,
Что сердце вовсе не старѣетъ
Отъ лѣтъ и жизни никогда?
Кто отъ лучей твоихъ не млѣетъ
О, славы яркая звѣзда?
Въ круговоротѣ жизни снова
Гарольдъ, какъ всѣ, кружиться сталъ,
Но на землѣ теперь искалъ
Онъ счастья лучшаго, иного,
Затѣмъ, что въ юности оно
Гарольду не было дано.

XII.

Увы! увѣрился онъ скоро,
 Что съ міромъ сблизиться не могъ,
 Не могъ поддакивать средь спора
 И называть добромъ порокъ.
 Въ своихъ движеньяхъ благородный,
 Умъ независимый, свободный
 Всѣмъ подчиняться не умѣлъ.
 Надменный, лучше онъ хотѣлъ
 Нести свой жребій однокій,
 Безмолвно жить въ себѣ самѣмъ,
 Чѣмъ предъ людьми ползти рабомъ,
 Какъ всѣ они, во тьмѣ глубокой,
 Имъ покоряться, уступать
 И общимъ воздухомъ дышать.

XIII.

Его друзьями были скалы,
 Отчизной — гордый океанъ;
 Гдѣ небо ясное сверкало,
 Гдѣ грѣло солнце теплыхъ странъ,
 Тамъ онъ любилъ скитаться нынѣ,
 Исполненъ страсти и огня.
 Лѣса, пещеры и пустыни,
 Напѣвы волнъ, сверканье дня —
 Его друзьями только были,
 И ихъ таинственный языкъ
 Онъ понималъ лучше многихъ книгъ,
 Которымъ въ юности учили,
 И въ блескѣ тающихъ озёръ
 Онъ забывалъ весь книжный вздоръ.

XIV.

Какъ магъ, слѣдилъ онъ за звѣздами,
 Ихъ дивнымъ міромъ населялъ.
 И шаръ земной съ его бѣдами
 Предъ нимъ въ то время исчезалъ.
 Когда бъ въ мечтахъ онъ жить остался,
 То счастливъ былъ; но, сынъ земли,
 Онъ отъ земли не отрывался
 И искра гаснула въ пыли,
 Та искра, что съ выси ээира
 Насъ тянетъ прямо въ небеса
 И въ нихъ сулитъ намъ чудеса,
 Но дѣти праха, дѣти міра
 Ее теряютъ каждый разъ:
 Улыбки неба — не для насъ.

XV.

Но въ городахъ Гарольдъ скучаетъ —
 Всегда нахмурено чело...
 (Такъ дикій соколъ опускаетъ
 Свое разбитое крыло
 И проситъ воздуха и воли...)
 Тогда являлись въ немъ опять
 Странанья прежнія и боли.
 Какъ птица хочетъ разломать
 Рѣшотку клѣтки одинокой
 И клювъ свой разбиваетъ въ кровь,
 Такъ рвался Чайльдъ на волю вновь,
 На свѣтъ, на свѣтъ изъ тьмы глубокой,
 И сердце, поднимая грудь,
 Казалось, хочетъ вонъ прыгнуть.

XVI.

Гарольдъ, сживясь съ судьбой изгнанья,
 Себя скитальчеству обрекъ,
 Съ его душой сжились страданья,
 Онъ улыбаться даже могъ,
 Увѣрившись, что скорби, горе
 Его до гроба поведутъ...
 Какъ моряки въ открытомъ морѣ,
 Чтобъ быть смѣлѣй, безумно пьютъ
 И смотрятъ съ хохотомъ, какъ судно
 Ихъ погружаетъ всѣхъ на дно,
 Такъ и Гарольдъ смотрѣлъ давно,
 Надъ всѣмъ смѣялся безразсудно
 И всюду, гдѣ бы ни бывалъ,
 Своей улыбки не скрывалъ.

XVII.

Но, стой здѣсь, трепетомъ объятый!
 Орелъ имперскій здѣсь сражонъ!
 За чѣмъ же нѣтъ тутъ славныхъ статуй
 И колоссальныхъ нѣтъ колоннъ?
 Ихъ нѣтъ! Но истина осталась,
 И это поле не умретъ,
 Гдѣ столько крови проливалось.
 Къ чему жъ привелъ кровавый плодъ?
 Какое счастье для міра
 Равнина эта принесла?
 Гдѣ лавры гордаго чела?
 Побѣда! гдѣ твоя порфира?
 Гдѣ ты, создавшая царей
 Въ дыму пылавшихъ алтарей?

XVIII.

Гарольдъ стоитъ предъ гробомъ Галла,
 Среди кладбища Ваттерло.
 Одной минуты здѣсь достало,
 Чтобъ развѣнчать одно чело.
 Надъ этою печальной нивой,
 Взрывая бѣшено песокъ,
 Упалъ орелъ властолюбивый
 И отъ ударовъ изнемогъ;
 Погибла власть съ громадной славой,
 Герой раздавленъ былъ судьбой,
 И потащилъ онъ за собой
 Обрывки цѣпи той кровавой,
 Которой мѣръ онъ обвивалъ
 И въ рабствѣ нации держалъ.

XIX.

Правдивый судъ! Пусть Галль кусаетъ
 Свои стальные удила
 И пѣной цѣпи покрываетъ, —
 Но гдѣ жъ свобода? Что дала
 Побѣда надъ *однимъ* владыкой?
 Иль снова рабство воскрешать,
 И вновь въ лохмотье наряжать
 Тотъ идолъ, нѣкогда великій?
 За тѣмъ ли свергнули мы льва,
 Чтобъ предъ волками преклоняться?
 Шептать ли робости слова
 И въ новомъ рабствѣ унижаться?
 Такъ не сплетайте же вѣнковъ:
 Побѣда ваша — стыдъ вѣковъ.

XX.

Погибъ деспотъ одинъ. Что жъ въ этомъ?
 Напрасны слезы жонъ и вдовъ
 По ихъ мужьямъ, давно отпѣтымъ,
 Лежащимъ въ сумракѣ гробовъ;
 Напрасны битвы, разрушенье,
 Оковы рабства и стыда,
 И всей Европы ополченье
 Врага смилившей навсегда...
 Та слава лишь не умираетъ
 И будетъ жить въ устахъ страны,
 Когда побѣдный мечъ войны
 Вѣтвями мирта обвиваетъ,
 Какъ мечъ Гармодія святой,
 Подъятый имъ за край родной.

XXI.

Въ огняхъ бельгійская столица.
 Веселый праздникъ слышенъ тамъ;
 Въ сверканьи люстръ мелькаютъ лица
 Прекрасныхъ рыцарей и дамъ.
 Пиръ оживленный разгорался...
 Вотъ сладострастно грянулъ хоръ,
 И страстью пылкой зажигался
 Тамъ не одинъ склоненный взоръ.
 И смѣхъ, и блескъ, и говоръ бальный —
 Все дышетъ счастиемъ вокругъ...
 Но, чу? откуда этотъ звукъ
 Печальный, мрачный, погребальный?
 Одни лишь звуки похоронъ
 Напоминаетъ этотъ звонъ. ¹

XXII.

Но, нѣтъ! то былъ, навѣрно, грохоть
 На площадяхъ отъ колесницъ...
 Опять за пляску и за хохоть!
 Пусть сонъ бѣжитъ отъ ясныхъ лицъ,
 Не навѣвая новой скуки!
 Пусть прочь бѣжитъ отъ нихъ тоска!
 Но вотъ 'опять все тѣ же звуки!
 Имъ словно вторять облака
 И эхо гуломъ повторяетъ.
 Вотъ звукъ все явственнѣй растетъ...
 Скорѣй къ оружію! Впередъ!
 Тотъ шумъ на битву насъ сзываетъ;
 Тотъ шумъ, смутившій всѣхъ кругомъ,
 Былъ раскаленныхъ пушекъ громъ.

XXIII.

Тамъ, у окна, въ тѣни скрываясь,
 Онъ, Брауншвейга властелинъ,
 Стоитъ и, залпамъ содрогаясь,
 Смутился ими лишь одинъ.
 Хоть всѣмъ, въ веселыхъ разговорахъ,
 Смѣшонъ былъ страхъ его больной —
 Узналъ онъ залпы, отъ которыхъ
 Погибъ отецъ его родной,
 И возродилось ~~в~~найнѣ мщенье | m
 И кровь рѣкою пролилась;
 За мечъ взялся онъ въ этотъ часъ
 И полетѣлъ въ разгаръ сраженья
 И, очутившись впереди,
 Палъ съ черной раною въ груди.

XXIV.

И вдругъ смитенье встало въ залѣ:
 Моленья, трепеть, капли слезъ...
 И щеки дѣвъ блѣднѣе стали
 И не алѣли краской розъ.
 Подкрались къ нимъ часы разлуки,
 Осталось счастье назади,
 Ломались трепетныя руки
 И сердце падало въ груди.
 Кто можетъ знать: сойдутся ль снова
 И отшатнется ль горе прочь?
 Кто зналъ, что кончится такъ ночь,
 Что съ блескомъ утра рокового
 Разстроится веселый пиръ
 И что война замѣнитъ миръ?

XXV.

Вотъ въ попыхахъ коней сѣдлаютъ;
 Громъ колесницъ, оружья звонъ.
 И въ боевыхъ рядахъ мелькаетъ
 За эскадрономъ эскадронъ.
 Ночь гаснетъ въ облакахъ тумана,
 Рога призывные трубятъ
 И звукъ тревожный барабана
 Зоветъ къ оружію солдатъ.
 Въ испугъ бѣдныя граждане,
 Забывши свой покойный сонъ,
 Бѣгутъ толпой со всѣхъ сторонъ,
 Внимая грому новой брани,
 И шепчетъ съ ужасомъ народъ:
 «Къ намъ врагъ идетъ! къ намъ врагъ идетъ?»

XXVI.

«Сборъ Камероновъ»² раздаётся.
 О, эта пѣсня, Лохіэль,
 Нерѣдко въ скалахъ здѣсь поется!
 Вѣрна ей горная свирѣль...
 Какъ въ темный вечеръ пѣсни звуки
 Рѣзки и дики! Тотъ напѣвъ
 Кладеть оружье горцу въ руки
 И въ патріотъ будить гнѣвъ;
 Въ немъ храбрый предокъ воскресаетъ
 И въ тѣ минуты часто онъ
 Тебя, Дональдъ и Камеронъ,³
 Въ порывѣ гордомъ вспоминаетъ —
 И слава, спавшая вѣка,
 Для горца кажется близка.

XXVII.

Лѣса арденскіе роняютъ
 Росу средь зелени травы
 И словно слезы проливаютъ
 За гибель храбрыхъ. Да, увы!
 Какъ та трава, они сомнутся,
 Лишь съ неба взглянетъ ночь опять,
 И эти травы разростутся
 Вокругъ могилъ, гдѣ лягутъ спать
 Они отъ вражьяго удара,
 И разстеряютъ безъ слѣда
 Въ послѣдней битвѣ навсегда
 Запасы силъ, любви и жара,
 И кости ихъ въ землѣ уснутъ,
 Окоченѣютъ и сгніютъ.

XXVIII.

Еще вчера всѣ были живы,
 Еще вчера ихъ тѣшилъ балъ,
 Но полночь шлетъ войны призывы,
 А утромъ бой ихъ ожидалъ.
 Явился день. Въ дыму сраженья
 Летаютъ ядра, воздухъ рвутъ,
 И нѣтъ ударамъ отраженья;
 На горахъ груды вновь растутъ
 И въ мрачный, кровью обогранный,
 Покрытый трупами оврагъ
 Слетаютъ вмѣстѣ — другъ и врагъ,
 И конь и всадникъ утомленный,
 И прахъ вздымается, и дымъ
 Скользитъ надъ мертвымъ и живымъ.

XXIX.

Пусть лира лучшаго поэта
 Героевъ чтить, — лишь *одному*
 Я посылаю дань привѣта,
 Быть можетъ, частью потому,
 Что насъ вела одна дорога,
 Что я — былъ врагъ его отца,
 Что имена героевъ много
 Даютъ вѣнковъ для ихъ пѣвца;
 А онъ — онъ былъ всегда героемъ
 И пуля жертвы не могла
 Почетнѣй выбрать, и свела,
 Промчавшись смертью передъ строемъ,
 Тебя въ могилу подъ курганъ:
 Ты, Гоуардъ, погибъ отъ ранъ —

XXX.

И былъ оплаканъ всѣми. Ты ли
 Мои рыданья бѣ услыхалъ?
 Когда же на твоей могилѣ
 Зеленый лугъ я увидалъ,
 Когда все жизнью улыбалось
 И въ полѣ зрѣлъ душистый плодъ,
 Когда весна вокругъ возрождалась
 И пѣлъ пернатый хороводъ,
 Тогда отъ свѣтлой той картины
 Я обращался съ думой къ тѣмъ,
 Кому весь міръ казался нѣмъ
 Съ минуты горестной кончины,
 Къ тѣмъ, для кого теперь весна
 Незелена и некрасна.

XXXI.

Я падшимъ отдалъ сожалѣнье;
 Родня скорбитъ о нихъ давно,
 Но даже самаго забвенья
 О нихъ ей небомъ недано;
 Героевъ трубный звукъ подниметь,
 Труба архангела одна,
 А слава? слава быстро минеть,
 Расскажетъ намъ ихъ имена,
 Но не подниметь ихъ изъ гроба
 И не волеетъ въ ихъ жилы кровь,
 И въ насъ тогда проснутся вновь
 И сожалѣніе, и злоба,
 Да вызоветъ изъ груди стонъ
 Рядъ дорогихъ, святыхъ именъ.

XXXII.

Сквозь слезы міръ порой смѣется.
 Такъ дерево сперва гниетъ,
 А послѣ рѣхнетъ; такъ несется
 Корабль безъ мачтъ по лону водѣ,
 А послѣ въ морѣ погибаетъ;
 Такъ свѣтъ сквозь тучу видимъ мы;
 Такъ дверь тюрьмы переживаетъ
 Всѣхъ обитателей тюрьмы;
 Такъ, годъ отъ году рассыпаясь,
 Еще все держится стѣна...
 И наша жизнь тому жъ вѣрна:
 Такъ, часто сердце, разбиваясь,
 Еще живетъ у насъ въ груди
 И ищетъ жизни впереди.

XXXIII

Въ разбитомъ зеркалѣ дробится
 Все то, что въ немъ отражено;
 Въ его обломкахъ отразится
 Хоть сотню разъ лицо одно.
 Такъ, если сердце въ насъ разбито,
 Оно не скоро въ насъ умретъ;
 Ничто имъ въ прошломъ не забыто,
 Оно все помнитъ и живетъ,
 Живетъ безъ прежнихъ упованій,
 Смѣнивши свѣтъ на мракъ и тьму,
 Не повѣряя никому
 Своихъ мучительныхъ страданій,
 И не бросаетъ этотъ свѣтъ
 До самыхъ позднихъ, позднихъ лѣтъ.

XXXIV.

Есть жизнь въ страданьи самомъ жгучемъ,
 Когда и идъ ужъ не мертвить.
 Такъ корнемъ сочнымъ и могучимъ
 Лѣсъ вѣтви мертвыя поить.
 Смерть не страшна — но съ шуткой злою
 Жизнь сторожить насъ, шлетъ бѣды.
 Такъ Моря Мертваго плоды
 Вдругъ разсыпаются золою,
 Когда сорвутъ ихъ. Если бъ намъ
 Пришлось жизнь мѣрить по часамъ
 Хорошихъ радостей, то въ свѣтѣ
 (Кто разрѣшитъ вопросы эти?)
 Возможно ль было или нѣтъ
 Жить до шестидесяти лѣтъ?

XXXV.

Давно означенъ былъ пророкомъ
 Срокъ нашихъ лѣтъ и ихъ число,
 Но этимъ слишкомъ долгимъ срокомъ
 Ты возмутилось; Ватерло.
 Чтобъ не тянулись эти годы,
 Людей давило ты, губи,
 И стануть помнить всѣ народы
 Съ невольнымъ ужасомъ тебя.
 Не позабудутъ милліоны
 И дѣти ихъ такую рѣчь:
 «Здѣсь обнажили въ битвѣ мечъ
 Союзныхъ націй легіоны».
 Вотъ все, что въ памяти людей
 Останется на много дней.

XXXVI.

Здѣсь былъ великій, свѣтлый разумъ!
 Онъ ни предъ чѣмъ не отступалъ.
 Желалъ, спѣшилъ и тутъ же разомъ
 Труды и подвиги свершалъ.
 Въ своихъ стремленьяхъ несдержимый,
 Онъ этимъ самымъ былъ сражонъ,
 Иначе бъ тотъ упавшій тронъ
 До нынѣ былъ несокрушимый,
 Илъ вовсе бъ имъ онъ не владѣлъ...
 Своимъ величьемъ и паденьемъ
 Себѣ обязанъ ты! Хотѣлъ
 Ты міръ смутить своимъ явленьемъ,
 Вновь прежній скипетръ въ руки взять
 И, какъ Юпитеръ, поражать.

XXXVII.

Ты — побѣдитель побѣжденный.
 Весь міръ еще до нынѣ нѣмъ,
 Тебѣ во слѣдъ глядитъ смущенный,
 Въ тѣ дни, когда ты сталъ ничѣмъ,
 Игрушкой счастья, жертвой жалкой...
 Давно ли слава за тобой
 Слѣдила льстивою Весталкой,
 Гордилась славною судьбой.
 Пока смотрѣлъ ты полубогомъ,
 То отъ лучей твоихъ слѣпа
 Склонялась предъ тобой толпа
 Въ своемъ смиреніи убогомъ:
 Въ ея глазахъ ты въ этотъ срокъ
 Былъ, въ самомъ дѣлѣ, полубогъ.

XXXVIII.

Кто бъ ни былъ ты — безумецъ, гений —
 То императоръ, то капраль,
 Изъ царствъ надѣлалъ ты ступеней,
 Ты государства разгромлялъ
 И возрождать умѣлъ ихъ снова,
 Но только справиться не могъ
 Съ самимъ собой! вотъ твой порокъ —
 Въ себѣ стремленья рокового
 Къ войнѣ смирить ты не умѣлъ,
 Ты новой бездны не измѣрилъ,
 Въ свою звѣзду и въ свой удѣлъ
 Съ самонадѣянностью вѣрилъ,
 Забывъ, что гордая судьба
 Не подчинится, какъ раба.

XXXIX.

Позоръ, паденье властелина
 Ты вынесъ съ силой мудреца,
 И эта гордость исполина
 Враговъ дразнила до конца.
 Когда народъ кругомъ сбѣгался
 Кошунствомъ встрѣтить твой позоръ —
 Ты хладнокровно улыбался:
 Такъ свѣтелъ былъ спокойный взоръ!
 Когда фортуна отвернулась,
 Тебя лишивъ своихъ даровъ,
 Ты оставался гордъ, суровъ;
 Спина героя не согнулась, —
 Въ несчастьи самомъ даже онъ
 Былъ прежнимъ блескомъ окружонъ.

XL.

Въ дни бѣдствій больше, чѣмъ въ дни счастья
 Ты былъ великъ. Тогда не зналъ
 Ты къ людямъ добраго участья
 И къ нимъ презрѣнья не скрывалъ.
 Ихъ знать нельзя не презирая,
 Но ты былъ тѣмъ лишь виноватъ,
 Что, это чувство не скрывая,
 Его въ глаза бросать былъ радъ.
 И ты паденьемъ поплатился!..
 Къ чему же власть теперь? Къ чему
 Желать высокому уму,
 Чтобъ цѣлый міръ предъ нимъ склонился?
 Такое дѣло никогда
 Не стоить нашего труда.

XLI.

Когда бъ стоялъ ты одинокимъ,
 Какъ башня замка на скалѣ,
 Съ своимъ презрѣніемъ глубокимъ
 Ты могъ быть счастливъ на землѣ.
 Но тамъ, гдѣ мнѣнія народа
 Даетъ и власть, и тронъ даетъ —
 Оружіе такого рода
 Къ прямой гибели ведетъ.
 Взойдя на новую арену,
 Какъ сынъ Филиппа долженъ стать,
 Но людямъ всѣмъ не хохотать
 Въ глаза, подобно Діогену!
 О циникъ! помни до конца:
 Земля — не бочка мудреца.⁴

XLII.

Покой инымъ — ужаснѣй ада.
 Вотъ отчего сломился онъ.
 Есть силы: душисть ихъ преграда,
 Они изъ граней рвутся вонъ.
 Душевный пылъ зоветъ на дѣло,
 Порывъ желаній несдержимъ
 И пламя къверху рвется смѣло
 И все палить огнемъ своимъ.
 Оно не гаснетъ отъ движенья,
 Ему противенъ лишь покой,
 И лихорадкою такой
 Пьянѣтъ грудь до изступленья;
 Она все страсти дразнить въ насъ
 И раздражаетъ каждый разъ.

XLIII.

Та лихорадка возрождаетъ
 Безумцевъ, бардовъ, королей,
 Она на битвы призываетъ
 Вокругъ разбитыхъ алтарей;
 Она творитъ людей движенья,
 Въ которыхъ кровь живѣй бѣжитъ;
 На ихъ дѣла, на ихъ стремленья
 Толпа, смѣясь, порой глядитъ.
 Чтò жь за причины ихъ терзанья?
 О какъ бы были хороши
 Хотя бь одной такой души
 Для насъ открытыя признанья:
 Тогда бы все мы, можетъ быть,
 Не стали славу такъ любить.

XLIV.

Въ душѣ ихъ — буря; жизнь — волненье;
 Хоть часто губить ихъ оно,
 Но безъ борьбы, но безъ паденья
 Имъ въ мірѣ жить не суждено.
 Покой ихъ давить вѣчной скукой,
 Имъ нужны: ненависть, вражда...
 Такъ; спалены борьбой и мукой,
 Они потухнутъ навсегда,
 Какъ постепенно потухаетъ
 Безъ дровъ оставленная печь,
 Какъ безъ движенья павшій мечъ
 Безславно ржавчина съѣдаетъ:
 Въ пыли забытый, онъ лежитъ
 И никого ужъ не страшить.

XLV.

Кто видитъ, стоя на вершинѣ,
 Верхушки скалъ въ вѣнцѣ снѣговъ,
 Кто въ мірѣ сталъ всѣхъ выше нынѣ,
 Тотъ всюду долженъ ждать враговъ.
 Надъ нимъ — *высоко* солнце славы,
 Земля отъ взоровъ — *далека*,
Кругомъ — налѣво и направо
 По льдинамъ вьются облака,
 Да только бури, пѣсни ада,
 Поютъ вокругъ гордаго чела...
 И вотъ, что жизнь ему дала!
 И вотъ пути его награда!
 Къ чему жъ теперь достигнулъ ты
 До недоступной высоты?...

XLVI.

Ахъ, нѣтъ! Мiръ собственныхъ созданiй
 Или природы красоты
 Избавятъ насъ отъ всѣхъ страданiй.
 О, Рейнъ! вѣдь это блещешь ты!
 Гарольдъ глядитъ: открылись взорамъ
 Природы чудные дары,
 Поля, съ зеленымъ ихъ просторомъ,
 Долинъ цвѣтущiе ковры,
 Плоды и кисти винограда;
 Пустые замки тамъ стоятъ
 И мрачно стѣны ихъ глядятъ
 Изъ изумрудныхъ листьевъ сада,
 И разрушенья духъ одинъ
 Тамъ поселился межъ руинъ.

XLVII.

Они стоятъ, какъ привидѣнья,
 Недвижно многiе вѣка;
 Въ нихъ слышно бурь, вѣтровъ шипѣнье,
 Ихъ гости — только облака;
 Въ нихъ прежде пѣсни раздавались
 И слышенъ былъ сраженiй громъ;
 Надъ ними флаги развѣвались,
 Но спятъ бойцы могильнымъ сномъ
 Въ гробницахъ, въ саванахъ кровавыхъ;
 Лоскутья флаговъ стерлись въ прахъ
 И нѣтъ помину о пирахъ,
 И въ этихъ башняхъ величавыхъ,
 Гдѣ паутина ткеть узоръ,
 Уже враговъ не ждетъ отпоръ.

XLVIII.

Средь этихъ башенъ страсти жили,
 Въ нихъ обиталъ могучій духъ;
 Толпы разбойниковъ бродили,
 Для грабежей держали слугъ;
 Могучіе во время оно
 Сражали вокругъ враговъ своихъ...
 Чего же, кромѣ лишь закона,
 Недоставало славѣ ихъ?
 Лишь лѣтописца подкупнаго,
 Чтобъ могъ прославить ихъ дѣла,
 Иль шире поприща для зла,
 Иль мавзолея росписного?..
 Въ нихъ бились пламенно сердца,
 Жила въ нихъ пылкость храбреца.

XLIX.

Средь феодальныхъ ихъ раздоровъ
 Погибло много громкихъ дѣлъ...
 И звукъ любви, блескъ нѣжныхъ взоровъ
 Проникнуть въ сердце ихъ умѣлъ;
 Но пламя страсти дико было,
 Влекло къ погромамъ и войнѣ
 И ихъ неистовство любило
 Купаться въ крови и винѣ.
 Не разъ, влекомые любовью,
 Повсюду смерть они несли,
 Стирали башни прочь съ земли,
 И Рейнъ окрашивался кровью
 Во славу гордой красоты.
 О, Рейнъ! чего не видѣлъ ты?

L.

О, славный Рейнь! своимъ разливомъ
 Обогащалъ ты берега...
 Когда бь по этимъ чуднымъ нивамъ
 Врагъ не стремился на врага,
 Ты былъ бы вѣченъ красотой:
 Тогда бь должна тихихъ водъ
 Была, какъ неба новый сводъ,
 На землю спавшій пеленою.
 Чего жь теперь не достаетъ
 Тебѣ, чтобъ небомъ могъ казаться?
 Чего душа здѣсь не найдетъ?
 Забвенья Леты, можетъ статья.
 Ея забвенья, вѣрно, мнѣ
 Не отыскать на рейнскомъ днѣ.

LІ.

Здѣсь битвы воздухъ потрясали —
 Онѣ забыты навсегда;
 Здѣсь берегъ трупы покрывали —
 Отъ нихъ не видно и слѣда.
 Могилы самыя пропали,
 Военныхъ бурь прошла игра,
 И волны кровь съ земли смывали
 Едва пролитую вчера.
 Смѣясь глядится солнце въ волны,
 Въ твои прозрачныя струи,
 Лишь думы тайныя мои,
 Какъ и всегда, печали полны:
 Волнамъ сверкающей рѣки
 Не затопить моей тоски.

LII.

Такъ думалъ Чайльдъ. Но безъ вниманья
 Не могъ же относиться онъ
 Къ мѣстамъ, гдѣ самое изгнанье
 Идетъ для насъ, какъ сладкій сонъ.
 Хоть на челѣ его морщины
 Печатью опыта лежатъ,
 Но нѣтъ въ лицѣ былой кручины;
 Черты безстрастны, ясенъ взглядъ,
 Въ глазахъ веселье отражалось,
 Какъ свѣтъ мелькнувшій въ массѣ тучъ,
 И по лицу довольства лучъ
 Игралъ порою и, казалось,
 Въ немъ каждый новый чудный видъ
 Былую радость шевелить.

LIII.

Надъ нимъ любовь имѣла силу,
 Хотя порывъ страстей своихъ
 Въ себя онъ пряталъ, какъ въ могилу,
 Но могъ ли съ корнемъ вырвать ихъ?
 Нѣтъ, сердце требуетъ участья,
 Хоть мiръ души и отравленъ,
 И не откажется отъ счастья:
 И точно такъ же думалъ онъ.
 Всегда одно воспоминанье
 Теперь въ груди его живетъ,
 Его давно къ себѣ влечетъ
 Одно прекрасное созданье,
 И часто мысленно къ нему
 Носиться весело ему.

LIV.

Любить онъ сильно научился,
 И это странно было въ немъ...
 Но отчего жь онъ измѣнился,
 Онъ, презиравшій все кругомъ,
 Онъ, отвергавшій чувство смѣло?
 Какъ вдругъ могла исчезнуть тьма?
 Къ чему намъ знать? — не въ этомъ дѣло.
 Важна тутъ истина сама.
 Пусть для страстей людскихъ опасна
 Всегда бываетъ тишина —
 Его любовь была сильна,
 Какъ чувство первое — прекрасно,
 Хотя, казалось, съ немъ давно
 Все сердце было спалено.

LV.

Да, онъ любилъ одно созданье,
 И связь, сильнѣй законныхъ узъ,
 Связала ихъ: ей нѣтъ названья.
 Былъ чистъ и крѣпокъ ихъ союзъ.
 Во всемъ далеки лицемѣрья,
 Они не видѣли бѣды
 Въ нападкахъ моднаго повѣрья
 И не боялися вражды.
 Ничто любви не угрожало,
 И ей-то съ чуждыхъ береговъ
 Мотивы тихихъ нѣжныхъ строфъ
 Гарольду Муза напѣвала,
 И повторяетъ онъ за ней
 Слова мелодіи своей:

ПѢСНЯ.

1.

Замокъ, ⁵ нахмурясь, надъ Рейномъ склоняется,
 Рейнъ серебристый ворчить,
 Грудь водяная его раздувается,
 Межь берегами скользитъ.
 Тамъ виноградъ по садамъ разростается...
 Нивы, холмы и лѣса...
 Тамъ города межъ долинъ разсыпаются...
 Кротко глядитъ небеса...
 Право, не пѣлъ бы я пѣсни унылыя,
 Счастье напрасно губи,
 Если бъ была ты со мной, моя мплая,
 Если бъ я видѣлъ тебя.

2.

Голубоокія дѣвы встрѣчаются,
 Поступь — полна красоты;
 Такъ откровенно онѣ улыбаются
 И предлагаютъ цвѣты.
 Здѣсь — то колонна стоитъ феодальная,
 То наклонилась скала,
 Тамъ — виснеть въ воздухѣ арка печальная,
 Словно паденья ждала.
 Вотъ и бесѣдка... О, вѣрно бъ здѣсь скоро я
 Могъ отдохнуть отъ потерь, —
 Жаль, что нѣтъ ручки прекрасной, которая
 Сжала бъ мнѣ руку теперь.

3.

Шлю я къ тебѣ эти лиліи блѣдныя:

Въ день, какъ получишь ихъ ты,
Будутъ измяты ихъ листики бѣдные,
Будутъ увялы цвѣты.

Все же на память иного свиданія

Эти цвѣты сохрани;

Брось имъ, порою, хотъ взоръ состраданія
И обо мнѣ вспомяни.

Будешь ты помнить, что гдѣ-то на Рейнѣ я

Эти цвѣты собиралъ,

Вмѣстѣ съ цвѣтами къ тебѣ въ отдаленіе
Думы свои посылалъ.

4.

Рейнъ горделиво бѣжитъ, извивается...

Каждый хорошъ поворотъ;

Тысячи видовъ кругомъ раскрывается,
Полныхъ волшебныхъ красотъ.

Здѣсь забываю я гордость надмѣнную,
Съ сердца отходитъ тоска...

Можно кругомъ исходить всю вселенную —
Краше ея ней нѣтъ уголка.

Но эти виды мнѣ лучше бѣ казались,

Ожило все бы вокругъ,

Если бы взоры мои здѣсь встрѣчались
Вмѣстѣ съ твоими, мой другъ.

LVI.

Близъ Кобленца, въ одной равнинѣ
 Подъ пирамидою лежитъ
 Въ могилѣ прахъ героя нынѣ⁶
 Марсо — нашъ врагъ; но есть ли стыдъ
 Надъ этой раннею могилой
 Стоять въ слезахъ? Надъ ней не разъ
 Потоки слезъ съ любовной силой
 Струились изъ солдатскихъ глазъ.
 Они съ завистливой тоскою
 Умѣли чтить героя прахъ;
 Онъ, презирая смерти страхъ,
 Вооруженною рукою
 Народъ французскій защищалъ
 И за его свободу палъ.

LVII.

Двѣ арміи о немъ рыдали
 И врагъ почтилъ его въ тиши;
 Молитвы странники шептали
 За упокой его души,
 Души безстрашной, благородной...
 Его забудетъ ли молва?
 Онъ, занять участію народной,
 Сталъ за народныя права —
 И умеръ за тебя, свобода,
 Героємъ онъ. Вотъ почему,
 На этотъ скромный гробъ ему,
 Несется въ даръ слеза народа,
 Вотъ отчего толпа, порой,
 Идетъ къ холму, гдѣ палъ герой.

LVIII.

Эренбрейтштейнъ! Твои руины
 Не тѣ, что въ прошлыè года,
 Когда картечь, огонь и мины
 Не причиняли имъ вреда.
 Отъ взрывовъ стѣны почернѣли...
 О, тотъ ли ты, побѣдный валъ,
 Гдѣ битвы грозныя кипѣли
 И врагъ разбитый отступалъ?
 И миръ разрушилъ эти своды,
 Чего не сдѣлала война:
 Стоитъ въ развалинахъ стѣна
 Печальной жертвой непогоды,
 Хоть былъ не страшенъ прежде ей
 Весь ужасъ пушечныхъ огней.

LIX.

Прощай, мой Рейнъ! Съ невольнымъ стономъ
 Уходитъ путникъ отъ тебя!
 На берегу твоемъ зелёномъ
 Всѣ оживаютъ, жизнь любя;
 И если бъ коршунъ злой сомнѣнья
 Намъ въ тайнѣ сердца не сосалъ —
 Ты бъ далъ намъ свѣтлыя мгновенья
 И много радостей послалъ.
 Твоя роскошная природа
 Не весела и не мрачна,
 Хотя дика, но не страшна;
 Какъ осень ясная для года,
 Въ сѣяньѣ зрѣлой красоты
 Землѣ полезень былъ бы ты.

LX.

Еще прости! Къ чему жь прощанье?
 Тебѣ нельзя сказать: прости!
 Нельзя безъ болп. и страданья
 Глазъ пораженныхъ отвести
 Отъ мѣстъ, достойныхъ обожанья.
 Быть можетъ много лучшихъ странъ,
 Которымъ климатъ краше данъ;
 Но гдѣ найдемъ то сочетанье
 Разнообразной красоты?
 И блескъ, и жизнь, и прелесть неба,
 Лѣса, душистые цвѣты,
 Поля златыхъ колосьевъ хлѣба,
 И наконецъ — когда хотять —
 Воспоминаній славныхъ рядъ.

LXI.

Величье вмѣстѣ съ простотою!
 Овраги, стѣны городовъ,
 Лѣса съ ихъ зеленью густою,
 Обломки стѣнъ, потоковъ рѣвъ,
 Тамъ зелень яркая, тамъ пашни —
 Все манитъ къ грезамъ и къ мечтѣ...
 Тамъ скалы дикія, какъ башни,
 Стоять въ суровой наготѣ.
 Довольство общее народа
 Вкругъ разлито: здѣсь также онъ
 Всегда спокоенъ и силѣнъ,
 Какъ края этого природа,
 Хоть государство не одно
 Когда-то здѣсь погребено.

LXII.

Но предо мною Альпы встали —
 Природы вѣчные дворцы —
 И облака отъ глазъ скрывали
 Вершинъ ихъ снѣжные вѣнцы,
 Откуда лавина спадаетъ,
 Какъ громъ, все руша впереди.
 Что́ духъ людей живить, смущаетъ —
 Все есть въ ихъ каменной груди;
 Они какъ-будто тѣмъ гордятся,
 Что близко къ небу подошли,
 А люди — эта моль земли —
 Должны внизу ихъ пресмыкаться,
 Что до предѣловъ ихъ высотъ
 Никто изъ смертныхъ не дойдѣтъ.

LXIII.

Но прежде, чѣмъ себѣ дозволю
 Входить на Альпы, брошу взглядъ
 Патриотическому полю:
 Мнѣ открывается Морать.
 Трофеи страшные! Здѣсь пали
 Бургундской арміи полки,
 Ихъ кости въ груду набросали...
 Теперь по Стиксу, вдоль рѣки
 Непогребенныхъ бродятъ тѣни
 Въ безлунную, глухую ночь,
 Не въ состояньи превозмочь
 Стенанья тайныя и пѣни:
 Лишь только въ небѣ день потухъ —
 Начнетъ рыдать тамъ каждый духъ. ⁸

LXIV.

Какъ Ватерло и бой при Каннахъ
 Имѣють сходство, такъ Морать
 И Марафонъ влвоемъ стоятъ.
 Великій бой! Въ твоихъ гражданахъ
 Тогда духъ братства говорилъ,
 Въ нихъ много было юныхъ силъ.
 Негодованіемъ объаты,
 Они дрались и шли на кликъ
 Не какъ наемные солдаты,
 Не какъ рабы своихъ владыкъ.
 Они нигдѣ народныхъ стоновъ
 Ярмомъ чудовищныхъ законовъ
 Не возбуждали; произволь
 Межъ нихъ защиты не нашолъ.

LXV.

Мы предъ колонной посѣдѣлой;
 На ней видна печать годовъ.
 Какъ человѣкъ окаменѣлый
 Съ сознаньемъ тайнымъ, но безъ словъ
 Глядитъ кругомъ на все безсонно—
 Такъ ты смотрѣла здѣсь, колонна,
 Ты, мертвый остовъ прошлыхъ лѣтъ!
 И удивляя цѣлый свѣтъ,
 Ты здѣсь стоишь не разрушаясь;
 Тебя не тронулъ жизни шумъ,
 Межъ тѣмъ здѣсь палъ Авентикумъ, °
 Въ своихъ обломкахъ разсыпаясь,
 Въ мѣстахъ, гдѣ прежде онъ царилъ
 И гордой славою дивилъ.

LXVI.

И здѣсь — какъ имя то священно! —
 Ты, Юлія, тогда жила,
 Отца любила неизмѣнно
 И въ землю вмѣстѣ съ нимъ легла.
 Ты за него въ слезахъ молила,
 Но строги судьи, строгъ законъ,
 И смерть съ отцомъ ты раздѣлила,
 Смѣнила жизнь на вѣчный сонъ.¹⁰
 Могила ихъ безъ украшеній
 Стоитъ, вкушая тишину,
 И прахъ одинъ и мысль одну
 Хранить въ той урнѣ добрый геній,
 Но монумента не найдѣтъ
 Надъ той могилою народъ.

LXVII.

Но міръ ее не забываетъ,
 Хотя бы годы шли и шли,
 Хотя забвеніе стираетъ
 Народы, царства прочь съ земли.
 Все, что вчера шумѣло, жило,
 То завтра смолкнетъ и умретъ,
 Лишь добродѣтели свѣтило
 Всѣ времена переживетъ,
 Безсмертнымъ блескомъ поражая
 Тебя, ничтожный человѣкъ!
 Такъ на вершинахъ горныхъ снѣгъ,
 Въ себѣ блескъ солнца отражая,
 Всегда, зимою и весной,
 Сверкаетъ ясной бѣлизной.

LXVIII.

Всегда любилъ я тихій Леманъ.
 Въ него глядятся цѣпи горъ
 И звѣздъ небесныхъ чуткѣй хоръ...
 Тамъ хорошо! Но только тѣмъ онъ
 Нерѣдко мой покой смущалъ,
 Что я людей на немъ встрѣчалъ.
 Но скоро вновь придетъ отрада,
 Мечтамъ предаться я могу:
 Отъ человѣческаго стада
 Я безъ оглядки убѣгу.
 Судьбѣ я вдвое благодарнѣй,
 Когда, простясь съ людскою овчарней,
 Я одинокимъ остаюсь
 И отъ жилищъ всѣхъ сторонюсь.

LXIX.

Людей бѣгутъ не отъ презрѣнныя.
 Не могутъ всѣ нести ихъ трудъ.
 Пусть мизантропомъ назовутъ
 Того, кто, скрывъ души движенья,
 Не шелъ друзей искать въ народъ,
 Гдѣ за утратой ждетъ утрата,
 Гдѣ ранней жертвою разврата
 Мы гибнемъ тупо въ тѣмъ заботъ,
 Гдѣ наши силы изнуряемъ,
 О томъ жалѣемъ, что прошло,
 Гдѣ всюду платимъ зломъ за зло,
 Пошлѣемъ скоро и мельчаемъ,
 Приходимъ къ выводамъ такимъ,
 Что всѣ усилья наши — дымъ.

LXX.

Тамъ ждетъ насъ темное страданье —
 Его ничѣмъ не превозмочь,
 Тамъ превратится кровь въ рыданье —
 А впереди предстанетъ — ночь.
 Жизнь станетъ бѣгствомъ неизбѣжнымъ
 Для тѣхъ, кто ползаетъ во мглѣ;
 Такъ въ морѣ, съ чувствомъ безнадежнымъ,
 Морякъ спѣшитъ на корабль
 Причалить къ берегу. Однако,
 Иной пловецъ въ волнахъ плыветъ,
 Не зная пристани, впередъ.
 Не опасаясь бурь и мрака:
 Онъ, съ ними сжившійся давно,
 Не броситъ якоря на дно.

LXXI.

Итакъ, не лучше ль оставаться
 Вѣкъ одному, весь міръ забыть
 И синей Роной любоваться,
 На это озеро ходить,
 Которое ее вскормило,
 Какъ нѣжно любящая мать
 И поцалуями любила
 Ребенка крики заглушать?
 Не лучше ль жить такъ во вселенной,
 Не проходя одной тропой
 Съ безумной, шумною толпой,
 Порою, какъ герой надмѣнный,
 Порой, въ цѣпяхъ усталыхъ ногъ?
 Не лучше ль жить безъ тѣхъ тревогъ?

LXXII.

Я самъ — ничто; я — есть частица
 Того, что вижу лишь вокругъ;
 Со мной бесѣдуетъ денница,
 Мнѣ шепчутъ сказки горы, лугъ...
 Лишь пробуждаетъ содроганье
 Во мнѣ жизнь шумныхъ городовъ.
 Нѣтъ въ мірѣ злѣе наказанья,
 Какъ быть овцой людскихъ стадовъ,
 Тогда какъ духъ свободный рвется
 Къ сліянію съ небомъ, съ цѣпью горъ,
 Его влечетъ полей просторъ,
 Къ полочнымъ звѣздамъ онъ несется,
 И хочетъ — власти не дано —
 Съ природой жить онъ заодно.

LXXIII.

Да, это зло людской судьбины.
 Смотрю я съ ужасомъ вокругъ
 На заселенныя равнины,
 Какъ на пріютъ скорбей и мукъ,
 Гдѣ я за грѣхъ одной минуты
 Былъ на мученье осужденъ...
 Довольно! Прочь срываю пути!
 Теперь я снова окрыленъ,
 Теперь могучи снова крылья,
 Чтобъ противъ вѣтра мчатся въ путь,
 Чтобъ прахъ земли съ нихъ отряхнуть
 Безъ утомленья и усилья
 И долетѣть до облаговъ,
 Освободившись отъ оковъ.

LXXIV.

Когда же мысль освободится
 Отъ узъ зѣмныхъ, что мысль гнететь,
 И въ жизни лучшей обновится,
 И плоть земли съ себя стряхнетъ,
 И разомъ вырвется на волю,
 Отъ формы глиняной своей
 Оставивъ часть одну на долю
 Букашекъ, гадовъ и червей —
 Тогда ужели даръ прозрѣнья
 Меня оставить? Я пойму
 Языкъ духовъ и неба тьму
 И мысли вѣчное движенье,
 И вѣчный духъ съ природой сливъ,
 Я не умру, я буду живъ.

LXXV.

Моря и горы, небо, рѣки!
 Самъ я не ихъ ли только часть?
 Уже ль во мнѣ, какъ въ человѣкѣ,
 Не велика въ природѣ страсть?
 Могу ль смотрѣть безъ сожалѣнья
 На все, что сравниваютъ съ ней?
 За это горькое презрѣнье
 Я къ людямъ чувствую сильнѣй,
 И лучше вынесу страданье,
 Чѣмъ предъ бездушною толпой
 Съ ея ничтожной суетой
 Открыто выскажу желанья
 И одинокія мечты
 Въ честь вѣчно-юной красоты.

LXXVI.

Я поступаю очень дурно,
 Что свой рассказъ забылъ опять.
 Итакъ, всѣхъ любящихъ мечтать
 Прошу взглянуть сюда: вотъ урна!
 Въ ней прахъ того положенъ былъ,
 Чья жизнь была огонь и пылъ,
 Того, кто родился въ странѣ той,
 Гдѣ я дышу теперь, согрѣтый
 Одной безумною мечтой —
 Быть солнцемъ славы колоссальной.
 Плъненный ложной суетой,
 Минутный гость земли печальной,
 Пока онъ чувствовалъ и жилъ —
 Все въ жертву славы приносилъ.

LXXVII.

Здѣсь прахъ Руссо. Пѣвецъ страданья,
 Страстямъ онъ прелесть придавалъ
 И доводилъ до обожанья
 Всѣ муки сердца. Онъ искалъ
 Въ безумьѣ — близость идеала;
 Всѣ мысли черныя, дѣла
 Блестящимъ свѣтомъ заливала
 Его софизмовъ похвала.
 Они мгновенно ослѣпляли,
 Какъ блескъ отъ солнечныхъ лучей,
 Такъ что нерѣдко изъ очей
 Потоконъ слезы выбѣгали,
 И переполненная грудь
 Въ слезахъ хотѣла отдохнуть.

LXXVIII.

Въ любви онъ весь сгараль отъ страсти.
 (Такъ молнія мгновенно жгла,
 Колола дерево на части).
 Хотя любовь его влекла,
 Но не къ живымъ, прекраснымъ жонамъ:
 Онъ хладенъ былъ къ ихъ красотѣ,
 Не къ мертвымъ, смертью пораженнымъ,
 Ожившимъ вновь въ его мечтѣ;
 Но въ красотѣ своей печальной,
 Воображеньемъ создана,
 Предъ нимъ являлася жена,
 Какъ образъ чисто идеальный,
 И много жгучихъ ей страницъ
 Онъ посвятилъ, упавши ницъ.

LXXIX.

То чувство — Юліи прелестной
 Родило образъ, и оно жъ
 Дало намъ поцалуй извѣстный,¹¹
 Губъ лихорадочную дрожь,
 Когда онъ бѣшенымъ движеньемъ
 Лобзанью дружбы отвѣчалъ,
 Спаленъ ея прикосновеньемъ,
 И бѣдный мозгъ его пылалъ.
 Да, въ чувствѣ томъ есть упоенье
 И много сладостныхъ минутъ,
 Въ которыхъ вѣрно не найдутъ
 Высокой страсти наслажденье
 Любовники позднѣйшихъ лѣтъ:
 Въ такой любви имъ счастья нѣтъ.

LXXX.

Вся жизнь Руссо была борьбою
 Лишь съ тѣми, кто его любилъ;
 Не въ силахъ властвовать собою,
 Друзей онъ злобно поносилъ;
 Онъ къ нимъ жестокъ былъ, но едва ли
 Поймемъ мы — отчего былъ онъ
 Неистовъ такъ и озлобленъ.
 Недугъ ли это? слѣдъ печали?
 Но онъ безумствовалъ тогда,
 Порывомъ гнѣва увлекался,
 И въ тѣ минуты иногда
 Его разумокъ затемнялся,
 Но и въ безуміи самомъ
 Онъ поражалъ своимъ умомъ.

LXXXI.

Онъ доходилъ до вдохновенья
 И чуднымъ словомъ былъ великъ.
 Такъ древній Пифіи языкъ
 Миръ доводилъ до разрушенья.
 А Франція! среди оковъ,
 Давно ль въ пыли она лежала
 Подъ тиранніею вѣковъ?
 Давно ль подъ игомъ трепетала?
 Но вотъ Руссо заговорилъ —
 И искра пламенемъ раздулась,
 Возстали тѣни изъ могилъ
 И въ гнѣвѣ Франція проснулась:
 Родной странѣ въ проводники
 Пошли Руссо ученики.

LXXXII.

Они-то памятникъ сложили,
 Изъ предразсудковъ долгихъ лѣтъ,
 Кулисы дряхлыя сломили —
 И много лжи увидѣлъ свѣтъ.
 Но вмѣстѣ съ зломъ уничтожались
 Зачатки прежняго добра:
 Однѣ развалины остались
 Обломковъ пыльная гора.
 На нихъ опять такія жь зданья
 Росли, какъ нѣкогда изъ тьмы...
 Опять безправье, гнѣтъ тюрьмы
 И воскрешенное преданье,
 Опять цѣпей позорный звонъ,
 А честолюбецъ все силѣнъ.

LXXXIII.

Но долго ль будетъ то терпимо?
 Ужь силы чувствуетъ въ себѣ
 Народъ. Пусть онъ неутомимо
 Дрался и тратилъ ихъ въ борьбѣ,
 Пусть вѣкъ прошолъ въ безплодной вѣрѣ,
 Но обвинимъ ли мы народъ,
 Который тихо росъ въ пещерѣ
 И зналъ одинъ тяжелый гнѣтъ?
 Но если выростутъ орлята,
 Свободу съ дѣтства оцѣни,
 На волѣ, при сіяньи дня,
 Цѣпей не зная — вотъ тогда-то
 Никто ужь ихъ не закуётъ!..
 Не станемъ же винить народъ!

LXXXIV.

Слѣды глубокихъ ранъ на тѣлѣ
 Всегда останутся; сердца,
 Хотя бы скорбь мы скрыть хотѣли,
 Болятъ, терзаясь до конца.
 Кому надежды измѣнили.
 И обманули, тѣ молчатъ,
 Но месть въ груди своей таятъ.
 Настанетъ часъ — и въ новой силѣ
 Зажжется гнѣвъ ихъ... судъ придетъ —
 Заплатитъ онъ за всѣ невзгоды!
 Такъ не печалься же народъ
 И жди: всегда приходятъ годы
 Разчета: не минуетъ насъ
 Награды или мщенья часъ.

LXXXV.

Ты, Леманъ, не похожъ ни мало
 На дикій свѣтъ, гдѣ я живу.
 Твое величье привлекало
 Меня къ себѣ. Я поплыву,
 Чтобъ убѣжать тоски бессонной,
 Чтобъ волю дать своимъ мечтамъ,
 На этой лодкѣ окрыленной,
 По этимъ ласковымъ волнамъ.
 Любилъ я прежде моря ропотъ,
 Но ближе я къ твоей волнѣ,
 Въ ея журчаньѣ слышенъ мнѣ
 Какъ бы сестры любовный шопотъ,
 Которая журитъ меня,
 Что я печальнѣй день отъ дня.

LXXXVI.

Всплываетъ ночь! Туманъ прозрачный
 Подернулъ берегъ, выси горь...
 Одну Юру, какъ призракъ мрачный,
 Едва-едва уловить взоръ.
 Чѣмъ ближе къ берегу по скатамъ
 Идешь, тѣмъ глуше тишина,
 Тѣмъ обаятельнѣй весна
 Съ ея цвѣтами, съ ароматомъ...
 Чу! вотъ до слуха долетѣлъ
 Звукъ по волнамъ скользившихъ весель...
 Кузнечикъ въ зелени запѣлъ
 И трели звонкія разбросилъ:
 Онъ предъ своимъ весеннимъ сномъ
 Прощался ночью съ яснымъ днѣмъ.

LXXXVII.

Пѣвецъ ночей! — сильна привычка —
 Ты вѣчно юнъ и не молчишь...
 Порой, въ кустахъ засвищетъ птичка
 И вдругъ замолкнетъ. Всюду тишь!..
 Лишь чей-то шопотъ пролетаетъ,
 Но то обманъ полночныхъ грезъ...
 На зелени росинки слезъ
 Благоухая проступаютъ,
 И землю влагою поятъ
 Росы серебряныя зерна,
 И ихъ цѣлебный ароматъ
 Земля глотаетъ благотворно
 И распускаетъ вновь цвѣты
 Въ сіяньи вешней красоты.

LXXXVIII.

О звѣзды! вы царп' ээира!
 У насъ у всѣхъ желанье есть
 Въ сверканьи звѣздъ судьбину міра,
 Народовъ будущность прочесть.
 И хочеть мысль необычайно
 Взлетѣть до вашей высоты,
 Вы — неразгаданная тайна!
 Вы — лучъ небесной красоты!
 И такъ васъ люди обожаютъ,
 Что власти, счастью и уму,
 Всему высокому, всему
 Эмблемой васъ изображаютъ.
 И люди вѣрили всегда,
 Что есть у нихъ своя звѣзда.

LXXXIX.

Земля и небо молчаливы,
 Чуть дышать, но еще не спать.
 Такъ, затаивъ свои порывы,
 Глядимъ и мы. Они молчатъ,
 Какъ мы въ минуту размышленья...
 Все жизнью вѣетъ: группы горъ,
 Водъ убаюканныхъ просторъ...
 Ни одного нѣтъ дуновенья,
 Луча иль лишняго листка,
 Гдѣ бъ жизнь природы не сказалась,
 Гдѣ съ стебля каждаго цвѣтка
 Одно бы имя не шепталось,
 Не повторялось безъ конца:
 То — имя Вѣчнаго Творца.

ХС.

Насъ безпредѣльность обнимаетъ.
 Тутъ человекъ, хоть одинокъ,
 Но, не *одинъ*: тутъ онъ встрѣчаетъ
 Ту истину, съ которой могъ
 Стать выше личнаго сознанья;
 То — звукъ, который уяснить
 Святую тайну мірозданья
 И наслажденіе дарить,
 И, словно поясомъ Цитеры,
 Насъ обнимаетъ красота...
 Предъ этимъ звукомъ смерть — и та
 Въ себѣ забыла бъ злость Мегеры,
 И разлетѣлась бы, какъ дымъ,
 Обезоруженная имъ.

ХСІ.

Не даромъ персы воздвигали
 Алтарь для истины межъ скалъ,
 Но храмъ стѣнами не стѣсняли,
 Какъ человекъ потомъ стѣснялъ.
 Богамъ построивъ алтари тѣ,
 Безумцы, станьте и сравните
 Ничтожный рядъ своихъ божницъ
 И алтарей, склоненныхъ ницъ,
 Вотъ съ тѣми храмами природы,
 Гдѣ только воздухъ и гранить,
 Гдѣ оиміама не стѣснить
 Ни арка душная, ни своды.
 О вы, безумцы! пусть же вамъ
 Урокомъ будетъ этотъ храмъ!

ХСІІ.

Видъ ночи быстро измѣнился.
 Темно; гроза реветъ межъ горъ,
 И въ блескѣ молній отразился
 Горячій, пылкій, женскій взоръ.
 Вотъ по вершинамъ слышенъ грохотъ,
 Проснулась каждая гора.
 Хохоchetъ громъ; на этотъ хохотъ
 Спѣшитъ откликнуться Юра
 Подъ бѣлымъ облачнымъ покровомъ
 И, повторяя перекалъ,
 Отвѣтитъ Альпы ей спѣшать
 Подобнымъ откликомъ суровымъ,
 И все: долины, цѣпи горъ
 Вступили въ общій разговоръ.

ХСІІІ.

И это ночью! Не дана ты
 Для сна, плѣнительная ночь!
 Позволь ловить твои раскаты,
 Съ тобою слиться!.. Сонъ мой, прочь!..
 Вотъ волны вспыхнули при блескѣ,
 Дождь крупный сначетъ по землѣ,
 А пѣсни горъ все такъ же рѣзки,
 Громъ разсыпается во мглѣ,
 Какъ гулъ неистоваго смѣха,
 И пробѣгаетъ по холмамъ,
 То раздается здѣсь, то тамъ,
 И словно радуется эхо,
 Какъ-будто бы оно съ высотъ
 Землетрясеніе ведётъ.

XCIV.

Межь двухъ утесовъ Рона вьется.
 Какъ два любовника, они,
 Поссорившись въ нныя дни,
 Стоять, и имъ не доведется
 Пучину снова переплыть.
 Сердца ихъ, полны озлобленья,
 Умѣли нѣкогда любить,
 Но ихъ разбило оскорбленье —
 И разошлись они. Любовь
 Теперь ихъ больше не смущала,
 Не шевелила сердца вновь
 И лишь въ наслѣдство завѣщала
 Бой съ одиночествомъ своимъ,
 Да рядъ холодныхъ, вѣчныхъ зимъ.

XCV.

Итакъ, гдѣ Рона пролагала
 Себѣ дорогу, въ мѣстѣ томъ
 Нерѣдко буря завывала
 И по утесамъ мчался громъ,
 Окрестность блескомъ заливая;
 И онъ сильнѣе грохоталъ,
 Изъ тучи стрѣлы разсыпая,
 Межь двухъ разъединенныхъ скалъ.
 Являясь здѣсь, онъ понялъ словно,
 Что тѣ печальныя мѣста,
 Гдѣ жизнь смѣнила пустота,
 Онъ долженъ съечь теперь любовно,
 Слѣды прошедшаго стереть
 И стрѣлъ громовыхъ не жалѣть.

XCVI.

О небо, рѣки и озёра!
 Вы, молніи и бури скаль!
 Васъ сердцемъ оцѣнилъ я скоро:
 Достойны вы, чтобъ я не спалъ,
 Внимая вамъ! Вашъ грохотъ странный,
 И эти бури въ вышинѣ
 Есть только откликъ постоянный
 Того, что не заснетъ во мнѣ.
 Куда жъ вы, бури, мчитесь? Или
 Вы тѣ же, что въ людской груди?
 Живутъ всегда? иль вы открыли
 Себѣ приюты, какъ орлы,
 Въ вѣнцѣ заоблачной скалы?

XCVII.

О! еслибъ могъ я вылить звукомъ
 Все сокровенное во мнѣ,
 Дать выраженье думамъ, мукамъ —
 Всему, что есть въ душѣ, въ умѣ,
 Всѣмъ снамъ, сомнѣніямъ суровымъ,
 Всю силу знаній, страсти жаръ
 Могъ передать единымъ словомъ —
 Тò былъ бы громовой ударъ.
 Но такъ какъ это лишь возможно
 Въ минутномъ спѣ — не на яву,
 То я умру, какъ и живу,
 Съ своими думами, ничтожно,
 И спрячу ихъ, забывши сны,
 Какъ бесполезный мечъ въ ножны.

ХСVIII.

Вотъ снова утро наступаетъ
 И зарумянилось слегка;
 Его улыбка прогоняетъ
 Съ небесъ туманъ и облака.
 Въ немъ столько счастья и силы,
 Бакъ-будто на землѣ у насъ
 Ужъ не единой нѣтъ могилы.
 Но вотъ и день; приходитъ часъ
 Намъ всѣмъ въ дорогу собираться.
 О Леманъ! можетъ быть и мнѣ
 Ты дашь забвенье въ тишинѣ,
 Гдѣ бъ сталъ я молча удивляться
 Всему, что вижу предъ собой,
 Мира съ злосчастною судьбой.

ХСIX.

Кларансъ! пріютъ любви священной!
 Твой воздухъ ею напоенъ,
 Твой снѣгъ, на скалахъ неизмѣнный,
 Ея румянцемъ позлащенъ,
 И солнце розовыя краски
 Ему приносить съ высоты
 На всемъ печать любовной ласки...
 Горъ неизмѣнные хребты
 Здѣсь о любви напоминаютъ:
 Сюда ушла она отъ бѣдъ,
 Отъ жгучей боли тяжкихъ лѣтъ,
 И на свободѣ отдыхаетъ,
 И ужъ не вѣдаетъ теперь
 Заботъ, сомнѣній и потерь.

С.

Кларансъ! ты прежде попирался
 Стопами тѣхъ безсмертныхъ ногъ!
 Тамъ, межъ утесовъ возвышался
 Богини тронъ — и жилъ тамъ богъ.
 Есгь жизнь и свѣтъ такой, которымъ
 Ни въ чемъ нигдѣ преграды нѣтъ :
 Такъ былъ божественный тотъ слѣдъ
 Замѣтенъ всюду: по озерамъ,
 По горнымъ высямъ, по лѣсамъ
 Его дыханіе спускалось
 Къ душистымъ травамъ и цвѣтамъ,
 И въ немъ одномъ соединялось
 Благоуханье нѣжныхъ розъ
 И сила страшныхъ; вешнихъ грозъ.

СІ.

Все говорить кругомъ о богѣ :
 Тамъ ель подъ тѣнь его манить,
 Склонились лозы по дорогѣ,
 Ручей серебряный шумить;
 Тамъ бога воды восхваляютъ,
 Боготворить его потокъ
 И струйки съ шопотомъ лобзаютъ
 Слѣды его безсмертныхъ ногъ.
 Тамъ лѣсъ съ столѣтними стволами,
 Но въ свѣжей зелени дремалъ
 И отдохнуть его онъ звалъ
 Подъ изумрудными вѣтвями,
 Гдѣ бѣ, возлежа, мѣстъ этихъ богъ
 Былъ счастливъ, хоть и одинокъ.

СII.

Тамъ пчелы, бабочки и птицы,
 Невинно крылья распустивъ,
 Поютъ ему, лишь лучъ денницы
 Озолотитъ приволье нивъ.
 Ихъ пѣсни — слаще самой славы...
 Тамъ звучно ропщеть водопадъ,
 Шумять зеленыя дубравы;
 Тамъ почки алая твердятъ
 О красотѣ природы вѣчной
 И славятъ чудную весну...
 Все составляетъ мысль одну
 Въ картинѣ этой безконечной,
 Одну гармонію чудесь
 Земли цвѣтущей и небесь.

СIII.

Кто не любилъ — тотъ здѣсь узнаеть,
 Что значитъ сильная любовь,
 А кто то чувство понимаетъ —
 Еще сильнѣй полюбить вновь.
 Да, здѣсь любовь нашла жилище,
 Забыла свѣта пустоту,
 Его волненья, суету
 И вновь, блистательнѣй и чище,
 Сюда явилась. Да, она
 Идетъ впередъ иль умираеть,
 Падеть на вѣки, иль сильна,
 Блаженства жизни достигаетъ:
 Блаженство это я бь сравнилъ
 Съ однимъ безсмертіемъ свѣтилъ.

CIV.

Руссо не даромъ мѣсто это
 Всѣмъ, что любилъ онъ, населилъ;
 Для страстныхъ помысловъ поэта
 Тотъ уголокъ не даромъ милъ.
 Его мечты, не успокоясь,
 Искали здѣсь свой идеаль,
 Здѣсь мѣсто, гдѣ Психеи поясъ
 Амуръ съ любовью развязалъ;
 Здѣсь жизнь и ярче, и моложе,
 И улыбалась, и цвѣла;
 Здѣсь Рона для себя нашла
 Успокоительное ложе,
 И Альпы — гордость тѣхъ сторонъ —
 Здѣсь для себя воздвигли тронъ.

CV.

Ферней и милая Лозанна!
 Вы стали гордостью земли
 Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ два титана
 Здѣсь звали славу и нашли.¹²
 Великіе то были люди!
 Сломивъ преданья — хламъ вѣковъ,
 Они прошлись по этой грудѣ,
 И каждый былъ изъ нихъ готовъ
 Идти на бой съ самою судьбою,
 Съ небесъ огонь и громъ созвать,
 Когда бы вызовъ тотъ принять
 Рѣшилось небо предъ борьбою
 И не смѣялось издали
 Надъ этой дерзостью земли.

CVI.

Одинъ изъ нихъ -- непостояненъ,
 Какъ вѣтеръ... былъ, хотъ былъ мудрецъ,
 То весель онъ, то дикъ и страненъ...
 Шалунъ, философъ и пѣвецъ,
 Протей таланта, онъ не мало
 Дивилъ людей, но больше ихъ
 Его насмѣшки острой жало
 Всегда казнило въ шуткахъ злыхъ.
 Насмѣшки той — ужасна сила:
 Онъ съ ней повсюду проникалъ
 И эпиграммой поражалъ
 То тупоумнаго зоиля,
 То убивалъ ей пошляка,
 То тронъ покачивалъ слегка.

CVII.

Другой — глубокъ, сосредоточенъ,
 Въ науку умъ свой погружалъ
 И, дѣломъ правды озабоченъ,
 Сарказмъ оружіемъ избралъ.
 Онъ — царь прони, и ею
 Казнилъ онъ пошлую пдею,
 Дразнилъ враговъ, какъ гордый левъ,
 И росъ въ врагахъ безумный гнѣвъ;
 Они отъ страха трепетали,
 Предвидя близкій свой конецъ
 И муки ада, наконецъ,
 Ему въ грядущемъ назначали,
 Какъ-будто тѣмъ отвѣтомъ онъ
 Могъ быть взволнованъ и смущонъ.

CVIII.

Миръ праху ихъ! Мы не осудимъ
 Ошибокъ ихъ: они давно
 За нихъ отвѣтили. Не будемъ
 Судить ихъ дѣло: все равно —
 Наступитъ часъ, когда не станетъ
 Ужь въ мірѣ тайны ни одной,
 Иль страхъ съ надеждой вмѣстѣ канетъ,
 Заснетъ подъ общей пеленой.
 Но мы тогда ужь будемъ пылью,
 Мы станемъ тупо догнивать;
 Когда жь воскреснемъ мы опять —
 Всѣ по послѣдному усилю,
 То для того лишь, чтобъ страдать
 И прошлый грѣхъ свой пскуплять.

CIX.

Но вновь я отъ людскихъ созданій
 Къ созданьямъ Бога перейду,
 И кончу рядъ моихъ мечтаній
 Ужь очень длинныхъ... Я иду.
 Сбѣжались тучи къ Альпамъ бѣлымъ,
 Но долженъ я ихъ разорвать,
 Чтобъ могъ еще я взоромъ смѣлымъ
 Съ горы весь край обозрѣвать;
 Чтобъ видѣлъ этотъ взоръ бессонный
 Съ вѣнца возвышенной скалы —
 Какъ въ поздній часъ полночной мглы
 Бесѣдуютъ съ землей влюбленной,
 При шопотѣ воздушныхъ силъ,
 Плеяды искристыхъ свѣтилъ.

СХ.

Италія! Твоя арена
 Стоитъ, въ вѣкахъ озарена,
 И оживаетъ старина:
 Тамъ пали стрѣлы Кароагена,
 Тамъ говорили мудрецы,
 О нихъ молва съ двойною силой
 Давно прошла во всѣ концы.
 Была тамъ треномъ и могилой
 Для гусударствъ. Тотъ быстрый ключъ,
 Что жажду знаній утоляетъ,
 Все такъ же, весель и могучъ,
 Съ холмовъ тѣхъ самыхъ же сбѣгаетъ,
 Гдѣ и теперь несокрушимъ
 Стоитъ великій, вѣчный Римъ.

СХІ.

Я далеко зашелъ въ поэмѣ,
 Пришолъ къ сознанію, что мы
 На свѣтъ явились не тѣми,
 Чѣмъ быть должны; что льдомъ зимы
 Должны сковать души движенья,
 Въ самихъ себѣ давить любовь,
 Печали, радости, волненья,
 Негодованье — все, что кровь
 Мутитъ порою въ нашихъ жилахъ,
 Безъ упованій впереди
 Должны сокрыть въ своей груди,
 Какъ въ темныхъ, сумрачныхъ могилахъ...
 Шагъ сдѣланъ былъ — и мнѣ съ пути
 Теперь нельзя уже сойти.

СХІІ.

А вы, стиховъ капризныхъ звуки,
Вы позволяли только мнѣ
Лишь простирать на встрѣчу руки
Къ видѣньямъ чуднымъ въ тишинѣ,
Затѣмъ, чтобъ свѣтлыя видѣнья
И ихъ таинственная рѣчь,
Хотя бы на одно мгновенье
Могли тоску мою развлечь...
Пусть слава юношей плѣняетъ;
Мнѣ приговоромъ не была
Людская брань иль похвала:
Она меня не достигаетъ.
Своихъ волненій властелинъ,
Я въ мірѣ жилъ всегда одинъ.

СХІІІ.

Мнѣ свѣтъ чужой и чуждъ я свѣту.
Его кумирамъ я не льстилъ,
Колѣнъ предъ ними не склонилъ,
Не улыбался по завѣту,
Не гнулся въ обществѣ въ кольцо
И не умѣлъ быть общимъ эхомъ,
Не оскорблялъ свое лицо
Притворной радостью иль смѣхомъ.
Въ толпѣ нерѣдко я бродилъ,
Но постороннимъ гостемъ былъ,
Иною думой проникался...
Такимъ бы я теперь остался,
Когда бъ души своей въ борьбѣ
Не подчинялъ самой себѣ.

СХІV.

Мнѣ свѣтъ чужой и чуждѣ я свѣту,
 Но все жь хочу разстаться съ нимъ
 Какъ добрый другъ. Не все жь въ немъ дымъ?
 Въ себѣ храню надежду эту,
 Что есть въ немъ славныя дѣла
 И добродѣтели движенья,
 Что средь ликующаго зла
 Живетъ къ несчастнымъ сожалѣнье,
 Что есть въ немъ человѣка два,
 Которымъ скучно лицѣмѣрить,
 И въ нихъ не все одни слова...
 Хочу хоть разъ тому повѣрить,
 Что возбуждаетъ слѣзы стонъ,
 Что счастье на землѣ — не сонъ.

СХV.

О, дочь моя! тебѣ я, Ада,
 Начало пѣсни посвятилъ
 И тѣмъ же кончить пѣсню надо...
 Тебя не вижу я, но былъ
 Всегда проникнуть я тобою,
 Ты — тѣнь моихъ грядущихъ дней...
 И если навсегда судьбою
 Я взять отъ дочери моей,
 То голосъ мой, все съ той же силой,
 Услышишь ты въ невинномъ снѣ;
 Хотя бы смерть пришла ко мнѣ —
 Любить я стану за могилой:
 Услышишь ты привѣтъ отца,
 Хоть смерть коснулась бы лица.

СХVI.

Слѣдить, какъ пышно расцвѣтаешь,
 Какъ развивается твой умъ,
 Какъ ты, робѣя, въ свѣтъ вступаешь,
 (Тебѣ такъ чуденъ свѣта шумъ!)
 Ловить порывъ твоихъ движеній,
 Лобзать румянецъ дѣтскихъ щокъ —
 Мнѣ не дано тѣхъ наслажденій,
 Я ихъ лишень, хотя бы могъ,
 Передъ тобой благоговѣя,
 Отдать тебѣ остатокъ дней,
 Священной ласкою своей
 Твое младенчество лелѣя.
 Мнѣ эта доля не дана,
 Но къ ней привязанность сильна.

СХVII.

О! если бы тебѣ велѣли
 Къ отцу лишь ненависть питать —
 Меня любила бь ты? Скрывать
 Мое бы имя захотѣли,
 Какъ имя стертое съ земли,
 Какъ вопль отчаянный изъ ада —
 Меня любила бы ты, Ада!
 И если бь даже погребли
 Меня въ могилѣ и старались
 Взять у тебя всю кровь отца —
 Напрасный трудъ! ты бь до конца
 Меня любила, и остались,
 Хотя бы мимо шли года,
 Въ тебѣ тѣ чувства навсегда.

СХVIII.

Дитя любви моей! Была ты
Среди мученій вскормлена.
Стихіи наши — лишь утраты;
Какъ я, ты ихъ нести должна,
Тебя онѣ же окружають...
Но твой яснѣе небосклонъ,
Тебя дни счастья ожидаютъ:
Пусть будетъ тихъ твой дѣтскій сонъ!
И въ это самое мгновенье,
Съ вершинъ, гдѣ я теперь брожу,
Я за тобой въ мечтахъ слѣжу
И шлю тебѣ благословенье,
А ты привѣтами любви
Меня сама благослови.

ДЖОНУ ГОБГОУЗУ, ЭСКВАЙРУ.

Венеція, 2-го января 1818 года.

Любезный Гобгоузъ!

Спустя восемь лѣтъ, прошедшихъ между сочиненіемъ первой и послѣдней пѣсней «Чайльдъ-Гарольда», окончаніе поэмы является теперь передъ публикой. Разставаясь съ такимъ старымъ другомъ, не удивительно, что я обращаюсь къ другу еще болѣе старому и достойному, видѣвшему рожденіе и конецъ перваго, и которому я болѣе обязанъ за его просвѣщенную дружбу, чѣмъ теперь или когда-либо могу быть обязанъ «Чайльдъ-Гарольду» за вниманіе публики, оказанное автору, къ тому, кого я зналъ такъ долго и сопровождалъ такъ далеко, кто ходилъ за мной въ болѣзни, сочувствовалъ моему горю, радовался моей радости, поддерживалъ меня въ несчастьи, былъ правдивъ въ совѣтѣ и вѣренъ въ опасности — къ вамъ.

Дѣлая это, я отъ вымысла перехожу къ истинѣ и, посвящая вамъ, въ полномъ или, по крайней-мѣрѣ, оконченномъ видѣ, самое длинное, обдуманное и понятное изъ моихъ произведеній, хочу сдѣлать честь самому себѣ, упоминая о

многихъ годахъ короткаго знакомства съ такимъ ученымъ, талантливымъ, твердымъ и честнымъ человѣкомъ. Не въ нашихъ правилахъ льстить другъ другу; но искренняя похвала всегда позволена дружбѣ, — и если я упоминаю о вашихъ достоинствахъ или, скорѣй, объ услугахъ, которыя они мнѣ оказали, то я дѣлаю это не для васъ, и даже не для другихъ, но чтобы облегчить сердце, не довольно привыкшее встрѣчать сочувствіе, особенно въ послѣднее время, чтобы не быть имъ глубоко потрясеннымъ. Даже этотъ день, въ который я пишу вамъ, памятный для меня, какъ самый несчастный день *) моей прошедшей жизни, но который не можетъ отравить мое будущее, пока я сохраняю вашу дружбу и свои способности, теперь будетъ для насъ обоихъ соединенъ съ болѣе приятнымъ воспоминаніемъ: онъ будетъ напоминать намъ попытку высказать мою благодарность за то постоянное вниманіе, какое рѣдко кому приходится встрѣтить, и разъ встрѣченное не можетъ не дать ему лучшаго понятія о ближнихъ и о себѣ.

Намъ посчастливилось путешествовать, въ разное время, вмѣстѣ въ странахъ рыцарства, исторіи и басни — Испаніи, Греціи, Малой Азіи и Италіи, и что прежде были для насъ Аѳины и Константинополь, то были недавно Венеція и Римъ. Поэма, или странникъ, или оба вмѣстѣ, также сопровождали меня повсюду, и тщеславіе,

*) 2-е января — день свадьбы Байрона.

можетъ быть довольно извинительное, заставляетъ меня съ удовольствіемъ думать о сочиненіи, соединяющемъ меня въ нѣкоторой степени съ мѣстомъ, гдѣ оно написано, и съ предметами, которыя оно старалось изобразить. Какъ бы оно ни казалось недостойно этихъ чудныхъ и прославленныхъ мѣстъ, какъ бы ни было ниже идеаловъ, созданныхъ нашимъ воображеніемъ издали, и впечатлѣній, испытанныхъ нами на мѣстѣ, но, какъ дань уваженія къ тому, что достойно уваженія, и какъ дань сочувствія ко всему славному, воспроизведеніе его было для меня источникомъ наслажденія, и я расстаюсь съ нимъ съ сожалѣніемъ: не думалъ я, чтобы событія оставили мнѣ его для предметовъ воображенія.

Что же касается послѣдней пѣсни, то въ ней еще менѣе говорится о странникѣ, чѣмъ въ предъидущихъ, и то немногое мало или почти вовсе не отдѣлено отъ автора, говорящаго отъ своего имени. Дѣло въ томъ, что мнѣ надоѣло проводить между ними черту, которую всѣ рѣшились не видѣть. Такъ битайца, въ сочиненіи Гольдсмита «Гражданинъ Свѣта», никто не хотѣлъ признавать за китайца. Напрасно я увѣрялъ и воображалъ, что вывелъ различіе между авторомъ и странникомъ. Самая забота о сохраненіи этого различія и досада на бесполезность всѣхъ увѣреній уничтожали всѣ мои усилія, такъ-что я рѣшился совершенно отъ этого отказаться. Я такъ и сдѣлалъ. Какое бы мнѣніе ни было или ни будетъ составлено на этотъ

счетъ — для меня все равно. Сочиненіе должно говорить само за себя. Авторъ, который не имѣеть другихъ достоинствъ, кромѣ репутацій преходящей или долговременной, преобрѣтенной его литературными трудами, достоинъ обыкновенной участи авторовъ.

Въ предлагаемой здѣсь пѣснѣ я хотѣлъ или въ текстѣ, или въ примѣчаніяхъ коснуться состоянія современной литературы и даже нравовъ итальянцевъ; но я скоро увидѣлъ, что текстъ въ объемѣ, предполагаемомъ мною, былъ едва достаточенъ для лабиринта внѣшнихъ предметовъ и относящихся къ нимъ размышлений. Что же касается примѣчаній, то, за исключеніемъ самыхъ короткихъ, я обязанъ ими вамъ, и они по необходимости ограничиваются поясненіемъ текста.

Къ тому же, это очень щекотливое и неблагодарное занятіе — разсуждать о литературѣ и нравахъ такого разнохарактернаго народа и требуетъ большого вниманія и безпристрастія. Все это побуждаетъ меня — хотя довольно внимательнаго наблюдателя и не незнакомаго съ языкомъ и обычаями народа, между которымъ я жилъ послѣднее время — не слишкомъ довѣрять своимъ приговорамъ, или, по-крайней-мѣрѣ, пообождать съ ними и ближе разсмотрѣть свои свѣдѣнія.

Литературныя и политическія партіи возбуждены до такой степени, что иностранцу почти невозможно быть безпристрастнымъ. Довольно будетъ для моей цѣли сдѣлать выписку на ихъ

собственномъ прекрасномъ языкѣ: «Mi pare che in un paese tutto poetico, che vanta la lingua la più nobile ed insieme la più dolce, tutte le vie diverse si possono tentare, e che sinche la patria di Alfieri e di Monti non ha perduto l'antico valore, in tutte essa dovrebbe essere la prima». Италия имѣетъ еще великія имена — Канова, Монти, Уго Фосколо, Пиндемонте, Висконти, Морелли, Чиконьяра, Альбрицци, Меццофанти, Манн, Мустоксиди, Альетти и Вакка доставятъ современному поколѣнію почетное мѣсто почти во всѣхъ отрасляхъ искусствъ, науки и словесности, а въ нѣкоторыхъ и первое — Европа, какъ и цѣлый міръ, имѣетъ одного Канову.

Альфieri гдѣ-то сказалъ: «La pianta uomo nasce più robusta in Italia che in qualunque altra terra — e che gli stessi atroci delitti che vi si commettono ne sono una prova». Не соглашаясь съ послѣдней частью его предположенія, опасное ученіе котораго легко оспаривать уже по одному тому, что итальянцы насколько не свирѣпѣе своихъ сосѣдей, тѣмъ не менѣе надо быть умышленно-слѣпымъ или невежественно невнимательнымъ, чтобы не быть пораженнымъ необыкновенными способностями этого народа, легкостью, съ какою они приобрѣтаютъ познанія, быстротою ихъ соображенія, огнемъ ихъ генія, сочувствіемъ ко всему прекрасному и — несмотря на всѣ невыгоды повторенныхъ революцій и опустошительныхъ войнъ — ихъ неутомимую *жаждой безсмертія* — безсмертія независимости. Когда, объѣзжая стѣ-

ны Рима, мы слышали какъ пѣлъ хоръ рабочихъ свою простую жалобу: Roma! Roma! Roma! Roma non è più come era prima! — трудно было не сравнить этой меланхолической, жалобной пѣсни съ вакхическими кликами торжествующихъ пѣсенъ, которыя до-сихъ-поръ раздаются въ лондонскихъ тавернахъ въ честь ватерлооской рѣзни и тѣхъ людей, измѣнившихъ Генуѣ, Италиі, Франціи, всему свѣту, поведеніе которыхъ вы описали въ сочиненіи, достойномъ лучшихъ дней нашей исторіи. Что меня касается, то

«Non movero mai corda

Ove la turba di sue ciance assorda.»

Что выиграла Италия послѣднею передачею народовъ — вопросъ совершенно бесполезный для англичанъ, пока не сдѣлается извѣстнымъ: приобрѣла ли сама Англія что-нибудь болѣе постоянной арміи и прекращенія Habeas Corpus; пусть лучше посмотрятъ, что дѣлается у нихъ дома. За то же, что они сдѣлали за границей и, въ особенности, на югѣ, «они воистину получаютъ свою награду», и время это не далеко.

Желая вамъ, любезный Гобгоузъ, счастливаго и пріятнаго возвращенія въ страну, благополучіе которой никому такъ не дорого, какъ вамъ, посвящаю вамъ эту поэму въ ея законченномъ видѣ и повторяю еще разъ, какъ искренно я остаюсь на всегда

вамъ благодарный и преданный другъ

Байронъ.

ПѢСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Visto ho Toscana, Lombardia, Romagna,
Quel Monte che divide, e quel che serfa
Italia, e un mare e l'altro che la bagna.
Ariosto, Satira III.

I.

Я былъ въ Венеціи. Стояли
Передо мной тюрьма... дворець...¹
И словно зданья выплывали
Изъ темныхъ водъ. Здѣсь свой вѣнецъ
Тысячалѣтье величаво
Въ наслѣдство завѣщало намъ,
Здѣсь умирающая слава
Улыбку шлетъ тѣмъ временамъ,
Когда всѣ націи несмѣло
Смотрѣли съ трепетомъ кругомъ
На тѣ дворцы съ крылатымъ львомъ,
Когда Венеція сидѣла
Царицей сотни острововъ,
Гдѣ царскій тронъ ей былъ готовъ.

II.

Она являлася Сибелой
 Съ тiарою среди кудрей,
 Съ осанкой царскою и смѣлой,
 Богиней гордою морей.
 Всѣхъ дочерей ея приданымъ
 Востокъ богатый награждалъ
 И перлы ей дождемъ неожиданнымъ
 Онъ на колѣни высыпалъ.
 Она подъ пурпуромъ блистала,
 Дивила роскошью весь мiръ;
 Она къ себѣ на пышный пиръ
 Не разъ монарховъ созывала
 И каждый царь, какъ самъ народъ,
 Всегда цѣнилъ такой почетъ.

III.

Тамъ нынчѣ смолкли пѣсни Тасса,²
 Нѣмъ гондольеръ и нѣтъ пѣвцовъ;
 Кругомъ руинъ забытыхъ масса —
 Слѣды разрушенныхъ дворцовъ.
 Ихъ вѣкъ прошелъ, но и до нынѣ
 Тамъ красота еще живетъ...
 Да, гибнуть царства и святыни,
 Искусство гаснетъ — не умретъ
 Одна бессмертная природа.
 Венеція всегда была
 Ей дорогá; она слыла
 Веселымъ мѣстомъ для народа;
 Она для мiра — пышный балъ,
 Для итальянцевъ — карнавалъ.

IV.

Она до нынѣ чтима нами,
 Но не за славу прежнихъ лѣтъ
 Съ ея великими тѣнями;
 Не дорогъ намъ величья слѣдъ
 Среди тѣхъ стѣнъ, гдѣ жили дожи...
 Иной трофеей для насъ дороже.
 Какъ все, погибнуть онъ не могъ:
 Отелло, Пьеръ и жидъ Шейлокъ
 Уничтоженья не страшатся,
 Ихъ образъ вѣченъ и могучъ;
 Они — подъ сводомъ арки ключъ,
 И ими будетъ оживляться,
 Лишь ихъ присутствіемъ сильна,
 Та опустѣвшая страна.

V.

Созданья мысли — заслужили
 Свое безсмертье. Тѣни ихъ
 Своимъ сіяньемъ озарили
 Существованіе другихъ.
 Тамъ, гдѣ судьба намъ жизнь мутила
 Подъ гнетомъ рабства, смерти, зла,
 Тамъ геніальной мысли сила
 Мирить насъ съ жизнію могла.
 Все ненавидимое нами
 Она преслѣдуетъ, казнить,
 Сердца надеждою живить
 И населяетъ ихъ мечтами
 И насаждаетъ вновь цвѣты
 Среди сердечной пустоты.

VI.

Созданья мысли гениальной!
 Въ нихъ вѣрить юноша привыкъ
 И съ ними свой удѣлъ печальный
 Всегда бодрѣй несетъ старикъ.
 О, сколько пѣсенъ вдохновенье
 Родить въ часы уединенья!..
 Но и дѣйствительность, порой,
 Фантазію съ ея игрой
 Собою рѣзко затемняетъ.
 Есть образы — ихъ красоты
 Создать не могутъ и мечты,
 Воображенье ихъ не знаетъ
 И имъ подобный идеалъ
 Еще поэтъ не создавалъ.

VII.

Я видѣлъ прежде ихъ, во снѣ ли,
 Иль на яву — не знаю я.
 Они нежданно прилетѣли
 И сномъ исчезли отъ меня.
 Я ихъ теперь считаю снами,
 Я бѣ снова могъ, когда бѣ хотѣлъ,
 Смѣнить ихъ новыми мечтами,
 Рой новыхъ грѣзъ созвать умѣлъ,
 Но — Богъ ужь съ ними! Умъ холодный
 И отрезвѣвшій отъ потерь
 Привыкъ преслѣдовать теперь
 Мечты фантазіи свободной;
 Иныя думы въ немъ кипятъ,
 Иные образы манятъ.

VIII.

Въ странахъ чужихъ я былъ какъ дома,
Усвоилъ я чужой языкъ.
Умамъ свободнымъ незнакома
Тоска по родинѣ: привыкъ
Ее отъискивать я всюду;
А между тѣмъ я не забуду,
Что я родился въ той странѣ,
Которой можно бъ было мнѣ
Гордиться смѣло. Для чего же
Я бросилъ островъ, гдѣ найдутъ
Свобода, умъ себѣ пріютъ,
И, жизнь усталую тревожа,
Средь новыхъ странъ пошелъ опять
Отчизну новую искать?

IX.

Любилъ я родину, быть можетъ,
И если прахъ остывшій мой
Въ чужой землѣ въ могилу сложать,
Мой духъ вернется въ край родной,
Къ мѣстамъ знакомымъ и любимымъ;
Надѣюсь я: въ родной странѣ
На языкъ моемъ родимомъ
Потомки вспомнятъ обо мнѣ.
Но если я лишился права
Участья ждать отъ земляковъ,
И если жребій мой таковъ,
И если такъ минутна слава
Небаловавшая меня,
И если счастье, измѣня,

X.

Не дастъ мнѣ мѣста въ славномъ храмѣ,
 Гдѣ чтить народъ своихъ пѣвцовъ,
 То пусть вѣнчаетъ онъ вѣнками
 Чело достойныхъ мертвецовъ,
 Ко мнѣ жъ слова примѣнить эти,
 Что «въ славной Спартѣ были дѣти
 Его достойнѣй»...³ Никакой
 Не надо мнѣ любви людской!..
 Всѣ тѣ шипы, что я собираю,
 Я самъ взлелѣялъ и взростилъ,
 И тихо кровью истекаю.
 Понять я долженъ былъ впередъ:
 Каковъ посѣвъ — таковъ и плодъ.

XI.

Теперь оплакала супруга
 Ты Адриатика — вдова;
 Бракъ ежегодный — праздникъ юга —
 Не повторяется. Хоть льва
 Святого Марка и донинѣ
 На площади встрѣчаетъ взоръ,⁴
 Но онъ стоитъ ужъ безъ гордыни,
 Какъ-бы понявши свой позоръ
 Въ мѣстахъ, гдѣ прежде унижались
 Владыки гордые земли,
 Монархи съ завистию шли
 И предъ Венеціей склонялись,
 Когда невѣстою она
 Была богата и сильна.

XII.

Гдѣ прежде деспотъ унижался,
 Тамъ деспотъ властвуетъ другой,
 И гнетъ оковъ кругомъ сковался
 Свободной жизни городской...
 Едва лишь страны достигаютъ.
 До одуряющихъ высотъ,
 Гдѣ ихъ величье славы ждетъ,
 И — съ высоты они спадаютъ,
 Какъ грозной лавины обвалъ,
 Когда она летитъ со скалъ...
 О, если бы явилась снова
 Дандоло⁵ тѣнь, того слѣпого,
 Который старцемъ страшенъ былъ
 И Византію побѣдилъ!

XIII.

Предъ площадью святаго Марка
 Изъ бронзы лошади стоятъ,
 Еще блестя на солнцѣ ярко,
 И ихъ ошейники горятъ;
 Но Дорій правъ былъ: въ наши годы
 Тѣ кони взнузданы...⁶ Гдѣ жь слѣдъ
 Тринадцати вѣковъ свободы?
 Былой Венеціи ужъ нѣтъ:
 Она погибла тамъ, гдѣ встала
 Морской травой въ морской волнѣ...
 О, лучше бъ въ водной глубинѣ
 Иль подъ землей ты смерть узнала,
 Чѣмъ покупать среди оковъ
 Покой постыдный у враговъ.

XIV.

Какъ новый Тиръ, жила ты славой;
 Съ побѣднымъ именемъ твоимъ
 Носилась ты въ борьбѣ кровавой
 Грозою націямъ чужимъ;
 Всегда свободная, умѣла
 Всѣхъ обращать кругомъ въ рабовъ
 И берегла Европу смѣло
 Отъ мусульманъ — ея враговъ...
 О волны вѣчныя! возстаньте
 Почтить минувшіе года,
 Героевъ подвиги, когда
 Случилась битва при Лепантѣ:
 Ихъ дѣлъ не истребятъ вѣка
 Иль хищныхъ деспотовъ рука...

XV.

Рядъ гордыхъ дождей въ прахъ разбился,
 Въ гробницахъ тлѣютъ ихъ сердца,
 Лишь только остовъ сохранился
 Великолѣннаго дворца.
 Разбитый скиптръ и мечъ ихъ ржавый
 Для чужестранца сталъ забавой.
 О! кто бъ Венецію узналъ:
 Чужія лица, арки залъ
 Пустыхъ, на улицахъ нелюдно...
 Когда припомнить о быломъ
 Съ его величьемъ, торжествомъ —
 Венеціанцу будетъ трудно
 Своихъ гонителей любить
 И иго тяжкое сносить.

XVI.

Былъ страшный бой при Сиракузахъ
 И шелъ въ цѣпяхъ аѳинскій станъ,
 Тогда Аттическая муза
 Пришла къ спасенью аѳинянъ;
 Печальный гимнъ — былъ примиритель,
 Пронесся пѣсни грустной звукъ
 И побѣжденный побѣдитель
 Роняетъ грозный мечъ изъ рукъ.
 Онъ цѣпи плѣнныхъ разрываетъ,
 Великодушный до конца,
 И вдохновеннаго пѣвца
 Благодарить ихъ заставляетъ:
 Пѣвецъ напѣвомъ чудныхъ строфъ
 Освободилъ ихъ отъ оковъ. ⁷

XVII.

Венеція! И ты когда-то
 Могла того же ожидать
 И пѣсни славнаго Торквато
 Должны бы цѣпь съ тебя сорвать
 И иго пришлога тирана.
 Твоя судьба — народамъ стыдъ;
 Стыдъ ей, царицѣ океана,
 Стыдъ Англїи: она глядитъ,
 Какъ погибаютъ мѣря дѣти,
 Не подавая имъ руки!..
 О Англїя! пусть велики
 Твои владѣнія на свѣтѣ,
 Но и тебя, быть можетъ, ждѣтъ,
 Паденье то же, тотъ же гнѣтъ.

XVIII.

Волшебный городъ! порывался
 Къ тебѣ я много лѣтъ назадъ.
 Ты въ синемъ морѣ поднимался
 Какъ рядъ кристальныхъ колоннадъ;
 Твой образъ мнѣ обрисовали
 Радклифъ и Шиллеръ и Шекспиръ...⁸
 О! пусть оплакалъ ты въ печали
 Свой обезславленный кумиръ,
 Но и теперь мнѣ дорогá ты —
 Венеція! Дороже ты
 Въ обломкахъ прошлой красоты...
 Твои дворцы, твои палаты,
 Какъ монументъ прошедшихъ лѣтъ
 Оставили безсмертный слѣдъ.

XIX.

Я населять умѣю снова
 Ее тѣнями прошлыхъ дней;
 Но и безъ помощи былого
 Я и теперь встрѣчаю въ ней
 Не мало новыхъ наслажденій
 Для думъ мучительныхъ, для глазъ
 И для высокихъ вдохновеній
 Меня смущавшихъ тамъ не разъ.
 Мѣста Венеціи прекрасной!
 О! я провелъ не мало тутъ
 Счастливыхъ дней, святыхъ минутъ...
 Есть чувства; пыткой ужасной
 Нельзя ихъ вырвать изъ души —
 Такъ эти чувства хороши.

XX.

Такъ на утесахъ выростаетъ
 Свободно гордая сосна,
 На почвѣ каменной пускаетъ
 Тамъ корни крѣпкіе она.
 Альпійскій вѣтеръ, бури съ рѣвомъ
 Надъ ней проносятся, порой,
 Она жь въ величіи суровомъ
 Ихъ потѣшается игрой.
 Широко вѣтви разростали,
 И вотъ подъ хохотъ бурь и грозъ
 Явилось дерево-колосъ
 Тамъ на гранитномъ пьедесталѣ;
 Такъ точно мысль людей растетъ
 И наконецъ рождаетъ плодъ.

XXI.

Жизнь можетъ долго протянуться —
 И всѣ страданія земли
 Корнями въ сердцѣ разростутся.
 Подъ тяжелой ношею, въ пыли
 Идетъ верблюдъ въ степи безводной
 И издыхаетъ волкъ голодный
 Безмолвно. Вотъ для насъ урокъ:
 Ужь если звѣрь ничтожный могъ
 Безъ жалобъ вынести страданья,
 То долженъ съ гордостью страдать
 И о страданіи молчать
 Ты, человѣкъ — вѣнецъ созданья.
 Всѣ муки жизненныхъ тревогъ
 Всегда даются намъ на срокъ.

XXII.

Странанья насъ иль разрушаютъ,
 Иль разрушаются. Одни,
 Въ комъ силы юности играютъ,
 Живутъ не падая: они,
 Мужая, вновь идутъ на дѣло;
 Другіе робко и несмѣло
 До срока падаютъ въ борьбѣ,
 Покорные своей судьбѣ.
 Иные жь, ринувшись въ движеніе
 Къ себѣ опорю зовутъ —
 Войну, науку, церковь, трудъ,
 Добро и даже преступленіе.
 Кто что пощеть — то найдеть:
 Инымъ позоръ, инымъ почоть.

XXIII.

Но муки вѣчныя, безъ стона
 На долго сдержанныя въ насъ,
 Какъ боль отъ жала скорпіона,
 Къ намъ возвращаются не разъ.
 Одинъ намёкъ, пустое слово
 Странанье старое вернетъ
 Съ прошедшей горечью и снова
 Больное сердце загрызетъ.
 Звукъ, нота пѣсни музыкальной,
 Юльскій вечеръ, ночь, луна,
 Букетъ цвѣтовъ, зефиръ, волна
 Веселый видъ и видъ печальный —
 Все можетъ рану въ насъ раскрыть
 И скорби цѣпь зашевелить.

XXIV.

Кто мысль слѣдилъ въ ея полетѣ?
 То быстрой молніи полетѣ.
 Всегда сильна, всегда въ работѣ,
 Она не разъ насъ потрясетъ
 Сильнѣй громоваго удара,
 Оставивъ сзади ядъ угара;
 Она, смущая въ насъ умы,
 Выводитъ призраки изъ тьмы
 И никакія заклинанья
 Не могутъ прочь ихъ отогнать;
 Они приходятъ къ намъ опять
 Любви угасшей упованья,
 Сердца умершія давно:
 Имъ право жизни вновь дано.

XXV.

Но возвращусь съ своей кручиной
 Туда, гдѣ съ думой я бродилъ
 Среди руинъ живой руиной,
 Какъ привидѣнье межъ могилъ,
 Гдѣ подъ землей почила сила
 И рядъ имперій, гдѣ сильна
Была великая страна,
 Гдѣ и *теперь* ее щадила
 Природы нѣжная рука
 И ей щедроты расточаетъ.
 Прошедшимъ блескомъ велика,
 Она и нынче сохраняетъ
 Иного времени черты,
 Нетлѣнность вѣчной красоты.

XXVI.

Республика... герои Рима...
 Италія — вселенной садъ!
 Самой природой ты хранима,
 Искусства — твой священный кладъ.
 Ты всѣхъ дивишь еще понынѣ
 Безсмертной прелестью своею
 Повсюду, даже и въ пустынѣ
 Твоихъ забытыхъ пустырей.
 Ты велика въ своемъ паденьи,
 И эти славныя мѣста
 Не покидала красота,
 Когда свершилось разрушенье:
 Его злобѣщее крыло
 Тебя коснуться не могло.

XXVII.

Взошла луна, но ночь не смѣла
 Еще сойти. Въ лучахъ зори
 Все небо синее алѣло...
 Тамъ дальше, путникъ, посмотри:
 Тамъ будто моремъ славы залить
 Рядъ голубыхъ Фриульскихъ горъ;
 Мракъ тучъ свинцовыхъ не печалитъ
 Небесъ открывшійся просторъ.
 Весь западъ красками пылаетъ
 И день спѣшитъ на ложе сна,
 А тамъ серпомъ взошла луна
 И на востокъ выплываетъ
 И въ этотъ дивный край чудесъ
 Глядитъ съ улыбкою съ небесъ.

XXVIII.

Одна звѣзда съ луною рядомъ
 Надъ небомъ ласковымъ царить...⁹
 Вотъ свѣтъ лучистымъ водопадомъ
 Верхушки горъ покрылъ; спѣшитъ
 День съ темной ночью состязаться,
 Пока въ борьбѣ не изнемогъ,
 И въ Брентѣ стали отражаться,
 Переменяясь въ краткій срокъ,
 Цвѣта румяно-нѣжной розы,
 Окрасивъ струйки тихихъ водъ,
 И голубой небесный сводъ
 Съ тѣнями легкими, какъ грѣзы,
 И отражалась въ ней, горя,
 Съ небесъ вечерняя зоря,

XXIX.

И солнца яркій лучъ прощальный,
 Дня улетавашаго привѣтъ,
 И пурпуръ запада и дальній
 Звѣздъ золотистый, теплый свѣтъ.
 Но вотъ на горы тѣнь ложится,
 День умираетъ. Такъ, порой,
 Дельфинъ предъ смертью шевелится
 И каждый разъ иной игрой
 Цвѣтовъ различныхъ онъ сверкаетъ;
 Когда жь кончаетъ жизнь дельфинъ,
 Тогда бываетъ мигъ одинъ —
 Онъ краснымъ цвѣтомъ заиграетъ,
 Но смерть иридетъ — застынетъ кровь,
 Тогда онъ сѣрымъ станетъ вновь.

XXX.

Въ Аркуѣ есть одна могила,
 Въ ней въ саркофагѣ опочилъ
 Пѣвецъ Лауры и уныло
 Къ гробницѣ странникъ приходилъ,
 Чтобъ тамъ почтить пѣвца страданья.
 Онъ первый высказалъ протестъ
 И бросилъ крикъ негодованья
 На рабскій гнѣтъ родимыхъ мѣстъ
 И на враговъ родного края.
 Онъ вмѣстѣ съ Музою рыдалъ,
 Слезами землю орошалъ,
 Лауры имя повторяя
 И въ пѣснѣ, плача и любя,
 Онъ создалъ славу для себя.

XXXI.

Его въ Аркуѣ¹⁰ схоронили
 Въ деревнѣ, брошенной межъ горъ;
 Здѣсь дни поэта проходили,
 Здѣсь умеръ онъ и съ этихъ поръ
 Гордится этимъ сельскій житель,
 (И гордость та честна вполне).
 Когда жъ заѣзжій посѣтитель
 Пройдетъ по горной той странѣ —
 На знаменитую могилу
 Ему укажутъ гордо тамъ:
 Она идетъ къ его стихамъ
 И обаятельную силу
 Въ себѣ имѣетъ, хоть надъ ней
 И не поставленъ мавзолей.

XXXII.

Онъ жилъ здѣсь въ хижинѣ. Казалось,
 Она построена для тѣхъ,
 Которымъ жизнь лишь улыбалась
 Въ уединеніи отъ всѣхъ,
 Въ густой тѣни холмовъ зеленыхъ,
 Вдали отъ шумныхъ городовъ,
 Безумнымъ шумомъ оживленныхъ;
 Ихъ блескъ не манитъ изъ садовъ
 Изъ тишины не вызываетъ...
 Вокругъ все ярко и свѣтло...
 Здѣсь солнце свѣтитъ такъ тепло,
 И столько счастья разливаетъ,
 Что не захочется опять
 Блаженства новаго искать

XXXIII.

Вкругъ солнце льетъ потоки свѣта
 На зелень листьевъ и цвѣты...
 Его лучами все согрѣто...
 О счастье! здѣсь понятно ты!
 Здѣсь жизнь пройдетъ, какъ сонъ пріятный...
 Покой и лѣнь въ нѣмой глуши...
 Но въ этой лѣни благодатной
 Окрѣпнетъ умъ и мощь души.
 Да, если люди научаютъ
 Насъ жизнь земную признавать,
 То мы умѣемъ умирать
 Въ уединеніи: не мѣшаетъ
 Тщеславье грезамъ и мечтамъ;
 Борись одинъ съ судьбою тамъ —

XXXIV.

Иль съ тайнымъ бѣсомъ, что тревожить
 Мысль челоуѣка безъ конца
 И жертвой дѣлаетъ и гложетъ
 Всегда печальныя сердца
 Тѣхъ, чья душа со дня рожденья
 Привыкла къ мраку, къ тишинѣ:
 Ихъ роковое назначенье—
 Страдать и въ жизни и во снѣ;
 Имъ солнце кажется кровавымъ,
 Земля — могилой; ихъ страшатъ;
 Смерть и могила, словно адъ.
 Страдальцы бѣдные! всегда вамъ
 Страшнѣй казался самый адъ,
 Зловѣщей тьмой кругомъ объять.

XXXV.

Бродя по улицамъ Феррары,
 Поросшимъ дикою травой —
 Глядишь съ поникшей головой:
 Увы! проклятiя удары
 Надъ древнимъ городомъ лежатъ,
 Гдѣ прежде царствовала слава
 И деспотическiй развратъ,
 Гдѣ гордыхъ деспотовъ забава
 То милость расточала вокругъ,
 То тиранiей упивалась,
 То произвольной властью вдругъ
 Въ вѣнецъ священнiй облекалась,
 Который прежде на землѣ
 Горѣлъ у Данта на челѣ.

XXXVI.

И Тассъ былъ славой ихъ когда-то.
 Прислушайтесь къ стихамъ пѣвца
 И въ келью скромную Торквато
 Войдемъ: онъ жилъ здѣсь до конца.
 Альфонсъ отвелъ жилище это,
 Презрѣнный деспотъ! Онъ хотѣлъ
 Смирить великаго поэта
 И окружить его умѣлъ
 Безумцами и адомъ новымъ,
 Жизнь съ тайной злобой отравлялъ;
 Но лучъ бессмертья засіялъ
 Надъ тѣмъ челомъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
 Разсѣявъ массу облаковъ —
 И славнымъ именемъ вѣковъ

XXXVII.

Торквато имя намъ осталось.
 Межъ тѣмъ, Альфонсъ, ты былъ забытъ,
 Твое бы имя затерялось,
 Когда бъ твой гнусный, тяжкій стыдъ
 Не связанъ былъ съ судьбой поэта.
 Нѣтъ, будутъ долго проклинать
 Тебя съ презрѣніемъ за это.
 Альфонсъ! ты не умѣлъ блистать,
 Твое величье въ прахъ разбилось
 И если бы въ быту другомъ
 Ты родился, тогда бъ рабомъ
 Назвать тебя судьба стыдилась,
 Рабомъ того, кого ты гналъ,
 Кто отъ руки твоей страдалъ.

XXXVIII.

Ты жилъ чтобъ ѣсть, сносить презрѣнье
 И умеръ смертію скота,
 Вдругъ околѣвшаго въ забвеньи;
 Межь вами разница лишь та,
 Что ты пышной имѣлъ корыто
 И хлѣвъ обширнѣе имѣлъ.
 А онъ? Чело его покрыто
 Вѣнцомъ лучей; вѣнецъ горѣлъ
 На немъ въ виду враговъ презрѣнныхъ
 И зависть мелочная ихъ
 Встрѣчала съ злобой каждый стихъ,
 Звукъ каждый пѣсенъ вдохновенныхъ,
 Стыдившихъ смѣло до конца
 Труды бездарнаго пѣвца.

XXXIX.

Тѣнь оскорбленная Торквато!..
 О, миръ съ тобой!.. Пѣвецъ сгорѣлъ,
 Злость ядовитая собрата
 Въ него бросала тучи стрѣлъ,
 Хотя его не уязвляла.
 Онъ — побѣдитель. Каждый годъ
 Толпа поэтовъ въ міръ идѣтъ,
 Но геніевъ межъ ними мало;
 Ихъ ждемъ мы цѣлые вѣка,
 И еслибъ блескъ всѣхъ лиръ сливался
 Въ сіянье одного вѣнка —
 Блескъ этотъ скоро бь миновался;
 Пѣвцы создать бы не могли
 Другого солнца для земли.

XL.

Онъ былъ великъ, но съ Тассомъ рядомъ
 Еще два генія идутъ;
 Они, какъ онъ, родились тутъ,
 Но только раньше. Первый «Адомъ»
 Себя прославилъ на землѣ...
 Тосканецъ, съ мыслью на челѣ...
 Другой — пѣвецъ его достойный,
 Великій, гордый и спокойный —
 Своимъ магическимъ жезломъ
 Свѣтъ новый вызвалъ вдругъ для міра;
 Онъ пѣлъ любовь, военный громъ —
 И раздавалась нѣжно лира,
 И чудный слышался напѣвъ
 Въ честь храбрыхъ рыцарей и дѣвъ.

XLI.

Гроза съ статуи Аріосто
 Вѣнокъ желѣзный сорвала
 Изъ листьевъ лавра.¹¹ Тутъ была
 Права стихія. Очень просто:
 Не тронетъ молнія вѣнца
 Сплетеннаго могучей славой;
 Вѣнецъ искусственный пѣвца
 Лишь могъ служить грозѣ забавой.
 О люди! помните одно,
 Что здѣсь жалѣть намъ не пристало:
 То мѣсто ужь освящено,
 Гдѣ въ землю молнія упала,
 И голова пѣвца вдвойнѣ
 Священнѣй сдѣлалась странѣ.

LXII.

Италія! ты овладѣла
 Несчастливымъ даромъ красоты;
 Но съ ней надѣла трауръ ты
 И лишь страдать въ слезахъ умѣла.
 Морщины муки и скорбей
 Чело прекрасное покрыли
 И буквы огненные были
 Всегда въ исторіи твоей.
 О Боже! лучше бъ ты осталась
 Не такъ прекрасна, но сильна:
 Тогда бъ возстала вся страна
 И власть гонителей порвалась,
 Которымъ пить въ краю пришлось
 Лишь смѣсь изъ крови и изъ слезъ.

XLIII.

Тогда бъ ты только устрашала
 И въ неизвѣстности жила,
 И красотою не смущала
 И сожалѣнья не звала;
 Тогда бъ толпой вооруженной
 Враги не шли съ альпійскихъ скалъ
 Испить воды окровавленной
 Изъ рѣчки По; тогда бъ не сталъ
 Здѣсь сторожить твои предѣлы
 Иноплеменцевъ чуждый мечъ
 И, не бояся съ ними встрѣчь,
 Ты право равное имѣла
 Быть у родимыхъ береговъ
 Рабой друзей, рабой враговъ.¹²

XLIV.

Когда подъ вѣтромъ разсѣкала
 Равнину водъ моя ладыя,
 Римлянинъ мудрый! видѣлъ я
 Гдѣ проходилъ ты. ¹³ Здѣсь вставала
 Мегара прямо предо мной,
 А сзади — новая картина —
 Лежали: древняя Эгина,
 Пирей, Коринѳъ.. Влекомъ волной,
 Смотрѣлъ я, грустенъ и печаленъ,
 И мнѣ казалось, что они
 Стоять теперь, какъ и въ тѣ дни,
 Когда на груды ихъ развалинъ
 И историческихъ руинъ
 Глядѣлъ другъ Тулія одинъ.

XLV.

Да, время ихъ не исправляло.
 Лишь гнѣзда варваровъ росли
 У древнихъ стѣнъ, что заставляло
 Любить руины той земли
 Еще сильнѣй. Смотрѣлъ римлянинъ
 На тѣ могилы городовъ,
 Ихъ прежней славой отуманенъ...
 Теперь изъ всѣхъ его трудовъ
 Одна страница намъ осталась
 И въ ней есть нравственный урокъ,
 Завѣщанный на долгій срокъ:
 Въ немъ горько истина сказалась.
 И этотъ памятникъ нѣмой
 Теперь лежитъ передо мной.

XLVI.

Страницу эту чту я свято...
 Развалины *его* страны
 Причислить мы теперь должны
 Къ тѣмъ павшимъ царствамъ, что когда-то
 Онъ самъ оплакалъ.¹⁴ Остовъ ихъ
 Донынѣ живъ несокрушимо
 И Римъ... о, гдѣ жъ величье Рима?
 Онъ палъ во прахъ межъ стѣнъ своихъ,
 Не стало больше великана.
 Смерть, разрушеніе кругомъ...
 Повѣсивъ голову, идёмъ
 Мы мимо павшаго титана,
 Который въ пепелъ обращонъ,
 Но и подъ пепломъ дышетъ онъ.

XLVII.

Италія! твои страданья
 Навѣрно будутъ жить вѣка.
 Ты — мать искусствъ: твоя рука
 Насъ берегла, дала намъ знанья.
 Ты — мать религіи, чудесь!
 Предъ ними націи склонялись,
 Ихъ руки рабски простирались,
 Чтобъ получить ключи небесъ.
 Въ отцеубійствѣ сознаваясь,
 Европа наша, можетъ быть,
 Придетъ тебя освободить
 И, варваровъ изгнать стараясь
 И покоривши ихъ въ борьбѣ,
 Найдеть прощеніе въ тебѣ.

XLVIII.

Но насъ инья ждуть картины...
 Насъ Арно манить къ тѣмъ стѣнамъ,
 Гдѣ вы, этрурскія Аѳины,
 Достойны вызвать ѳиміамъ.
 Амфитеатръ холмовъ зеленыхъ
 Родить и масло и вино;
 Рогъ изобилія всѣмъ равно
 Несетъ дары; въ струяхъ бессонныхъ
 Тамъ Арно весело бѣжитъ
 И край богатый и торговый
 Новѣйшей роскошью дивитъ,
 И тамъ воскресла съ силой новой
 Наука, спавшая во мглѣ
 Подъ смертнымъ саваномъ въ землѣ.

XLIX.

Тамъ бюстъ Венеры разливаетъ
 Кругомъ блескъ дивной красоты
 И воздухъ ей благоухаетъ...
 Съ тебя покровъ упалъ — и ты
 Стоишь, богиня! Въ удивленьи
 На эти формы мы глядимъ:
 Здѣсь челоуѣка вдохновенье
 Природу гениемъ своимъ
 Могло осилить. Преклоняясь,
 Мы падаемъ у дивныхъ ногъ...
 О! только геній древнихъ могъ,
 Красою древней вдохновляясь,
 Таковую статую создать,
 Чтобъ все потомство поражать.

L.

И мы глядимъ, той красотою
 Упоены, ослѣплены;
 Мечта смѣняется мечтою...
 Искусства чары такъ сильны
 И власть его не отразима...
 О, нѣтъ! слова безсильны тутъ —
 (То шарлатановъ жалкій трудъ)
 Оно въ слова не уловимо.
 У насъ есть сердце, нервы, кровь,
 У насъ одно есть только зрѣнье:
 Чрезъ нихъ понятна намъ любовь
 И предъ прекраснымъ восхищенье;
 Лишь только ими понята
 Богини дивной красота.

LI.

Скажи въ такомъ ли точно видѣ
 Передъ Парисомъ стала ты?
 О! тѣ же ль чистыя черты
 Впервые богъ войны увидя,
 Съ мольбою палъ у дивныхъ ногъ?
 Склонившись на твои колѣни,
 Въ истомѣ сладострастной лѣни,
 Смотрѣлъ въ лицо влюбленный богъ.
 А ты? — съ румяныхъ устъ Венеры
 Лобзанья лавою лились,
 Лились безъ счета и безъ мѣры.
 Ея лицо, рѣсницы, бровь —
 Все выражало въ ней любовь.

LII.

Упоены любовью, боги,
Порой, и въ блескъ божества
Не находя конца тревогъ,
Вдругъ на земныя существа
Походятъ. Также есть мгновенья,
Когда и люди на землѣ
Лучъ божества и вдохновенья
Носили гордо на челѣ,
Пока не скрыла ихъ могила...
Но есть видѣнья чудныхъ грёзъ
И имъ поспорить бы пришлось
Съ красою статуй: та же сила
И тѣ же формы — только богъ
Въ ту красоту облечь ихъ могъ.

LIII.

Пускай артисты и педанты
И всѣ ученые шуты
Покажутъ намъ свои таланты
Въ изображеньи красоты;
Пускай дадутъ намъ описанья
Того, что трудно уловить.
Но я бѣ желалъ, чтобъ возмутить
Не смѣло скверное дыханье
Струи, гдѣ дѣвственно-сильна
Та красота отражена —
Мечты свободной изваянье,
На землю посланной съ небесъ
Въ залогъ божественныхъ чудесъ..

LIV.

Въ предѣлахъ древнихъ Санта-Кроче ¹⁵
 Великія закрылись очи;
 Здѣсь прахъ безцѣнный опочилъ
 И пыль его среди могилъ
 Есть ужь безсмертье. Гроба двери
 Здѣсь дали мѣсто для костей
 Микель-Анжело, Альфіери; ¹⁶
 Здѣсь опочилъ ты, Галилей,
 Поклонникъ звѣздъ и другъ печали;
 Здѣсь смерть дала тебѣ постель
 Великій умъ — Макіавель...
 Тѣла великихъ пылью стали,
 Они изъ праха въ міръ пришли
 И стали прахомъ той земли. ¹⁷

LV.

Четыре генія могучи,
 Какъ и стихіи, и опять
 Могли бы новый міръ создать.
 Италія! Сатурнъ изъ тучи
 Твои одежды изорвалъ,
 Но онъ тебѣ не отказалъ
 Въ великихъ людяхъ. Ты въ паденьи
 Еще полна благоговѣнья;
 Въ печальныхъ остовахъ равнинъ,
 Среди развалинъ и руинъ
 Лучомъ божественнаго свѣта
 Еще доселѣ ты согрѣта,
 И геній тѣхъ былыхъ временъ
 Теперь въ Кановѣ возрожденъ.

LVI.

Но гдѣ же прахъ Петрарка, Данта?
 Гдѣ прахъ Боккачіо лежитъ —
 Почти имъ равнаго таланта?
 Не видимъ ихъ могильныхъ плитъ,
 Хотя до смерти и въ могилѣ
 Имъ данъ особый былъ вѣнецъ.
 Иль прахъ ихъ по вѣтру пустили?
 Иль не нашолся тамъ резецъ,
 Чтобъ въ мраморѣ ихъ бюстъ оставить
 И обезсмертить ихъ черты?
 Каменоломни ли пусты?
 Иль позабыли ихъ прославить?
 Иль ты, Флоренція, отъ нихъ
 Вдругъ отреклась, какъ отъ чужихъ?

LVII.

Какъ Сципіонъ, ¹⁸ спитъ Дантъ далѣко ¹⁹
 Отъ береговъ страны родной,
 Гдѣ оскорбленъ онъ былъ жестоко
 И изгнанъ дерзко въ край иной.
 Пройдутъ вѣка и станутъ дѣти
 То имя свято обожать
 Съ смущеной совѣстью на свѣтѣ...
 А тотъ вѣнецъ, что сталъ сверкать
 Надъ головой Петрарка въ жизни
 Принадлежалъ чужой землѣ;
 Своимъ сіяньемъ на челѣ,
 Какъ и могилой, онъ отчизнѣ
 Былъ не обязанъ, ей чужой
 Всегда — и мертвый и живой. ²⁰

LVIII.

Одинъ Боккачіо, конечно,
 Въ родной землѣ похоронёнъ? ²¹
 И надъ собою слышитъ вѣчно
 Тосканы рѣчь сквозь смертный сонъ,
 Языкъ тосканскій — пѣснь сирены,
 Гдѣ рѣчь есть — музыка? О, нѣтъ!
 Исчезъ его могилы слѣдъ.
 Отъ тайной злобы и измѣны
 Рукой злодѣевъ хищныхъ онъ
 Могилы скромной былъ лишонъ;
 Имъ не хотѣлось, въ тайной злобѣ,
 Чтобы на этомъ славномъ гробѣ
 Прохожій взоръ остановилъ
 И прахъ Боккачіо почтилъ.

LIX.

Тѣхъ урнъ Флоренція не знаетъ,
 Но тѣмъ замѣтнѣе она.
 Такъ бюста Брута лишена
 Статуя Цезаря смущаетъ,
 Римлянъ и ихъ великій сынъ
 На умъ приходитъ имъ одинъ.
 Ты больше счастлива Равенна:
 На берегу твоёмъ почилъ
 Давно изгнанникъ вдохновенный;
 Аркуа также рядъ могилъ
 И бережетъ и сохраняетъ, —
 Одна Флоренція не знаетъ
 Своихъ изгнанниковъ и ждётъ
 Вотъ-вотъ одинъ изъ нихъ ирідеть.

LX.

Къ чему же мраморныя плиты,
 Порфиръ и яшма и агатъ,
 Гдѣ флорентинцами зарыты
 Теперь ихъ герцоги лежатъ? ²²
 Траву среди холмовъ зеленыхъ,
 Росой ночною окропленныхъ,
 Гдѣ скромно геніи легли,
 Чьи имена для всей земли
 Есть мавзоль несокрушимый —
 Народъ ногой не оскорбитъ:
 Трава могилъ священнѣй плитъ,
 Иль той гробницы нелюбимой,
 Гдѣ королей останки спятъ
 Подъ тѣнью мраморныхъ аркадъ.

LXI.

Но все жь сюда стремятся взоры:
 Здѣсь храмъ искусства, здѣсь рѣзецъ
 Заводитъ съ живописью споры;
 Здѣсь чудеса есть, наконецъ, —
 Но мнѣ они чужими стали:
 Картинамъ древнихъ галерей
 Я измѣнилъ для синей дали,
 Для красокъ неба и морей.
 Я удивляюся искусству,
 Но кровь оно не шевелитъ
 И мало сердцу говоритъ
 И говоритъ немного чувству;
 Ему оружіе дано,
 Но то оружье холодно.

LXII.

Нѣтъ, въ дефілеяхъ еразименскихъ,
 Гдѣ римлянъ ждалъ кровавый бой,
 Доволенъ больше я судьбой.
 Здѣсь рядъ продѣлокъ карфагенскихъ
 Я словно вижу. Между горъ
 Врага обманывая всюду,
 Они сошлись съ нимъ въ упоръ;
 Здѣсь храбрецы валились въ груды
 И ихъ толпы являлись вновь;
 Потокъ проливалась кровь
 И рѣки кровью той алѣли,
 Равнины пышныя красѣли,
 Гдѣ наступалъ со всѣхъ сторонъ
 За легиономъ легионъ,

LXIII.

Какъ лѣсъ, низринутый вѣтрами;
 Такъ былъ силѣнъ той битвы жаръ,
 Что былъ не слышенъ межъ горами
 Землетрясенія ударъ;²³
 Никто не слышалъ колебанья
 Земли, открывшей пасть могилъ
 Для тѣхъ, кто палъ на щитъ безъ силъ.
 Такъ велико негодованье
 Людей во время ихъ рѣзни,
 Когда сражаются они;
 Такъ опьяняетъ часто злоба,
 Когда двѣ націи у гроба
 Сойдутся грозно межъ собой,
 Чтобы начать смертельный бой.

LXIV.

Для нихъ земля ладьей казалась;
 Они неслись — куда-нибудь...
 Предъ ними море открывалось,
 Но непонятенъ былъ имъ путь,
 Не страшно имъ землетрясенье,
 Когда всѣ птицы вверху летятъ.
 Искать послѣдняго спасенья,
 Изъ гнѣздъ отброшены назадъ;
 Когда, по нивѣ спотыкаясь,
 Бѣгутъ ревушія стада
 И гибнуть въ пропастяхъ, когда
 Самъ человекъ, въ бѣдѣ теряясь,
 Стоитъ недвижимъ и безъ словъ,
 Съ природой спорить не готовъ.

LXV.

Но Оразименъ теперь не страшенъ...
 Спокойно озеро блеститъ
 И зелень тучныхъ нивъ и пашень.
 Плугъ селянина бороздитъ.
 Деревья обросли корою,
 Ужь труповъ нѣтъ у ихъ корней,
 И только маленькій ручей
 Своимъ названіемъ, порою,
 Напомнитъ день кровавый тотъ:
 Напоминаетъ Сангвинетто,
 Что кровь людей и смертный потъ
 Здѣсь орошали мѣсто это,
 Играла пурпуромъ волна,
 Отъ крови воиновъ красна.

LXVI.

А ты, Клитумнъ! ²⁴ волной кристальной
 Ласкаешь нѣжно ты наядъ
 И въ глубинѣ твоей зеркальной
 Онѣ ныряютъ и шалятъ;
 Отъ волнъ твоихъ поля тучнѣютъ,
 На нихъ пасется бѣлый мулъ
 И воды свѣтлыя имѣютъ
 Спокойный видъ. Военный гулъ,
 Рѣзня тебя не осквернили,
 Ты волны тихія катилъ
 И только зеркаломъ служилъ,
 Гдѣ отражать всегда любили
 Свои прекрасныя черты
 Богини юной красоты.

LXVII.

На берегу твоёмъ счастливомъ
 Глядитъ простой, изящный храмъ
 Съ высотъ холма; внизу же тамъ
 Бѣжишь ты царственно-лѣнивый.
 Лишь иногда по струйкамъ водъ
 Сверкнетъ чешуйчатая рыбка,
 Шалить, играетъ, вьется гибко
 И въ глубинѣ вдругъ пропадѣтъ.
 Порою, нѣжная лилея
 Скользитъ, покорная волнѣ,
 И дремлетъ будто бы во снѣ.
 Волна несетъ ее, лелѣя,
 Качая тихо и легко,
 Ей шепчетъ сказки на ушко.

LXVIII.

Здѣсь чуемъ генія повсюду.
 Когда зефиръ въ лицо пахнётъ —
 Свой поцалуй съ нимъ геній шлётъ;
 Когда, подобно изумруду,
 Поля откроются для глазъ
 И разливается прохлада,
 Когда душа забыться рада
 Отъ скучной жизни хоть на часъ,
 Отъ жгучей пыли всѣхъ волненій,
 Тогда отъ горя и заботъ
 Тебя въ міръ новый унесётъ
 Тѣхъ мѣстъ счастливыхъ добрый геній,
 И ты, свободный отъ оковъ,
 На благодарность будь готовъ.

LIX.

Но — чу! ревъ водъ. Съ вершинъ Велино
 Спадаетъ въ бездну водопадъ,
 Реветь и пѣнится. Картина
 Совсѣмъ нова: то — водный адъ,
 Гдѣ волны, словно въ адской мукѣ,
 Со стономъ прядаютъ, кипятъ
 И брызги бьютъ изъ-за громадъ —
 (То Флегетона слышны звуки)
 И составляютъ скалы кругъ,
 Откуда къ верху бьютъ каскады,
 Наводятъ страхъ и ужасъ вокругъ
 И въ бѣшенствѣ, ломя преграды,
 Ихъ пѣнистый кипучій валъ
 На волѣ рвется изъ-за скалъ

LXX.

И брызги до небесъ бросаетъ,
 Откуда падаетъ дождёмъ,
 И тамъ весна благоухаетъ,
 Гдѣ онъ разсыплется; кругомъ
 Трава роскошно зеленѣетъ...
 О, какъ пучина глубока!
 Волна неистово-дика
 Въ скачкѣхъ гигантскихъ... Тамъ бѣлѣетъ
 Внизу рядъ скалъ, промытыхъ ей.
 Въ порывѣ злобнаго веселья
 Среди недвижимыхъ камней,
 Волна пробила въ нихъ ущелья
 И, прорываясь сквозь гранитъ,
 Такою массою бѣжитъ,

LXXI.

Что можно думать: это море,
 Рожденное среди тѣхъ скалъ;
 Но водопадъ тотъ жизнь давалъ
 Лишь скромнымъ рѣчкамъ; на просторѣ
 Среди долинъ онѣ бѣгутъ.
 Смотрите! чудный видъ предъ нами.
 Вкругъ разрушая все волнами,
 Каскады мчатся и ревутъ,
 Какъ-будто въ вѣчность все уносятъ,
 Все разбивая на лету,
 И дикую картину ту
 Едва взоръ робкій переноситъ —
 И каждый ужасомъ объять...
 О, страшно-дивный водопадъ! ²⁶

LXXII.

Вотъ новый видъ открылся взглядамъ:
 Съ одной вершины до другой,
 При блескъ солнца, надъ каскадомъ
 Явилась радуга дугой —
 Подобна радостной надеждѣ
 Надъ смертнымъ ложемъ — и горить
 Въ своей сіяющей одеждѣ.
 Пусть водопадъ кругомъ шумить,
 Она сіянья не теряетъ,
 Вкругъ проливая нѣжный свѣтъ,
 И постоянныхъ красокъ цвѣтъ
 Ей никогда не измѣняетъ:
 Такъ иногда слѣдитъ любовь,
 Когда въ безумцѣ бродитъ кровь.

LXXIII.

Я снова вижу Аппенины.
 Онѣ бы были милы мнѣ,
 Когда бъ альпійскія вершины
 Я не видалъ. Тамъ въ вышинѣ
 Родятся сосны; тамъ обвалы
 Несутся съ грохотомъ со скалъ;
 Тамъ я Юнгфрау посѣщаль,
 Гдѣ вѣчный снѣгъ, какъ покрывало,
 Ее скрываетъ въ облакахъ
 Среди нагорнаго тумана;
 Я былъ въ холодныхъ ледникахъ
 Всѣмъ недоступнаго Монблана
 И слышалъ часто между горъ
 Стихій громовый разговоръ.

LXXIV.

Я видѣлъ, какъ орлы летали
 И, поднимаясь на Парнасъ,
 Какъ-будто славы тамъ искали;
 Я, какъ троянецъ, могъ не разъ
 Смотрѣть на Иду. Не замѣтны
 Мнѣ Аппенины съ тѣхъ временъ,
 Какъ видѣлъ я вершину Этны,
 Олимпъ и Атласъ и Аѳонъ,
 И лишь безснѣжныя вершины
 Соракты привлекли мой взоръ.
 Она безъ снѣга съ давнихъ поръ.
 И здѣсь-то всѣмъ намъ есть причины
 Стихи Горация прочесть:
 Въ стихахъ пѣвца страница есть —

LXXV.

О той горѣ. Она волною
 Застывшей въ воздухѣ стоитъ
 И хочетъ рухнуть внизъ стѣною...
 Пусть каждый здѣсь расшевелитъ
 Свои классическія знанья,
 Цитаты римскія, названья
 Проговоривъ межъ этихъ горъ.
 Я самъ былъ слишкомъ живъ и скоръ,
 Чтобъ изучить вполне поэта;
 Уроки были скучны мнѣ,
 Когда въ родимой сторонѣ
 Мой менторъ строго ждалъ отвѣта
 И принуждалъ въ короткій срокъ
 Знать слово-въ-слово свой урокъ.

LXXVI.

Хоть я потомъ и измѣнился
 И сталь упорно размышлять
 О томъ, чему тогда учился...
 Кого же въ этомъ обвинять?
 Капризный и нетерпѣливый,
 Я наслажденія искалъ,
 Когда еще не погружалъ
 Въ науку умъ свой прихотливый.
 Не тѣмъ бы сталъ я, можетъ быть,
 Когда бъ меня не принуждали;
 Но прежнихъ чувствъ мнѣ не забыть —
 Они съ лѣтами выросали,
 И ненависть моя сильна,
 Какъ и въ былыя времена.

LXXVII.

Прости, Горацій! Каюсь въ этомъ:
 Тебя я вовсе не любилъ...
 Несчастливъ тотъ, кто не цѣнилъ
 Твоихъ стиховъ. Ты былъ поэтомъ,
 Ты чтилъ искусство высоко;
 Какъ моралистъ, ты глубоко
 Проникъ и въ жизнь и въ омутъ міра;
 Твоя прекрасная сатира
 Умѣла совѣсть шевелить —
 Тревожа сердце, не хотѣла
 Ему ранъ тяжкихъ наносить.
 Но все жъ съ тобой прощаюсь смѣло
 И шлю теперь тебѣ, поэтъ,
 Съ горы Соракты свой привѣтъ.

LXXVIII.

О Римъ родной! друзья страданья
 Пускай къ тебѣ теперь придуть:
 Ничтожно горе наше тутъ.
 Чтѣ наши скорби и рыданья?
 Здѣсь кипарисъ бросаетъ тѣнь,
 Совы полночной слышны стоны.
 Идемъ съ ступени на ступень,
 Гдѣ распадались храмы, троны...
 О люди! стихнуть въ краткій срокъ
 Всѣ ваши скорби съ вѣчнымъ страхомъ.
 Смотрите: здѣсь у вашихъ ногъ
 Великій Римъ сталъ тѣмъ же прахомъ,
 Которымъ также будемъ мы,
 Узнавъ покой могильной тьмы.

LXXIX.

Богиня націй! ты почила,
 Дѣтей и трона лишена...
 Пустую урну опустила
 Рукой изравеной она.
 Пусты могилы Сципіоновъ,
 Отъ пепла ихъ исчезъ и слѣдъ;
 И вы, владыки грозныхъ троновъ,
 Среди гробницъ васъ тоже нѣтъ.
 Въ обломкахъ рухнули святыни...
 О старый Тибръ! лишь ты одинъ,
 Свидѣтель лучшихъ тѣхъ годинъ,
 Бѣжишь по мраморной пустынѣ!
 О, поднимись и массой водъ
 Залей печальный городъ тотъ.

LXXX.

О вѣчный городъ! война забавы,
 Гнѣтъ, христіанство и потопъ
 Тебѣ готовили свой гробъ.
 Ты видѣлъ: гасли звѣзды славы,
 Къ капитолійскому холму.
 Монархи-деспоты съѣзжались,
 Дворцы и храмы разрушались...
 Ты видѣлъ хаосъ, смерть и тьму.
 Среди разрушеннаго свѣта
 Кто бъ могъ здѣсь прошлое съискать
 И снова точно рассказать:
 «Здѣсь было то, здѣсь было это?»
 Кто могъ здѣсь хаосъ превозмочь,
 Когда кругомъ царила ночь?

LXXXI.

Двойная ночь весь Римъ сковала —
 Невѣжества и тьмы вѣковъ —
 И мысль здѣсь ошупью блуждала.
 Есть планъ морей для моряковъ,
 Есть карта звѣздъ, лишь только въ Римѣ
 Мы, какъ въ степи, идемъ чужими
 И спотыкаемся. Порой
 Кричимъ мы «эврика!» въ надеждѣ
 Узнать о томъ, что было прежде;
 Но то миражъ своей игрой
 Насъ ввелъ невольно въ заблужденье,
 Какъ мимолѣтное видѣнье,
 И вновь все въ мракъ погружено
 И недоступно и темно.

LXXXII.

Гдѣ жь гордый Римъ? гдѣ та минута,
 Когда кинжалъ геройскій Брута
 Блескъ побѣдителя смутилъ
 И лавры славы заслужилъ?
 И гдѣ теперь пѣвецъ Virgilій?
 Увы! гдѣ Туллія языкъ?
 Гдѣ, наконецъ, и ты, Титъ-Ливій?
 Тогда сіяющій ихъ ликъ
 Былъ воскресеніемъ для Рима.
 Все остальное — смерти тьма.
 Сіянье строгаго ума
 Для насъ теперь неуловимо ..
 Ихъ взглядъ такъ гордъ и свѣтелъ былъ,
 Когда ты, Римъ, свободно жилъ.

LXXXIII.

О ты, всегда счастливый, Силла!²⁶
 Ты, покорявшій всѣхъ враговъ,
 Тиранъ, въ которомъ говорила
 Лишь только злоба, — чьихъ орловъ
 Рабою Азія встрѣчала,
 О ты! чей гордый, дерзкій взглядъ
 Могъ уничтожить весь сенатъ!
 Ты до конца, какъ и сначала
 Римлянинъ былъ, хоть былъ жестокъ
 И не одинъ имѣлъ порокъ;
 Ты, власть чужую попиравшій
 И въ прахъ короны низвергавшій
 И лавръ диктаторскій, — тогда,
 Въ тѣ отдаленные года —

LXXXIV.

Ты одного не могъ предвидѣть,
 Что до ничтожества дойдетъ,
 Все, что въ тебѣ привыкли видѣть
 Великаго, и что падетъ
 Не отъ римлянъ величье Рима.
 Онъ, *вѣчный* городъ, чьи полки
 Дрались всегда непобѣдимо,
 Чьи грани были велики,
 Чьи безконечные предѣлы
 Шли изъ конца въ другой конецъ,
 Онъ, всемогущества вѣнецъ
 Носившій нѣкогда такъ смѣло,
 Онъ — этотъ вѣчный, гордый Римъ —
 Исчезъ съ величіемъ своимъ!

LXXXV.

Такъ, побѣдителемъ былъ Силла.
 Нашъ Кромвель тоже Силлой былъ,
 Сенаты такъ же онъ крушилъ
 И троны въ плахи обратила
 Его рука. Свобода! ты,
 Порою, рядомъ преступленій
 Несешь намъ отдыхъ съ высоты
 И кровью пачкается геній.
 Его судьба — урокъ другимъ:
 Его побѣды годовщина
 Раскрыла темный гробъ предъ нимъ.
 Когда предъ властью исполина
 Два государства ницъ легли,
 Въ тотъ день онъ прахомъ сталъ земли.

LXXXVI:

Тотъ день, когда-то давшій силу
 И власть могучую ему,
 Тотъ день открылъ ему могилу
 И съ трона свелъ въ нѣмую тьму.²⁷
 Судьба намъ этимъ доказала,
 Что блескъ и счастье на землѣ,
 Все, что тщеславіе искало,
 Родило думы на челѣ —
 Все это смерть одна смиряетъ
 Зловѣщимъ сумракомъ гробовъ...
 Какъ жаль, что міръ среди трудовъ
 Объ этомъ рѣдко вспоминаетъ!..
 Тогда бы люди, можетъ быть,
 Съумѣли жизнь перемѣнить.

LXXXVII.

Статуя грозная! донинѣ
 Ты тамъ стоишь въ своей гордынѣ.
 Ты помнишь: предъ тобой стоялъ,
 Съ улыбкой смѣлою и строгой
 Самъ Цезарь, драпируясь тогой
 И гордо кровью истекалъ.
 То — жертва грозной Немезиды,
 Царицы неба и земли,
 Всѣмъ гнѣвно мстящей за обиды...
 Героевъ нѣтъ... ихъ дни прошли...
 Погибъ Помпей... О! неужели
 Вы всѣ когда-то власть имѣли,
 Иль, ставъ игрушкою молвы,
 Лишь только куклы были вы?...

LXXXVIII.

И ты кормилицю Рима
 Была волчица въ тѣмѣ вѣковъ. ²⁸
 Донынѣ съ бронзовыхъ сосцовъ
 Въ бассейнъ спадаетъ несдержимо
 За каплей капля молока.
 О, мать! была ты велика
 Вскормивъ тогда такого сына...
 Теперь грозой опалена,
 Ты, какъ великая руина,
 Стоишь, но дѣтямъ предана,
 Ты и теперь была бь готова
 Кормить дѣтей погибшихъ снова?
 Вѣдь бережотъ твой нѣжный взглядъ
 Безсмертныхъ этихъ волченятъ?

LXXXIX.

Да, это такъ, но эти дѣти
 Уже исчезли навсегда;
 Изъ ихъ гробницъ потомъ на свѣтѣ
 Сооружали города
 И люди кровью истекали:
 Они дордогой римлянъ шли
 И имъ со страхомъ подражали
 И въ грозныхъ битвахъ смерть нашли;
 Но не далась имъ римлянъ слава,
 Хоть проходилъ за вѣкомъ вѣкъ.
 Одинъ лишь гордый человекъ
 Сталъ съ ними рядомъ величаво;
 Онъ живъ еще, но межъ оковъ.
 Онъ сталъ рабомъ своихъ рабовъ.

XС.

Онъ отъ величья растерялся
 И, чтобъ быть цезаремъ другимъ,
 Идти путемъ его старался
 Неровнымъ шагомъ... Вѣчный Римъ!
 Герой твой созданъ былъ иначе:
 Онъ страсти пылкія имѣлъ,
 Но хладнокровіемъ владѣлъ;
 Его спасалъ отъ неудачи
 Инстинктъ безсмертный. Разный видъ
 Онъ принималъ: то, какъ Алкидъ,
 Сидѣлъ онъ съ прялкой неизмѣнной
 У ногъ царицы несравненной,
 То вдругъ любовь позабывалъ
 И шелъ, смотрѣлъ и побѣждалъ.

XСІ.

Но тотъ, кто укротилъ такъ скоро
 Своихъ властительныхъ орлятъ,
 Довелъ до бѣгства, до позора
 Побѣдной Галліи солдатъ,
 Тотъ, чья душа была могила,
 Былъ странно созданъ — и упалъ.
 Его тщеславіе сгубило.
 Куда онъ шелъ? чего желалъ?
 Къ чему упорно порывался
 Его честолюбивый умъ?
 Въ какія тайны темныхъ думъ
 Тотъ властолюбецъ погружался? —
 Кто намъ на это дастъ отвѣтъ?
 Напрасно ждать — отвѣта нѣтъ.

ХСІІ.

Всѣмъ иль ничѣмъ онъ быть рѣшился.
 Когда бъ онъ только ждать умѣлъ,
 То, можетъ быть, похоронился
 Съ почотомъ цезарей... Удѣлъ
 Печальный очень для героя...
 Такъ для чего же арки строя,
 Триумфовъ ищетъ человекъ?
 Къ чему вѣнокъ ему плетѣтся
 И кровь людей потокомъ льѣтся?
 Гдѣ тотъ спасительный ковчегъ,
 Гдѣ бъ былъ пріютъ для всѣхъ несчастныхъ?
 Спасенья нѣтъ отъ бурь ужасныхъ,
 Весь міръ въ крови... О, еслибъ Богъ
 Дать снова радугу намъ могъ!

ХСІІІ.

И вотъ плоды отъ жизни скудной!
 Въ насъ чувства — узки, умъ — не смѣлъ,
 Жизнь — коротка, дорѣгой трудной
 Дается истина.²⁹ Съумѣлъ
 Обычай насъ держать во власти;
 На зло и правдѣ и уму,
 Могущества земного страсти
 Нерѣдко гонять насъ во тьму.
 Добро и зло для насъ случайно,
 И люди многіе года
 Дрожали строгаго суда,
 Свободной мысли чрезвычайно
 Страшились, крояся во мглѣ,
 Пугаясь свѣта на землѣ.

XCIV.

Итакъ тѣ люди прозябають
 Безцѣльно цѣлые вѣка
 И отъ разврата умирають;
 До смерти злоба ихъ дика,
 Она идетъ въ наслѣдство дѣтямъ;
 Завѣтомъ дѣдовскихъ гробовъ
 Передаются внукамъ этимъ
 Оковы тяжкія рабовъ
 И вновь за эти цѣпи внуки,
 Какъ гладіаторы, падуть,
 И снова кровью истекутъ,
 На мѣстѣ томъ, гдѣ тѣ же муки
 И ту же цѣпь въ нѣмой борьбѣ
 Несли ихъ братья на себѣ.

XCV.

Вопросъ религіи обходимъ.
 Мы говоримъ теперь о томъ,
 Что въ этомъ мірѣ мы находимъ
 Ежеминутно и кругомъ,—
 О томъ, что дѣлають тираны,
 Народъ влекушіе въ пыли,
 О тѣхъ, предъ кѣмъ трепещутъ страны,
 О грозныхъ деспотахъ земли,
 Тому герою подражавшихъ,
 Который дерзость ихъ смирялъ
 И предъ собою заставлялъ
 Дрожать тирановъ трепетавшихъ,
 Который славою своей
 Безсмертенъ сталъ между людей.

XCVI.

Уже-ль земныхъ тирановъ можетъ
 Лишь покорить тиранъ одинъ?
 Уже-ль ихъ власть не уничтожить,
 Земной свободы лучшій сынъ,
 Какъ тотъ герой, что въ Новомъ Свѣтѣ
 Спасъ всю страну съ мечомъ въ рукахъ?
 Иль, можетъ быть, герои эти
 Родятся въ дѣвственныхъ лѣсахъ,
 Гдѣ видятъ съ дѣтства мать-природу,
 Гдѣ рабство не смущаетъ сонъ
 И гдѣ ребѣнокъ Вашингтонъ
 Свою воспитывалъ свободу?
 Уже-ль сѣмянъ подобныхъ нѣтъ
 И ими бѣденъ Старый Свѣтъ?

XCVII.

Но Франція подъ кровью братьей
 Средь преступленій и проклятій
 Ударъ свободѣ нанесла
 И міру пагубна была.
 Рядъ сатурналій, сценъ кровавыхъ
 И честолюбе гордеца
 И козни замысловъ лукавыхъ
 Свободу гнали до конца.
 Между надеждой благородной
 И человѣкомъ стать должна
 Несокрушимая стѣна.
 И рабство — этотъ гнѣтъ народный
 Вторымъ паденіемъ казнить
 Весь міръ, уставшій отъ обидъ.

ХСVIII.

Но все же ты жива, свобода!
 Твой стягъ, изорванный кругомъ,
 Стоитъ святынею народа;
 Твой голосъ, слышный словно громъ,
 Теперь усталый, грянетъ снова,
 И въ сердцѣ дерева больнова
 Подъ старой, вѣтхою корой,
 Гдѣ слѣдъ оставила сѣкира,
 Еще теперь кипитъ для міра
 Сокъ жизни съ прежнею игрой,
 И сѣмена его донинѣ
 Найдемъ и въ сѣверной пустынѣ,
 И скоро міру лучшій плодъ
 Весна иная принесетъ.

ХСІХ.

Есть башня древняя. ³⁰ Оградой
 Такой она окружена,
 Что армія своей громадой
 Была бы башнѣ не страшна.
 Стоитъ руина распадаясь,
 Всѣ стѣны обростають мхомъ—
 Гирляндой вѣчности. Кругомъ
 Все умираетъ, разрушаясь...
 Кто жь эту башню здѣсь сложилъ?
 Чтó за сокровища въ ней скрыты?
 Кто въ ней въ иное время жилъ?
 Какія кости здѣсь зарыты?
 Здѣсь, посреди разбитыхъ плитъ,
 Гробница женщины стоитъ.

С.

Кто жь эта смерти королева,
 Которой домъ — есть гробъ червей?
 Была ль она чиста, какъ дѣва?
 Иль ложа брачнаго царей
 Была достойна? Родила ли
 Героевъ славныхъ для побѣдъ,
 Иль дочь, которой краше нѣтъ?
 Какія страсти и печали
 Она имѣла, и когда?
 Любила ль въ юные года?
 И здѣсь ли, наконецъ, въ могилѣ
 Ея останки положили,
 Гдѣ башня крѣпкая надъ ней
 Стоитъ какъ вѣчный мавзолей?

СІ.

Была ли любящей женою?
 Иль мужъ чужой ей былъ любимъ?
 Такія жены стариною
 Бывали; ими древній Римъ
 Богатъ по лѣтописямъ старымъ.
 Она блистала ль южнымъ жаромъ
 Египетской царицы той,
 Чтó мiръ смущала красотой?
 Иль въ ней Корнеліи движенья
 Пугали строгостью своей?
 Иль береглась она страстей,
 Иль обожала наслажденья,
 Иль чувству подчиняла умъ
 Иль вѣкъ жила подъ гнѣтомъ думъ?

СII.

Иль умерла она, быть можетъ,
 Въ дни первой юности? Она,
 Быть можетъ, здѣсь схоронена
 Какъ жертва мукъ? Хоть не тревожитъ
 Теперь ничто почившій прахъ,
 Тогда вдругъ туча омрачила
 Ту красоту и блескъ въ очахъ —
 И взрыта ранняя могила?
 И вечеръ жизни залить былъ
 Лучистымъ солнцемъ заходящимъ
 И блескомъ смерти освѣтилъ,
 Лучомъ прощальнымъ, переходящимъ
 Тотъ блѣдный ликъ — и вспыхнулъ онъ,
 Багрянымъ свѣтомъ озарёнъ.

СIII.

Она почила, можетъ статься,
 Въ тѣ дни, когда была стара,
 Когда ужь стали появляться
 На кудряхъ пряди серебра
 И ей года напоминали,
 Когда тѣ кудри заставляли
 Дрожать отъ страсти цѣлый Римъ?..
 Но съ увлеченіемъ своимъ
 Впередъ ушолъ я очень смѣло:
 Одно мы знаемъ, что жила
 И въ Римѣ древнемъ умерла
 Женой римлянина, Метелла.
 Онъ былъ богатъ... Такъ вотъ вамъ слѣдъ
 Тщеславія погибшихъ лѣтъ!..

CIV.

Стою я предъ тобой, гробница,
 И словно знаю образъ той,
 Чей прахъ лежитъ здѣсь подъ плитой.
 Иные дни, иныя лица
 Иная музыка встаетъ
 И эта музыка растетъ,
 Какъ громъ торжественный по скаламъ,
 Когда въ дали слабѣетъ онъ.
 На этомъ камнѣ обветшаломъ,
 Разрушенномъ со всѣхъ сторонъ,
 Готовъ стоять я до мгновенья
 Пока мое воображенье
 Здѣсь изъ могилъ минувшихъ дней
 Не вызоветъ былыхъ тѣней,

CV.

Пока я изъ досокъ разбитыхъ
 Себѣ не сдѣлаю ладью
 И ввѣрю ей судьбу свою,
 Чтобъ спорить съ массой волнъ сердитыхъ...
 Ревѣтъ, взбѣжавъ на берега
 Ихъ несдержимое теченье,
 Гдѣ оставляетъ разрушенье
 Всего, чѣмъ жизнь мнѣ дорога.
 Но если даже я исправлю
 Ладьи обломки, то куда
 Я полечу на ней тогда?
 Куда же смѣло бѣгъ направлю?..
 Отчизну, счастье на пути
 Лишь только здѣсь я могъ найти.

CVI.

Такъ войте жь вѣтры! Ихъ стенанье
 Я вѣчно слушать здѣсь готовъ —
 Здѣсь ихъ ночное завыванье
 Смирится только крикомъ совъ;
 Вотъ какъ теперь при блѣдномъ свѣтѣ
 Съ вершины омраченныхъ горъ
 Ночной ихъ слышу разговоръ.
 Чу! мрачно стонуть птицы эти
 Раскрывъ блестящiе глаза
 И мрачно крыльями махая...
 О, пусть здѣсь высохнетъ слеза!..
 На этомъ мѣстѣ скорбь людская
 Совсѣмъ не кстати, а моя —
 О ней молчу я, утая.

CVII.

Мохъ и трава; кругомъ обвады...
 Теперь развалины стоятъ,
 Гдѣ прежде были арки, залы
 И рядъ высокихъ колоннадъ.
 И своды старые суровы, .
 Со стѣнъ всѣ фрески сбиты прочь
 И населяютъ только совы
 Пещеры темныя, какъ ночь.
 Что жь это: бани? храмъ? палаты?
 Кто намъ на это дастъ отвѣтъ?
 Мы знаемъ только: то былъ слѣдъ
 Стѣны, разрушенной когда-то...
 То императорства гора!
 Давно прошла ея пора.

CVIII.

Какой урокъ для человѣка! ³⁴
 Онъ повторяется всегда:
 Сперва свобода — сила вѣка,
 Тамъ — славы многіе года,
 Развратъ, порокъ, а послѣ что же?
 Что остается, наконецъ?
 Лишь только варварства вѣнецъ.
 Во всѣхъ исторіяхъ — о, Боже!
 Одну страницу лишь найдемъ,
 Гдѣ тиранія день за днемъ
 Всѣ наслажденія вкушала,
 Всѣ блага міра пожирала...
 Но бросимъ славу и назадъ
 На эту гору кинемъ взглядъ.

CIX.

Любуйтесь, плачьте, смѣйтесь, злитесь
 И негодуйте люди тутъ!
 Своимъ ничтожествомъ казнитесь!
 Подъ этой кучей сложенъ трудъ
 Столѣтій; троны поднимала
 Здѣсь пирамидою гора
 И ихъ величья мишура
 Надъ ними ярко такъ блистала,
 Что солнца лучъ среди небесъ
 Отъ нихъ еще свѣтлѣй казался...
 И гдѣ жь слѣды отъ тѣхъ чудесъ,
 Которымъ міръ весь удивлялся?
 Гдѣ золоченныхъ троновъ рядъ?
 Гдѣ ихъ властители лежатъ?

СХ.

О Туллій! твой языкъ едва-ли
 Краснорѣчивъ, какъ та скала...
 Гдѣ Цезарь съ лаврами чела?
 Желалъ бы я, чтобъ увѣнчали
 Меня съ могилы славной мхомъ...
 И чья колонна эта? Тита?
 Трояна? Все здѣсь мертвымъ сномъ
 И строгой вѣчностью сокрыто.
 Колонны, арки сбиты въ прахъ.
 Гдѣ императоры почили;
 Теперь стоятъ на тѣхъ мѣстахъ
 Иныя статуи;³² въ могилахъ
 Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
 Имперскій прахъ сталъ недвижимъ.

СХІ.

Въ гробницахъ тѣхъ почило тѣло
 Того, чей духъ при жизни могъ
 Величіемъ гордиться смѣло.
 То былъ послѣдній полубогъ,
 Властитель міра, слава Рима.
 Его потомки не могли
 Стоять, какъ онъ, непобѣдимо
 За блескъ родной своей земли.
 Самъ Александръ предъ нимъ блѣднѣетъ:
 Онъ кровью ружь не обагрилъ
 И добродѣтью дивилъ.
 Донынѣ міръ благоговѣетъ
 Предъ памятью твоей, Траянъ!³³
 Ты будешь гордостью всѣхъ странъ...

СХІІ.

Гдѣ та гора, гдѣ Римъ въ гордынѣ
 Своихъ героевъ обнималъ?
 Скала Тарпейская гдѣ нынѣ?
 Гдѣ мысль, съ котораго упалъ
 Измѣнникъ, сброшенный для казни?
 И гдѣ грабители земли
 Беречь безъ страха и боязни
 Свои сокровища могли?
 Да, тамъ, внизу, теперь истлѣли
 Развратъ, крамолы многихъ лѣтъ.
 Вотъ Форумъ — славы прошлой слѣдъ,
 Гдѣ рѣчи нѣкогда гремѣли,
 Гдѣ словно живъ донинѣ онъ,
 Краснорѣчивый Цицеронъ.

СХІІІ.

О, поле славы и свободы
 Кровопротитій и крамоль!..
 Здѣсь истощалась мощь народа
 Съ дней возрожденья въ морѣ золь.
 Давно свобода тамъ закрыла
 Свое лицо и уступила
 Анархіи былую власть;
 И только царствовала страсть,
 Пока ногой своей желѣзной
 Не потопталъ одинъ солдатъ
 Предъ нимъ трепещущій сенатъ —
 Рабовъ, поставленныхъ надъ бездной,
 И сталъ, чтобъ людямъ угрожать,
 Холоповъ гнусныхъ подкупать.

СХІV.

А ты, Италіи подпора,
 Петрарки другъ, герой римлянъ,
 Ты, искупитель ихъ позора —
 Ріэнзи! ³⁴ пусть на твой курганъ
 Кладутъ печальные народы
 Листы, которые растутъ
 На тощемъ деревѣ свободы —
 И ими гробъ твой обовьютъ.
 Чело твое ввнчала дума.
 Подвижникъ Форума, ты былъ
 Начальникъ гордый римскихъ силъ
 И бросилъ міръ, какъ новый Нума,
 Гдѣ, къ сожалѣнью, только могъ
 Ты властвовать лишь краткій срокъ.

СХV.

Эгерія! Созданье грёзы,
 Прелестный, дивный уголокъ,
 Гдѣ забывать земныя слёзы
 Сынъ праха въ упоеньи могъ.
 Кто ты? воздушная Аврора
 Иль нимфа въ блескѣ красоты,
 Иль та земная дѣва ты,
 Которая плѣняетъ скоро
 Боговъ, сошедшихъ въ міръ съ небесъ?
 Но гдѣ бы ты ни возродилась,
 Была ты перломъ всѣхъ чудесъ;
 Въ тебѣ такъ ярко воплотилась
 Неуловимая мечта
 И чистой грёзы красота.

СХVI.

Фонтанъ твой въ брызгахъ водомёта
 Зеленый мохъ водой кропитъ,
 Въ твоёмъ ручьѣ подъ тѣнью грота
 Духъ этихъ мѣстъ изъ струй глядитъ.
 Искусство здѣсь не исказило
 Зеленыхъ, дикихъ береговъ,
 Теченье водъ не задавило
 Здѣсь иго мраморныхъ оковъ.
 Съ подножья статуи разбитой
 Онѣ бѣгутъ, едва журча,
 Въ изгибѣ яркаго ключа.
 Здѣсь — плющъ, вокругъ дерева обвитый,
 Тамъ — ароматные цвѣты
 И изумрудные листы.

СХVII.

Холмы мелькаютъ въ отдаленьи,
 Съ земли несется ароматъ...
 И пестрыхъ ящерицъ движенье
 И пѣнье птицъ... Цвѣты манятъ,
 Зовутъ къ себѣ улыбкой ласки.
 Разнообразно-хороши
 Ихъ фантастическія краски
 Въ благоухающей тиши.
 Здѣсь темно-синими глазами
 Фіалки нѣжныя глядятъ
 И ихъ невинный, кроткій взглядъ
 Лазурью споритъ съ небесами,
 Какъ-будто цвѣтъ ихъ съ высоты
 Вдругъ перешелъ на тѣ цвѣты.

СХVIII.

Ты здѣсь когда-то обитала
 Эгерія! Здѣсь часто ты
 Ждала любовника, дрожала...
 И ночь подъ ризой темноты
 Скрывала тайное свиданье.
 Какъ дѳрогъ былъ его приходъ!..
 Конечно, этотъ темный гротъ,
 Хранившій тайну обожанья,
 Сооруженъ нарочно вновь
 Для этой любящей богини,
 Принявшей смертнаго любовь...
 Любовь витала въ той руинѣ;
 Весь мѳръ любви такой языкъ
 Считать оракуломъ привыкъ.

СХIХ.

Отвѣтивъ на любовь земную,
 Ты страсть такую подняла,
 Съ земнымъ восторгомъ ты слила
 Восторгъ божественный, — иную
 Жизнь подаривши на землѣ.
 Съ своимъ безсмертьемъ на челѣ,
 Скажи: земныя наслажденья,
 Земныя страсти и томленья
 Могла ли обезсмертить ты?
 Могла ль избавить отъ страданья,
 Отъ той сердечной пустоты,
 Гдѣ пресыщенныя желанья
 Въ гробницу сердце превратятъ,
 Въ которой чувства наши спятъ?

СХХ

Мы чувства на вѣтеръ бросаемъ,
 Безцѣльно тратимъ съ раннихъ лѣтъ,
 Въ своей душѣ мы насаждаемъ
 Цвѣтъ сластолюбыя, мертвый цвѣтъ,
 Растенья, милыя для взгляда,
 Но смерть которыя таятъ...
 Дыханье ихъ — зловреднѣй яда
 И смрадъ могилъ — ихъ ароматъ.
 Вотъ садъ, которымъ мы проходимъ
 Путемъ страстей земныхъ всегда;
 Вездѣ запретнаго плода
 Мы ищемъ, ищемъ и находимъ;
 Но этотъ запрещенный плодъ
 Намъ истощенье лишь даётъ.

СХХІ.

Любовь! ты гостя въ міръ этомъ;
 Къ тебѣ, незримый серафимъ,
 Мы порываемся съ привѣтомъ
 И съ свѣтлымъ помысломъ своимъ.
 Въ сердцахъ разбитыхъ скрыта вѣра,
 Но все жь не можемъ мы взглянуть,
 Гдѣ ты живешь, гдѣ эта сфера
 Любви свершающей свой путь.
 Кто эти формы созерцаетъ?
 Ты нашей мыслью создана.
 Какъ мысль, фантазіи вѣрна,
 Пространство неба заселяетъ,
 Такъ и въ любви она творитъ
 И наши страсти шевелитъ.

СХХІІ.

Влюбленная въ свое созданье,
 Въ насъ мысль становится больна
 И въ лихорадкѣ обожанья
 Бываетъ вымыслу вѣрна.
 Кто далъ скульптору идеалы?
 Они сокрыты въ немъ самомъ.
 А наши грёзы, что, бывало,
 Насъ увлекали дивнымъ сномъ,
 Какимъ-то раемъ неизвѣстнымъ
 И мы рвались подъ чарой грёзъ,
 Въ попыткахъ дѣтскихъ, въ мукахъ слёзъ,
 Къ какимъ-то образамъ прелестнымъ,
 И ни художникъ, ни поэтъ
 Не уловилъ еще ихъ слѣдъ...

СХХІІІ.

Любовь — безумство. Но ужаснѣй
 Еще лекарство отъ любви.
 Оно любви самой опаснѣй:
 Исчезнетъ первый жаръ въ крови
 И убѣгутъ очарованья —
 И наши идолы падутъ,
 Исчезнутъ пылкихъ грёзъ созданья,
 Мечта уйдетъ; но даже тутъ
 Не сбросимъ мы любви оковы...
 Посѣявъ вѣтры, мы найдёмъ
 Лишь бури страшныя кругомъ;
 Мы будемъ думать, что готовы
 Найти сокровища въ тотъ часъ,
 Когда ужъ бездна близко насъ.

СХХІV.

Отъ юныхъ лѣтъ мы вянемъ хило,
 Бредемъ безъ цѣли цѣлый вѣкъ;
 Но до конца, но до могилы
 Все ищетъ слабый человѣкъ
 Какой-то призракъ, но проклятѣе
 На немъ съ пеленъ еще лежитъ.
 О, слава и любви объятья!
 То и другое насъ мутитъ,
 То и другое минетъ скоро.
 Ихъ безобразна красота;
 Они исчезнутъ, какъ мечта,
 Какъ блескъ случайный метеора:
 Ихъ тушитъ вдругъ столбомъ своимъ
 Зловѣщей смерти черный дымъ.

СХХV.

Почти ни кто любить не смѣетъ
 Ту, для которой онъ рожденъ,
 Хоть случай часто и умѣетъ
 На насъ навѣять ложный сонъ
 И заглушить воспоминанья;
 Но скоро въ насъ воскреснутъ вновь
 Ошибки старыя, страданья
 И неумершая любовь.
 Случайность — этотъ злобный геній —
 Приходитъ съ горемъ и тоской
 И намъ грозитъ своей клюкой; —
 И отъ нея прикосновеній
 Надежды наши въ прахъ надутъ,
 И никогда не расцвѣтутъ.

СХХVI.

Жизнь наша — вѣчный грѣхъ природы,
 Насланіе небесныхъ каръ,
 Клеймо судьбы, позоръ свободы;
 Жизнь наша — то же что *Анчаръ*
 Съ его смертельною отравой
 И ядовитою росою.

Жизнь — служить хищною забавой
 Для мукъ, недуговъ; смерть съ косою
 За ней слѣдить. Жизнь — есть страданья,
 Хотъ ихъ, порою, не видать, —
 Они съумѣютъ истерзать
 Изгрызть всю грудь безъ состраданья...
 А въ сердцѣ боль царитъ одна
 Неукротима и сильна.

СХХVII.

Все жь будемъ размышлять мы смѣло.
 Безчестно отступать отъ правъ:
 Мысль — наше право, наше дѣло
 И я храню ея уставъ.
 Хотъ съ дня рожденья мысль въ насъ гнали,
 Водили къ пыткамъ и на казнь,
 Терзали, жгли и оскорбляли,
 Хотя завистливо боязнь
 Ее во мракѣ содержала,
 Чтобъ съ свѣтомъ нѣ жилъ человѣкъ,
 Но все жь порою видѣлъ вѣкъ,
 Что мысль лучомъ своимъ сіяла —
 И мы узнали, наконецъ,
 Что прозрѣваетъ и слѣпецъ.

СХХVIII.

Надъ арками восходятъ арки!
 Какъ будто бы рѣшился Римъ
 Въ нихъ завѣщать вѣкамъ подарки
 Великимъ зданіемъ своимъ.
 То — Колизей. Луна сіяетъ
 Подобно факеламъ въ ночи,
 Какъ-будто Римъ лишь позволяетъ
 Одной лунѣ метать лучи
 На этотъ памятникъ богатый
 Отъ улетѣвшей старины...
 И озаряетъ блескъ луны
 Весь городъ, сумракомъ объятый,
 И хоть лазуревая тьма
 Стоитъ недвижна и нѣма,

СХХIX.

Но въ ней какъ-будто бы носились
 Слова — манили въ небеса
 И Риму вѣчному дивились...
 Здѣсь спятъ въ громадахъ чудеса!
 Здѣсь время все не истребило:
 Какой-то духъ живъ въ тѣхъ мѣстахъ
 Съ косою изломанной въ рукахъ...
 И непонятная есть сила
 Въ обломкахъ стѣнъ, сѣдыхъ колоннъ;
 Они — бессмертныя сказанья
 Иныхъ столѣтій и временъ...
 И передъ ними блѣдны зданья,
 Постройки нынѣшнихъ годовъ
 Среди новѣйшихъ городовъ.

СХХХ.

О время! смерть ты укрощаешь,
 Ты смыслъ развалинамъ даешь,
 Ты наше сердце испѣляешь,
 Ты нашъ разумокъ бережешь
 И отгоняешь заблужденья!..
 О время! пробный камень ты
 Любви и истины. Движенья
 Твои суровы, какъ мечты
 Философа. Ты мститель свѣта.
 Къ тебѣ я сердце приношу
 И у тебя теперь прошу
 Я, вмѣсто всякаго привѣта,
 Одной награды роковой,
 Прошу съ поникшей головой.

СХХХІ.

Между обломковъ разрушеній
 Соорудившихъ твой алтарь,
 Межъ самыхъ лучшихъ приношеній,
 Что для тебя хранила старь,
 Я приношу тебѣ руины
 Своихъ разрушенныхъ годовъ,
 Хоть незнакомы имъ сѣдины...
 О! если въ гордости готовъ.
 Сносить я ненависть спокойно,
 И мнѣ не страшенъ злобы гнѣтъ,
 Желая я, чтобъ вѣчный лёдъ
 Я могъ носить въ груди-достоинно,
 Чтобъ этотъ лёдъ во всѣ года
 Въ груди не таялъ никогда.

СXXXII.

А ты, бичь гнусности, порока,
 Ты, Немезида! предъ тобой
 Склонялся часто міръ съ мольбой.
 Ты, призывавшая жестоко
 Всѣхъ фурій адскихъ злобно выть
 И съ визгомъ прыгать вокругъ Ореста,
 Чтобы Оресту отплатить
 За мщенье звѣрское, — здѣсь съ мѣста,
 Гдѣ ты царишь, я въ этотъ часъ
 Тебя изъ праха вызываю...
 То просьба сердца прорвалась.
 Возстань! Должна ты — умоляю —
 Во что бъ ни стало, изъ гробовъ
 Прийти на мой послѣдній зовъ.

СXXXIII.

Быть можетъ, я бъ привыкнулъ къ ранѣ,
 Когда бы мнѣ узнать заранѣ,
 Что справедливъ былъ тотъ ударъ
 Меня сразившій: этотъ даръ
 Я вынесъ бы безъ сожалѣнья;
 Но нынче черной раны кровь
 Земля не будетъ пить ужъ вновь
 И я зову тебя для мщенья,
 Зову одну тебя къ мечу,
 Затѣмъ, что самъ я не хочу
 Прибѣгнуть къ мести и угрозѣ.
 Итакъ, я сплю, предавшись грѣзѣ,
 И за меня теперь должна
 Ты. встать, на мигъ не зная сна.

СХХХІV.

Я не боюсь своихъ страданій!
 Кто видѣлъ на моемъ челѣ
 Слѣды тревогъ и содроганій?
 Но я желаю на землѣ
 Остаться жить въ страницѣ этой.
 Не даромъ брошу я слова,
 Хоть въ прахъ сотрусь, въ гробу отпѣтый.
 Время грядущая молва
 Мой гнѣвъ предъ всѣми оправдаетъ.
 Теперь мой гордый, смѣлый гнѣвъ
 Стиховъ пророческій напѣвъ
 Въ груди усталой пробуждаетъ.
 Мое проклятiе въ народъ
 На многихъ смертныхъ упадѣтъ.

СХХХV.

Земля и небо! мнѣ внимайте:
 Я долженъ былъ идти на бой,
 Страдая, съ грозною судьбой.
 Мои всѣ муки сосчитайте;
 Не изсушилъ ли я свой умъ?
 Не сокрушилъ ли сердца въ пепелъ?
 Какой отравы въ жизни не пилъ
 Среди тяжелыхъ, черныхъ думъ?
 И если я, не зная страха,
 Себѣ въ борьбѣ не измѣнилъ,
 То потому, что созданъ былъ
 Не изъ того простого праха
 Людей ничтожныхъ предо мной
 Съ ихъ мелкой завистью земной.

СХХХVI.

И развѣ мало преступлений,
 О родъ людской, надѣлалъ ты
 Отъ самыхъ сильныхъ огорченій
 До ядовитой клеветы!
 Та клевета отравой гада
 Все отравлять, порою, рада;
 Она, какъ Янусъ, два лица
 Имѣеть: взглядами льстеца,
 Мишурной истиной обманеть,
 И люди вѣрятъ иногда
 Лжецу, лишонному стыда,
 И клевета порочить станетъ.
 Съ лукавой лестью до конца
 Иного добраго глупца.

СХХХVII.

Но я на свѣтѣ жилъ не даромъ;
 Быть можетъ, умъ мой ослабѣлъ
 И кровь бѣжить не съ прежнимъ жаромъ,
 Но я за то въ борьбѣ сумѣлъ
 Смирить и время и мученья,
 Я даже послѣ погребенья
 Останусь жить съ своей тоской,
 И долго надъ душой людской
 Незримо буду я носиться
 И каменистую ихъ грудь
 Я разбужу когда-нибудь
 И въ ней тогда зашевелится
 И угрызенье и тоска,
 Имъ неизвѣстная пока.

СХХХVIII.

Итакъ, привѣтъ тебѣ, богиня!
 Ты возбуждаешь въ насъ не страхъ,
 Но уваженье. Въ тѣхъ мѣстахъ,
 Гдѣ спить въ развалинахъ пустыня
 Являлась ты порой ночной,
 Какъ ризой, скрыта темнотою,
 Въ мѣстахъ, гдѣ плющъ по камнямъ вьется,
 Гдѣ все приходъ твой оживлялъ,
 Гдѣ чрезъ тебя скорѣй пойметса
 Весь смыслъ руинъ и дикихъ скалъ.
 И все, что прахъ вѣковъ скрываетъ,
 Для насъ мгновенно оживаетъ —
 Тогда готовы слиться мы
 Съ картиной, вышедшей изъ тьмы.

СХХХIX.

Да, раздавался здѣсь когда-то
 Восторгъ народа, шопоть, крикъ,
 Здѣсь братъ съ убійствомъ шелъ на брата
 И смертью скованъ былъ языкъ.
 Законы цирка заставляли
 Ихъ умирать — и забавляли
 Ихъ трупы кесарей тогда.
 Мы всѣ умремъ — что жъ за бѣда
 Погибнуть въ циркѣ иль въ сраженьи?
 Насъ здѣсь и тамъ найдетъ червякъ,
 Глаза закроетъ вѣчный мракъ
 И всѣ мы ляжемъ безъ движенья,
 И здѣсь и тамъ ужъ съ давнихъ поръ
 Смерть — торжествующій актёръ

СXL.

Я вижу: на руку склоняясь
 Паль гладіаторъ... жалкій видъ!
 Чело блѣднѣетъ, опускаясь,
 Изъ смертной раны кровь бѣжитъ,
 По каплямъ на песокъ струится.
 Арена передъ нимъ кружится,
 Въ глазахъ туманъ и смерти мракъ.
 Онъ жизнь оканчиваетъ такъ
 Подъ крикъ толпы безчеловѣчной,
 Которая кругомъ реветъ
 И побѣдителю несетъ
 Порывъ восторга безконечный —
 И слышитъ онъ какъ этотъ крикъ
 Неумолимъ и звѣрски дикъ.

СXLI.

Онъ умиралъ безъ сожалѣнья;
 Но живы въ немъ бывше сны:
 Его несетъ воображенье
 На берега родной Двины.
 Тамъ ждуть его жена и дѣти
 Въ убогой хижинѣ теперь,
 А онъ, опора ихъ на свѣтѣ,
 Погибнуть долженъ, словно звѣрь,
 Забавою позорной Рима.
 Когда онъ кровью истекалъ,
 Онъ будто вновь ихъ увидалъ,
 Ихъ образы скользнули мимо...
 О мщенье! что же медлишь тутъ?
 Когда же готѣ мстить придутъ?

СХLII.

И здѣсь, гдѣ прежде парь кровавый
 Дымился съ черныхъ, смертныхъ ранъ
 Здѣсь, гдѣ злодѣйствами и славой
 Полна исторія римлянъ,
 Гдѣ приговоры раздавались,
 Теперь царить здѣсь тишина,
 Мѣста для публики распались
 И на стѣнѣ лежитъ стѣна.
 Арену звѣзды освѣщаютъ.
 Вездѣ молчанье, пыль и мракъ,
 Лишь эхо мой чуть слышный шагъ
 По галереямъ повторяетъ,
 И межъ разрушенныхъ колоннъ
 Проносятся и гулъ и звонъ.

СХLIII.

Развалины! Изъ нихъ слагались
 Дворцы, чуть-чуть не города,
 Онѣ жъ все прежними остались,
 Какъ будто тѣ же, что тогда,
 Какъ будто ихъ не разрушали...
 Но если ближе подойдемъ,
 Ихъ разрушеніе пойдемъ,
 Слѣды погрома и печали.
 Здѣсь освѣщаетъ солнца свѣтъ
 Все то, что время не щадило,
 Чему теперь возврата нѣтъ,
 Что варварство давно сгубило,
 Что ужъ давно въ могилахъ спить —
 Здѣсь солнца лучъ все озарить.

СXLIV.

Когда жь луна надъ этимъ сводомъ
 Глубокой полночью всплыветъ,
 Заблещутъ звѣзды хороводомъ
 И вѣтерокъ ночной пахнетъ
 И плющъ зеленый закачаетъ,
 Віющійся вокругъ стѣны,
 Когда блескъ ночи озаряетъ
 Картину эту съ вышины,
 Тогда герои покидаютъ
 Свои гробницы и встаютъ.
 И нынче люди тамъ идутъ,
 Гдѣ ихъ останки отдыхаютъ;
 Вѣдь попирали и они
 Тотъ самый прахъ въ былые дни.

СXLV.

«Цѣль Колизей — и слава въ Римѣ;
 «Онъ палъ — падетъ съ нимъ вмѣстѣ Римъ,
 «А Римъ въ руинахъ — вмѣстѣ съ ними
 «Погибнетъ свѣтъ» — такъ пилигримъ
 Когда-то дѣлалъ предсказанья.
 Но Римъ еще теперь стоитъ,
 И не распались Рима зданья
 И Колизей тотъ же видъ
 И міръ — огромная пещера,
 Всегда дающая пріютъ
 Для всѣхъ, которые войдутъ:
 Для вора и для лицемѣра
 Не стерся въ пыль до этихъ поръ
 И живъ готовый на раздоръ.

СXLVI.

О храмъ великій, неизмѣнный,
 Храмъ всѣхъ боговъ и всѣхъ святыхъ!
 Ты всталъ съ главой своей священной,
 Презрѣвши власть вѣковъ сѣдыхъ.³⁵
 Вкругъ государства исчезали,
 Колонны, стѣны, города,
 Вкругъ люди въ мукахъ умирали,
 Лишь молодымъ ты былъ всегда.
 Косу здѣсь Время изломало,
 Тираны бичъ сломали свой
 Въ припадкѣ злости надъ тобой —
 Твое величье устояло.
 О Пантеона славный храмъ!
 Уже-ль навѣчно сталъ ты тамъ?

СXLVII.

О памятникъ минувшей славы,
 Ограбленный со всѣхъ сторонъ,
 Но все стоящій величаво!
 Благоговѣнье будить онъ.
 Здѣсь изъ развалинъ одинокихъ
 Глядитъ величье на народъ
 И много думъ святыхъ, глубокихъ
 На богомольцевъ наведетъ
 Алтарь; сюда для поклоненій,
 Гдѣ Слава предвкушаетъ сонъ,
 Сойдутся люди на поклонъ,
 Которымъ дорогъ римскій геній:
 Здѣсь бюсты римлянъ вкругъ стоятъ³⁶
 И на прохожаго глядятъ.

СXLVIII.

Иду. Передо мной темница. ³⁷
 Чтó вижу?.. всюду темнота.
 Но чьи двѣ тѣни тамъ? чьи лица?
 Уже ль они — одна мечта.
 Но нѣтъ, я вижу — точно это —
 Съ прекрасной женщиной старикъ.
 Въ ней кровь какъ нектаръ, свѣтель ликъ.
 Зачѣмъ же здѣсь, вдали отъ свѣта,
 Стоитъ прекрасная жена?
 Зачѣмъ же грудь обнажена?
 Зачѣмъ открыта эта шея,
 Бѣла какъ нѣжная лилея?
 Я вижу ясно въ темнотѣ
 Передъ собой фигуры тѣ.

СXLIX.

Грудь поднимается высоко,
 Та грудь, которую сосетъ
 Дитя, заснувшее глубоко,
 Той грудью мать ему даетъ
 Сладчайшей пищей жизнь и силы.
 Капризы дѣтскіе ей милы.
 Ей такъ пріятно и легко
 Давать ребѣнку молоко.
 Она у дѣтской колыбели
 Находитъ радость и покой.
 (О, вѣрно радости такой
 Понять мужчины не умѣли!)
 Мать ждетъ отъ сына славныхъ дѣлъ,
 Но... вѣдь и Каинъ мать имѣлъ.

СL.

А здѣсь отца теперь питаетъ
 Она цѣлебнымъ молокомъ,
 Она часть крови возвращаетъ
 Ему назадъ. Надъ старикомъ
 Дотолѣ смерть не пронесется,
 Пока въ той груди въ жилкахъ льется
 Младая, огненная кровь,
 Пока сильна къ отцу любовь.
 О пей, старикъ, изъ этой груди!
 Спасенный силою любви,
 Пей молоко и вновь живи!...
 Вѣдь даже въ лучшемъ мѣрѣ люди,
 Куда ихъ души упорхнутъ,
 Питья такого не найдутъ.

СLІ.

Той нѣжности не сохранила
 И басня о пути млечномъ,
 Какъ тотъ разсказъ, гдѣ дочь кормила
 Отца сѣдого молокомъ.
 Его созвѣздіе свѣтлѣе,
 Чѣмъ тѣ блестящіе міры,
 Что свѣтятъ въ темномъ небѣ, млѣя
 Среди таинственной игры.
 О ты, кормилица святая!
 Потокъ твой чистый сыщеть путь
 Къ отцу разслабленному въ грудь,
 И эта влага пролитая
 Дастъ жизнь тому кто умиралъ,
 Кто жизнь тебѣ же даровалъ.

СЛІІ.

Вотъ холмъ забытый Адріана, ³⁸
 И этотъ остовъ великана
 По прихоти имѣетъ видъ
 Египта древнихъ пирамидъ.
 Плодъ императорскихъ фантазій,
 Стоитъ громадный образецъ
 Инаго вѣка безобразій,
 Величья ложнаго вѣнецъ;
 Онъ возведенъ былъ Адріаномъ
 И возбуждаетъ смѣхъ одинъ
 Въ тебѣ прохожій пилигримъ;
 Покрытъ забвеньемъ, какъ туманомъ,
 Гигантскій холмъ сооружонъ
 Надъ тѣмъ, кто въ пепелъ обращонъ.

СЛІІІ.

Смотрите! передъ нами зданье: ³⁹
 Предъ нимъ Діаны чудный храмъ
 Избушкой кажется. Созданье
 И чудо Ефеса глазамъ
 Моимъ когда-то представлялось.
 Въ степи стѣна его распалась,
 Гдѣ лишь съ гіеною шакаль
 Его обломки посѣщаль;
 Мечеть Софійскую когда-то
 Я видѣлъ тоже, осмотрѣть
 Успѣлъ я древнюю мечеть...
 Она священна и богата;
 Ислама вѣрные сыны
 Молились въ ней средъ тишины.

CLIV.

Но ты, межъ храмовъ вставши строго,
 Стоишь одинъ. Лишь только ты
 Достоинъ сталъ быть храмомъ Бога
 Съ тѣхъ поръ, какъ пали высоты
 И стѣны древняго Сіона.
 Нѣтъ, никогда во время оно
 Для славы Бога и небесъ
 Такихъ не строили чудесъ.
 Здѣсь все — величье, слава, сила
 И неземная красота;
 Въ себѣ одной постройка та
 Смыслъ вѣры истинной вмѣстила.
 Съ благоговѣніемъ народъ
 Предъ этой храминой идѣтъ.

CLV.

Войдемъ. Громада насъ не давитъ,
 Хоть та громада велика;
 Но здѣсь душа растетъ, мужаетъ,
 Въ своемъ полетѣ высока;
 Здѣсь освѣщаются надежды.
 Настанетъ день: раскрывши вѣжды
 Узнаешь ты безсмертья свѣтъ
 И гласа божьяго привѣтъ.
 Тебѣ откроется дорога
 Къ инымъ, небеснымъ высотамъ,
 И въ вѣчно-новомъ блескѣ тамъ
 Лицомъ къ лицу увидишь Бога,
 И взоръ божественный и видъ
 Твоей души не устрашитъ

CLVI.

Идемъ — а зданье вырастаетъ.
 Такъ, среди Альпійскихъ горъ,
 Чѣмъ дальше путникъ вверхъ вползаетъ,
 Тѣмъ необъятнѣй ихъ просторъ.
 Идемъ — а зданье вырастаетъ,
 Но, не теряя красоты,
 Оно величіемъ пугаетъ:
 Колонны мрамора чисты,
 • Блестятъ лампы золотыя
 И куполь сверху смотритъ внизъ
 И словно въ воздухѣ повисъ,
 А съ образовъ глядятъ святыя
 И въ этомъ храмѣ по стѣнамъ
 Ихъ лики видны здѣсь и тамъ.

CLVII.

Здѣсь взоръ теряется въ просторѣ,
 Здѣсь почасть все видитъ глазъ.
 Такъ береговъ зеленыхъ моря
 Не осмотрѣть въ единый разъ.
 Тамъ нужно все смотрѣть отдѣльно,
 Чтобъ оцѣнить, какъ все кругомъ
 Тамъ гармонично, строго, цѣльно,
 И вѣтъ высшимъ божествомъ.
 Тамъ разомъ взоръ не въ состояньи
 Постичь великой красоты,
 Лишь по немногу только ты
 Доводишь умъ до обожанья
 И, ощутивъ невольный страхъ,
 Предъ красотой падешь во прахъ.

CLVIII.

Мы можемъ только постепенно
 Все нашимъ чувствомъ обнимать,
 Все, что не такъ обыкновенно.
 Словами вдругъ не передать
 Величія такого зданья.
 Своей ничтожности сознанье
 Сначала тамъ смущаетъ насъ,
 Когда же привыкаетъ глазъ
 Къ картинѣ стройной и спокойной,
 Тогда и наша мысль растетъ
 До пониманія красотъ
 И чувствуетъ себя достойной
 Начать неслышный разговоръ
 Со всѣмъ, что вокругъ увидѣлъ взоръ.

CLIX.

Смотри и стой здѣсь безъ движенья.
 Въ томъ созерцаніи дано
 Намъ не одно благоговѣнье
 И не чудесное одно —
 Нѣтъ, не одно разбудить чувство
 Остатокъ древняго искусства,
 Но здѣсь сокрытъ великій слѣдъ
 Великихъ думъ протекшихъ лѣтъ;
 Здѣсь научиться можешь разомъ
 Тому, какъ былъ великъ тотъ вѣкъ,
 Когда жилъ древній человѣкъ,
 Какъ былъ возвышенъ древній разумъ
 И геній тѣхъ былыхъ вѣковъ,
 Поднявшій храмъ до облаковъ.

CLX.

Иль обратимся къ Ватикану:
 Тамъ въ гордыхъ мукахъ Лаоконъ,
 Тамъ смертный подавляетъ стонъ
 Съ терпѣньемъ бога, скрывшимъ рану.
 Напрасно борется старикъ.
 Къ чему послужить оборона?
 Въ немъ подавляютъ самый крикъ
 Объяты страшнаго дракона.
 Ужасный звѣрь его сжималъ
 И лишь страданье разжигалъ.
 Безсиленъ смертный, вдругъ обвитый
 Огромной цѣпью ядовитой:
 Среди такихъ ужасныхъ мукъ
 Не смѣетъ боль облечься въ звукъ.

CLXI.

Иль взглянемъ мы на образъ бога.
 Поэзіи и жизни богъ!
 Онъ держитъ лукъ, склоняся немного;
 Ликъ просвѣтлённый смѣлъ и строгъ.
 Его побѣда оживляла...
 Сейчасъ стрѣла его упала.
 Местъ бога свѣтится въ очахъ;
 Въ его раздувшихся ноздряхъ
 Замѣтно гордое презрѣнье.
 Онъ дышетъ силой, красотой
 И, вѣчнымъ блескомъ залитой,
 Такое принялъ онъ движенье,
 Что видъ его сказать бы могъ:
 Смотрите люди — это богъ!..

CLXII.

Во всей его прекрасной позѣ
 Сонъ вѣчной страсти отражонъ,
 Какъ-будто въ лучезарной грѣзѣ
 Онъ грустной нимфою плѣнёнъ.
 Въ его фигурѣ отразилась
 Та красота, что возродилась
 Въ неясныхъ обликахъ мечты;
 Безсмертья высшаго цвѣты
 Своими залили лучами
 И блескомъ чуднаго вѣнца
 Черты прекраснаго лица.
 И передъ нашими очами,
 Какъ воплощенная мечта,
 Открылась бога красота.

CLXIII.

Пусть Прометей унесъ украдкой
 Съ небесъ огонь — свою мечту
 Вложилъ художникъ въ мраморъ гладкій
 И въ камень вдунулъ красоту.
 И если это изваянье
 Дала намъ смертнаго рука,
 То какъ бессмертное созданье
 Переживетъ оно вѣка?
 Его и время пощадило,
 Оно не рушится отъ лѣтъ;
 Богъ вѣчнымъ пламенемъ согрѣтъ,
 Въ немъ та божественная сила,
 Которую зажегъ рѣзецъ
 И ты, невѣдомый творецъ.

CLXIV.

Но гдѣ жь герой мой? Не пора ли
 Его въ разсказъ ввести опять?
 Нѣтъ, ужь ему теперь не встать.
 Героя нѣтъ. Его печали
 Теперь окончились для насъ.
 Онъ самъ—ни что. О немъ разсказъ
 Мы не начнемъ, какъ прежде, снова:
 Напрасно образа живого
 Искать хотѣли бы мы въ немъ.
 Исчезнулъ онъ какъ сновидѣнье,
 И унесло своимъ крыломъ
 Его изъ міра разрушенье
 И разрушеньемъ этимъ онъ
 Въ пучину бездны погружонъ,

CLXV.

Гдѣ погибаетъ безвозвратно
 Все то, что въ свѣтѣ намъ дано,
 Чѣмъ доля жизни намъ пріятна.
 Той страшной безднѣ суждено
 Смущать насъ тьмой и облаками.
 Они становятся межъ нами
 И свѣтлымъ прошлымъ каждый разъ,
 И такъ идетъ за часомъ часъ,
 И слава въ этой тьмѣ блѣднѣетъ,
 Теряетъ свой блестящій видъ
 И точно сумерки глядитъ,
 Темнѣе ночи тяготѣетъ
 И, безпокою каждый взоръ,
 Родитъ сомнѣнье и укоръ,

CLXVI.

И всѣхъ насъ въ пропасть посылаетъ
 Пытать судьбу и узнавать,
 Что насъ за гробомъ ожидаетъ,
 И о величїи мечтать
 И съ суетой своей теряться...
 Вотъ въ чемъ должны мы убѣждаться!
 Былой намъ жизни не вернуть:
 Однажды только носить грудь
 Всѣ муки сердца и страданья,
 И не забьется больше вновь
 Людское сердце... смёрзнетъ кровь,
 Уснутъ безплодные желанья...
 Мы жить не будемъ никогда,
 Какъ жили въ прежніе года.

CLXVII.

Но, чу! изъ бездны крикъ раздался, ⁴⁰
 Протяжный и ужасный звукъ,
 Какъ-будто кровью обливался
 Народъ, истерзанный отъ мукъ;
 Среди тьмы и бури разверзалась
 Земля и грозно поднималась
 За тѣнью тѣнь. Вотъ призракъ всталъ.
 То — королева. Не блистала
 На ней вѣнецъ; она стояла
 Съ печалью матери въ глазахъ —
 Блѣдна, прекрасна — и въ слезахъ
 Ребѣнка къ сердцу прижимала.
 Увы! напрасно стала мать
 Къ груди ребѣнка прижимать!...

CLXVIII.

Надежда націй, не-уже-ли
 Тебя ужь нѣтъ? ты умерла?
 Зачѣмъ же смерть *тебя* взяла,
 Какъ-будто нѣтъ иной ей цѣли?
 Однажды въ полночь, послѣ мукъ,
 Ребѣнка не спуская съ рукъ,
 Ты съ сердцемъ, обагренымъ кровью,
 Склонилась тихо къ изголовью
 И въ этой жизни умерла,
 Съ собой всѣ скорби унесла.
 Когда же ты закрыла вѣжды —
 Съ тобой исчезли всѣ надежды,
 Которымъ вѣрить былъ готовъ
 Народъ имперскихъ острововъ.

CLXIX.

Крестьянки, ставши матерями,
 Здоровый принимаютъ видъ;
 А ты, которая блеститъ
 Звѣздой межъ всѣми королями,
 Ты въ полномъ блескѣ умерла,
 Хоть обожаема была,
 Была любимицей народа...
 Тебя оплакала свобода.
 А ты, убитый горемъ мужъ!⁴¹
 Несчастный принцъ одинъ остался.
 Скажи же намъ теперь: къ чему жь
 Такъ не надолго съ ней вѣнчался?
 Лишь на годъ ты надѣлъ вѣнецъ
 Ребѣнка мертваго отецъ!...

CLXX.

Костюмъ твой брачный — власяница.
 Ребѣнку твоему дана
 Не люлька дѣтская — гробница...
 Почила чудная жена!...
 Мы ей ввѣряли наши силы
 И нашу славу и умы,
 И дѣтямъ завѣщали мы
 Ей вѣрить до дверей могилы,
 И тѣмъ, кто будетъ ей рождѣнь...
 Для насъ надежды этой сонъ,
 Какъ пастуху въ степи безводной,
 Выходилъ звѣздою путеводной;
 Но этотъ лучъ для насъ исчезъ,
 Какъ метеоръ среди небесъ.

CLXXI.

Такъ будемъ сожалѣть съ тоскою,
 Но не о ней, а о себѣ...
 Она, покорная судьбѣ,
 Въ могилѣ ввѣрилась покою...
 Быть можетъ, дерзкій приговоръ,
 Языкъ измѣны, судъ спѣсивый,
 Оракуль мстительный и лживый,
 Который съ давнихъ уже поръ,
 Какъ звукъ могильный, раздавался
 Надъ головою королей,
 Пока, уставшій отъ скорбей,
 Народъ за мечъ свой не хватался —
 Капризъ судьбы въ единый мигъ
 Въ прахъ низвергающій владыкъ — ⁴²

CLXXII.

Вотъ все, что послѣ, можетъ статься,
 Ее въ вѣкахъ грядущихъ ждѣть.
 Но можно ль съ этимъ соглашаться?
 Ты, такъ любимшая народъ,
 Такъ молода и такъ прекрасна!
 Жена и мать и... все напрасно!...
 Теперь сковался твой языкъ.
 О! сколько было въ смертный мигъ
 Сердечъ убито сожалѣньемъ:
 Отъ сердца мужа до сердецъ
 Всѣхъ подданныхъ!.. Да, твой конецъ
 Пронесся вокругъ землетрясеньемъ
 Въ странъ, которая тебя
 Тогда оплакала, любя... ⁴³

CLXXIII.

Вотъ Немп, ⁴⁴ скрыто межъ холмами
 Такъ далеко, что ураганъ,
 Дубъ вырывающій съ корнями
 И поднимавшій океанъ
 Съ грозой до самыхъ тучъ небесныхъ,
 Не возмущаетъ струй прелестныхъ. —
 И тихо озеро стоитъ
 И холоденъ, спокоенъ видъ,
 Какъ назрѣвающая злоба.
 Оно свернулось какъ въ клубокъ
 И спитъ, и этотъ сонъ глубокъ,
 Подобно темной ночи гроба.
 Такъ спитъ ужасная змѣя
 Отраву страшную тая.

CLXXIV.

Въ долину́ рядомъ — блескъ Альбано;⁴⁵
 Тамъ Тибра плещется волна,
 Тамъ блещетъ лоно океана,
 А здѣсь троянская война
 Въ стихахъ поэта возгоралась:⁴⁶
 Она надъ Римомъ зажигалась
 Звѣздой побѣдной; здѣсь лежатъ
 Останки Туллія; тамъ рядъ
 Высокихъ горъ — и полукругомъ
 Они капризно облегли
 Ту часть извѣстную земли,
 Гдѣ въ фермѣ, предъ зеленымъ лугомъ,
 Когда-то отдыхалъ поэтъ,⁴⁷
 Пѣвецъ давно минувшихъ лѣтъ.

CLXXV.

Мой пилигримъ дошелъ до цѣли:
 Должны разстаться я и онъ;
 Мы все сказали, что хотѣли;
 Послѣдній взоръ нашъ устремленъ
 Впередъ надъ Средиземнымъ моремъ.
 Мы гулу моря вмѣстѣ вторимъ,
 И здѣсь, съ вершинъ Альбанскихъ скалъ
 Глядимъ, какъ плещетъ бѣлый валъ.
 Вотъ океанъ, нашъ другъ любимый!
 За нимъ слѣдили долго мы
 До мѣстъ, гдѣ выросталъ изъ тьмы
 Эвксинъ, для глазъ неувловимый
 Гдѣ и прозрачна и сильна
 Взбѣгала на берегъ волна.

CLXXVI.

Мы оба вмѣстѣ долго жили,
 Хотя немного этихъ лѣтъ.
 Печать страданья сохранили
 И онъ и я, но все же свѣтъ
 Мы исходили съ нимъ не даромъ
 И наслажденье съ новымъ жаромъ
 Вкушать умѣли на землѣ;
 Насъ грѣло солнце въ темной мглѣ,
 Изъ нѣдръ земли и съ дна морского
 Мы брали радости одни,
 Безъ бурь бѣжали наши дни,
 Какъ-будто бы никто сурово
 Не могъ тѣхъ радостей смутить,
 Не могъ насъ горемъ подарить...

CLXXVII.

О! почему въ глухой пустынѣ
 Съ прекрасной женщиной вдвоёмъ
 Я не могу укрыться нынѣ,
 Забывъ людей съ земнымъ ихъ зломъ?
 Стихи! вы одушевляли
 Меня когда-то въ старину —
 Хотя бы вы мнѣ это дали:
 Уединенье и жену.
 Созданья милыя! едва ли
 На свѣтѣ я не встрѣчу васъ;
 Хоть рѣдко въ жизни, только разъ,
 Но вы предъ смертными мелькали,
 Хоть изрѣдка, но средь земли
 Являться всё же вы могли.

CLXXVIII.

Въ лѣсахъ есть много наслажденья,
 Какъ на пустынныхъ берегахъ;
 Есть музыка и упоенье
 Въ морскомъ прибоѣ и валахъ;
 Привязанъ сильно я къ народу —
 Но больше я люблю природу
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ я ее узналъ.
 Чѣмъ я былъ прежде и чѣмъ сталъ —
 Она сказала мнѣ, и съ нею
 Я всѣми чувствами слился,
 Ей всей душою отдался;
 Хоть чувства выразить не смѣю,
 Хоть не умѣю передать,
 Но не могу о нихъ молчать.

CLXXIX.

Бѣгите жь волны океана!
 Васъ бороздили корабли
 И человѣкъ — гроза земли —
 Робѣлъ предъ вами: громъ, бураны,
 Крушенье гордыхъ кораблей —
 Вотъ чѣмъ встрѣчали вы людей!
 И человѣкъ, какъ капля въ морѣ,
 Терялся въ водяномъ просторѣ,
 Въ волнахъ безслѣдно пропадалъ,
 Потративъ бесполезно силы,
 И въ океанѣ умиралъ
 Безъ погребенья, безъ могилы,
 Безъ скорбныхъ почестей земли,
 Отъ милой родины въ дали.

CLXXX.

Слѣдовъ онъ въ морѣ не оставитъ,
 Твоимъ волнамъ не страшенъ онъ,
 Твоей пустыней онъ не правитъ
 И гнѣвъ его морямъ смѣшонъ.
 Его тѣ волны презираютъ
 И къ облакамъ, порой, бросаютъ
 Иль вдругъ уносятъ къ берегамъ,
 Къ его пенатамъ и богамъ,
 Несутъ до перваго залива
 И выкинуть холодный трупъ
 Тамъ, на какой-нибудь уступъ,
 Гдѣ онъ погибнетъ молчаливо
 Среди всеобщей тишины
 Капризной жертвою волны.

CLXXXI.

Вооруженій грозныхъ флоты,
 Бичи для стѣнъ и городовъ,
 Вы, повергавшіе въ заботы
 И властелиновъ и рабовъ,
 Вы, ужасающіе страны,
 Въ стальной бронѣ Левіаѳаны,
 Хоть вашей славой міръ весь полнъ —
 Вы — лишь игрушки этихъ волнъ,
 Вы таете въ морскомъ просторѣ,
 Какъ снѣгъ, упавшій съ облаковъ,
 И сила грозная валовъ
 Равно страшна въ глубокомъ морѣ
 Для легкихъ лодокъ рыбаей
 И для громадныхъ кораблей.

CLXXXII.

Вкругъ государства погибали...
 Аѳины, Римъ и Карфагенъ!
 Ихъ волны моря омывали
 Во дни свободы, въ дни измѣнъ,
 Во дни владычества тирана.
 Ихъ царства пали навсегда,
 Лишь только волны океана
 Бѣгутъ, какъ въ прошлые года.
 О океанъ! ты не старѣешь,
 Ты такъ же юнъ до нашихъ лѣтъ —
 Съ тѣхъ дней, когда былъ созданъ свѣтъ,
 Ты неизмѣнный видъ имѣешь,
 Какъ вѣчность постоянно строгъ,
 Какъ вѣчность самая — глубокъ.

CLXXXIII.

Въ тебѣ, какъ въ зеркалѣ, мелькаетъ
 Ликъ всемогущаго Творца.
 Всегда — гроза ль съ тобой играетъ
 Иль дуетъ вѣтеръ безъ конца,
 Въ полярной стужѣ, въ странахъ знойныхъ,
 Не видя береговъ спокойныхъ,
 Ты безконеченъ и великъ,
 Великолѣпенъ, гордъ и дикъ.
 На днѣ твоємъ явились гады
 И безднѣ ужасныхъ чудеса,
 И всѣ земные пояса
 Передъ тобой смириться рады...
 Таинственъ, страшенъ и угрюмъ
 Бѣжишь ты, полный грозныхъ думъ.

CLXXXIV.

Сжился я съ дѣтства съ океаномъ;
 Я съ дѣтства ранняго мечталъ
 Подъ раннимъ утреннимъ туманомъ
 Тебѣ' отдаться, бѣлый валъ;
 Съ прибоемъ волнъ твоихъ порою,
 Любилъ шалить я; ихъ игрою,
 Подчасъ опасной, несмушонъ,
 Глоталъ я жадно моря стонъ.
 Я былъ дитѣй твоимъ, казалось,
 Я довѣрялъ твоимъ волнамъ,
 На гриву волнъ, игравшихъ тамъ,
 Я руку клалъ и мнѣ случалось,
 Какъ и теперь, то повторять.
 И морю жребій свой ввѣрять.

CLXXXV.

Я кончилъ. Пѣснь моя смолкаетъ.
 Пора разрушить призракъ сновъ.
 Мой факелъ вновь не зажигаетъ
 Полночной лампы. Трудъ готовъ.
 Онъ могъ быть лучше, но, къ несчастью,
 Я ужь не тотъ; подобно счастью
 Мечты неясны для меня,
 И въ жилахъ нѣтъ того огня
 И нѣтъ былого вдохновенья
 И пламя прежнее едва
 Хранить безцѣльно голова;
 Оно — безъ всякаго движенья
 Бросаетъ трепетный лишь свѣтъ:
 Чѣмъ прежде былъ — того ужь нѣтъ.

CLXXXVI.

Прости! Вотъ слово на прощанье:
Близка разлука. Пилигримъ,
Окончивъ длинное сказанье
Здѣсь шлётъ «прости» друзьямъ своимъ.
Когда въ ихъ памяти осталось
Хоть что-нибудь что имъ сказалось —
Онъ радъ, что въ руки посохъ бралъ
И длинный путь свой начиналъ.
Простите! Пусть несетъ страданья
Онъ въ сердцѣ, гдѣ живетъ печаль,
А вамъ оставилъ онъ мораль—
Мораль отъ этого сказанья:
Съ его моралью, можетъ быть;
Вамъ будетъ легче въ мѣрѣ жить.

Д. Минаевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДУ».

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

¹⁾ Лэди Шарлоттѣ Гарлей, второй дочери графа Эдуарда Оксфорда (въ настоящее время лэди Шарлоттѣ Бэконъ), осенью 1812 года, когда эти стихи были ей посвящены, не было еще и одиннадцати лѣтъ.

²⁾ Лордъ Байронъ вначалѣ намѣревался посѣтить Индію.

³⁾ Этотъ маленькій пажъ былъ Робертъ Рѣштонъ, сынъ одного изъ фермеровъ лорда Байрона. «Я беру Роберта съ собою», говоритъ поэтъ въ одномъ изъ писемъ къ матери. «Я люблю его, потому-что, какъ мнѣ кажется, онъ такое же покинутое созданье, какъ и я».

⁴⁾ Видя, что этотъ ребѣнокъ такъ печалится о разлукѣ съ родными, лордъ Байронъ, прибывъ въ Гибралтаръ, отправилъ его обратно въ Англію, въ сопровожденіи своего стараго слуги Мёррея (Murray). «Прошу васъ», пишетъ онъ къ матери, «будьте добры къ этому ребѣнку: онъ мой фаворитъ». Онъ также написалъ письмо къ отцу мальчика, свидѣтельствующее о его добротѣ и внимательности. «Я отослалъ», говоритъ онъ, «Роберта въ Англію, потому-что страна, по которой мнѣ придется путешествовать, не совсѣмъ безопасна, особенно же для ребѣнка его лѣтъ. Я позволяю вамъ сбавить съ ежегодной арендной платы 25 фунт. стерл. съ тѣмъ, чтобы употреблять ихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ на его воспитаніе, если только я не возвращусь до того времени. Я желаю, чтобы

онъ считался у меня на службѣ. Онъ велъ себя очень хорошо».

5) Уильямъ Флетчеръ, вѣрный слуга Байрона. Послѣ двадцатилѣтней службы, во время которой, по его словамъ, Байронъ былъ для него болѣе чѣмъ отецъ, онъ принялъ послѣдній вздохъ «странника» въ Миссолонги, и не ранѣе покинулъ его прахъ, какъ увидѣвъ его поставленнымъ въ фамильномъ склепѣ въ Гекнеллѣ. Этотъ слуга, полный простодушія, служилъ своему господину предметомъ для постоянныхъ шутокъ. «Флетчеръ», говоритъ Байронъ въ одномъ изъ писемъ къ матери, «далеко не изъ храбровцовъ. Онъ нуждается въ разныхъ удобствахъ, безъ которыхъ я самъ легко могу обойтись. Онъ вздыхаетъ и о пивѣ, и о говядинѣ, и о чаѣ, и о женѣ, и чортъ знаетъ о чемъ еще! Однажды мы заблудились во время бури, въ другой разъ, мы чуть-чуть-было не потерпѣли кораблекрушеніе; въ обоихъ случаяхъ онъ совершенно растерялся: въ первый разъ отъ опасенія голодной смерти и разбойниковъ, а во второй — отъ боязни пойти на дно. Отъ молніи ли, или отъ слезъ — не знаю отъ которой изъ этихъ двухъ причинъ—его глаза сильно покраснѣлись. Я сдѣлалъ все отъ меня зависѣвшее, чтобы его утѣшить, но онъ оказался неисправимъ. Онъ посылаетъ шесть вздоховъ Салли. Я ему дамъ ферму, потому-что онъ служилъ мнѣ вѣрно, а Салли добрая женщина». Послѣ всѣхъ приключеній на сушѣ и на морѣ, какъ небольшихъ, такъ и значительныхъ, этотъ скромный Ахатъ нашего поэта открылъ лавку съѣстныхъ припасовъ въ Чарльзъ-Стритѣ, что у Берkeley-Сквера. Если дѣла его и не въ цвѣтущемъ состояніи, то, по мнѣнію всѣхъ знающихъ его, это вовсе не потому, чтобы онъ того не заслуживалъ.

6) «Какъ бы въ вознагражденіе за всю грязь Лиссабона и его жителей еще болѣе грязныхъ, деревня Цинтра, лежащая миляхъ въ 15 отъ столицы, представляетъ, быть можетъ, во всѣхъ отношеніяхъ прелестнѣйшее мѣсто во всей Европѣ. Оно соединяетъ въ себѣ всевозможныя красоты, какъ природныя, такъ и искусственныя: дворцы и сады, возвышающіеся среди скалъ, водопадовъ и пропастей,

монастыри, построенные на страшныхъ высотахъ, и далекій видъ на море и на Таго. Это мѣсто соединяетъ въ себѣ всю дикость западной Шотландіи и всю свѣжесть растительности южной Франціи». *Л. Байронъ къ матери, 1809.*

7) «Извѣстно, что въ 1809 году португальцы въ Лиссабонѣ и окрестностяхъ, не довольствуясь убіеніемъ своихъ соотечественниковъ, ежедневно убивали англичанъ. За это не только не получалось никакого удовлетворенія, но насъ даже просили не вмѣшиваться, когда кто-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ подвергался нападенію нашихъ союзниковъ. Однажды вечеромъ, отправляясь въ театръ, на меня было сдѣлано нападеніе въ такое время, когда еще на улицахъ ходитъ народъ и, притомъ, передъ открытой лавкой. Я былъ въ каретѣ съ однимъ пріятелемъ; къ счастью, мы были вооружены, иначе намъ пришлось бы сдѣлаться предметомъ разсказа, вмѣсто того, чтобы передавать его самимъ. Убійства не ограничиваются одной Португаліей: въ Сициліи и Мальтѣ не проходитъ ночи, чтобы не разможили голову хоть одному англичанину, и ни одинъ сициліецъ и мальтіецъ не бываетъ за это наказанъ». *Байронъ.*

8) «Vathek (говоритъ лордъ Байронъ въ одномъ изъ своихъ дневниковъ) есть названіе повѣсти, которая восхищала меня въ молодости. По красотѣ описаній и силѣ воображенія она превосходитъ всѣ европейскія подражанія и отличается такой оригинальностью, что всѣ, бывавшіе на Востокъ, съ трудомъ вѣрятъ, что это не болѣе какъ переводъ».

9) Цинтрская конвенція была подписана въ замкѣ маркиза Маріальвы.

10) «Пробывъ 10 дней въ Лиссабонѣ, мы отослали нашъ багажъ и часть нашей прислуги моремъ въ Гибралтаръ, а сами отправились верхомъ въ Севилью. Это составитъ около 400 миль. Лошади были отличныя: мы дѣлали ежедневно 70 миль. Яица, вино и жесткая постель — вотъ весь комфортъ, который мы находили; впрочемъ, при страшной жарѣ этого было совершенно достаточно». *Байронъ.*

11) Пространство, занимаемое Мафрой, огромно; этотъ

городъ заключаетъ въ себѣ дворець, монастырь и великолѣпную церковь. Ея шесть органовъ самыя лучшіе, которые я когда-либо видѣлъ. Мы ихъ не слышали, но намъ говорили, что звукъ ихъ равняется ихъ великолѣпной отдѣлкѣ. «Въ десяти миляхъ отъ Цинтры», говоритъ лордъ Байронъ въ одномъ изъ писемъ къ своей матери, «лежитъ замокъ Мафра — гордость Португаліи въ отношеніи великолѣпія, которое, однако же, лишено всякаго вкуса. Къ нему примыкаетъ монастырь; монахи, пользующіеся огромными доходами, довольно вѣжливы и понимаютъ полатини. Я долго разговаривалъ съ ними». Мафра была построена Іоанномъ V вслѣдствіе даннаго имъ обѣта, во время опасной болѣзни, основать монастырь въ пользу бѣднѣйшей братіи королевства. Разыскивая повсюду самую бѣдную братію, наконецъ нашли ее въ Мафрѣ, гдѣ 12 францисканцевъ жили вмѣстѣ въ одной хижинѣ.

¹²⁾ Впослѣдствіи королева сошла съ ума и, несмотря на всѣ усилія доктора Уиллиса, уже никогда не могла поправиться. Она умерла въ Бразиліи въ 1816 году.

¹³⁾ «Какими я нашелъ португальцевъ, такими я и описалъ ихъ. Съ-тѣхъ-поръ они сдѣлали успѣхи, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи храбрости. Послѣдніе подвиги герцога Веллингтона смыли съ Цинтры ея пошлости. Онъ дѣйствительно совершилъ чудеса: ему, быть можетъ, должно приписать измѣненіе національнаго характера, уничтоженіе предразсудковъ между соперниками и побѣду надъ непріателемъ, никогда неотступавшимъ передъ его предшественниками.» *Байронъ*.

¹⁴⁾ «Кава — дочь графа Юліана, Елена Испаніи. Пелагъ сохранилъ свою независимость въ горахъ Астуріи, и, нѣсколько вѣковъ спустя, потомки его сподвижниковъ окончили борьбу побѣдою надъ Гренадою». *Вальтеръ-Скоттъ*.

¹⁵⁾ Эта строфа не находится въ манускриптѣ. Она была написана въ Ньюстедѣ, въ августѣ 1811 года, нѣсколько времени спустя послѣ битвы при Альбуерѣ, которая сдѣлалась въ маѣ.

¹⁶⁾ «Въ Севильѣ мы жили у двухъ незамужнихъ испанокъ, которыя пользовались хорошою репутаціею; стар-

шая изъ нихъ была красавица, а младшая очень мила. Свобода нравовъ, столь обыкновенная здѣсь, удивила меня. Впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что степенность не есть отличительная черта испанокъ. Старшая удостоивала вашего недостойнаго сына особеннымъ вниманіемъ, обнимая его съ нѣжностью при прощаньи (я оставался у нихъ всего три дня), отрѣзавъ у него передъ тѣмъ локонъ волосъ и подаривъ ему свой, длиною почти въ три фута, который вамъ посылаю съ просьбою сохранить его до моего пріѣзда. Ея послѣднія слова были: «Addio, tu, hermoso, me gusto mucho!» (Прощай мой красавчикъ, ты мнѣ очень нравишься). *Л. Байронъ къ своей матери. Августъ, 1809.*

¹⁷⁾ Viva el Rey Fernando! (да здравствуетъ король Фердинандъ!) есть припѣвъ бѣльшей части тогдашнихъ патриотическихъ пѣсенъ испанцевъ, направленныхъ большею частью противъ стараго короля Карла, королевы и князя Мира.

¹⁸⁾ Красная кокарда съ именемъ Фердинанда VII посреднѣ.

¹⁹⁾ «Кто видѣлъ батарею, тотъ знаетъ что ядра и бомбы складываются обыкновенно пирамидою. Сьерра Морена была укрѣплена во всѣхъ узкихъ проходахъ, которые я проѣзжалъ на пути въ Севилью.» *Байронъ.*

²⁰⁾ Таковы были подвиги сарагосской дѣвы, неустрашимость которой доставила ей первое мѣсто между героинями. Во время пребыванія автора въ Севильѣ, она каждый день гуляла въ Прадо, украшенная медалями и орденами, пожалованными ей юнтою. Подвиги Августины, знаменитой героини двухъ осадъ Сарагоссы, довольно полно изложены въ одной изъ лучшихъ главъ «Исторіи войны на полуостровѣ» Саутея. Въ то время, когда она въ первый разъ обратила на себя вниманіе, бросившись на батарею, на которой былъ убитъ ея возлюбленный, и занявъ его мѣсто при пушкѣ, ей не было еще 22-хъ лѣтъ, притомъ, она была очень хороша собой и носила во всемъ тотъ отпечатокъ женственности, который для насъ имѣетъ такую прелесть. Вильки написалъ съ нея портретъ. Ворд-

свортъ въ своей диссертациі «О конвенціи», такъ неудачно названной «Конвенціею Цинтры», говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Сарагосса доказала печальную, но тѣмъ не менѣе утѣшительную истину, именно: если нападаютъ на то, что драгоцѣннѣе всего для народа, и онъ видитъ себя вынужденнымъ драться за свою свободу, лучшее поле для битвы — это поле, на которомъ играли его дѣти, комнаты, гдѣ спало его семейство, кровля, которая его укрывала, сады, улицы и площади, алтари храмовъ и развалины жилищъ, пожираемыхъ пламенемъ».

²¹⁾ Эта строфа была написана въ Турціи.

²²⁾ «Длинные черные волосы, черные страстные глаза, стѣтлооливковый цвѣтъ тѣла, граціозныя движенія, непонятныя для англичанина, привыкшаго къ небрежнымъ и вялымъ движеніямъ своихъ женщинъ—все это, вмѣстѣ съ нарядомъ самымъ привлекательнымъ и въ то же время самымъ приличнымъ, дѣлаетъ красоту испанки неотразимою». *Л. Байронъ къ своей матери. Августъ, 1809.*

²³⁾ «Отправляясь въ 1809 году къ дельфійскому фонтану (Кастри), я видѣлъ на Парнасѣ полетъ 12 орловъ (Гобгаузъ увѣряетъ, что это были коршуны) и я понялъ предсказаніе. Наканунѣ я написалъ посланіе къ Парнасу (въ «Чайльдъ-Гарольдѣ») и, увидѣвъ этихъ птицъ, у меня возродилась надежда, что Аполлонъ принялъ мое приношеніе. По-крайней-мѣрѣ я приобрѣлъ имя и славу поэта въ самой поэтической періодъ жизни (между 20-ю и 30-ю годами). Будетъ ли она продолжительна — это другой вопросъ; но я былъ поклонникомъ бога и мѣста, ему посвященнаго. Я благодаренъ ему за все то, что онъ для меня сдѣлалъ, и оставляю мое будущее въ его рукахъ, какъ оставляю прошедшее». *Дневникъ Байрона, 1821 года.*

²⁴⁾ «Кадиксъ, прелестный Кадиксъ, пріятнѣйшее мѣсто на свѣтѣ. Красоту его улицъ и зданій превосходитъ развѣ только любезность его жителей. Это совершенный островъ Цитеры, наполненный очаровательнѣйшими женщинами въ Испаніи. Красавицы Кадикса для полуострова то, что для Англій ланкаширскія волшебницы». *Л. Байронъ къ своей матери, 1809.*

25) Здѣсь лордъ Байронъ намекаетъ на смѣшной обычай, бывшій когда-то въ употребленіи въ трактирахъ Гейгэта: этотъ обычай заключался въ томъ, что всѣхъ путешественниковъ средняго класса заставляли произносить смѣшную клятву. Путешественникъ долженъ былъ клясться на двухъ рогахъ: никогда не цаловать служанку, когда можно цаловать хозяйку; никогда не ѣсть чорный хлѣбъ, если можно имѣть бѣлый; никогда не пить легкаго пива, если возможно пить крѣпкое, и тому подобныя клятвы въ томъ же комическомъ родѣ, къ которымъ всегда прибавлялось исключеніе: «если вы только не предпочитаете первое».

26) Въмѣсто этихъ стиховъ, написанныхъ Байрономъ 25 января 1810 года въ Аѣинахъ, въ первомъ изданіи 2-й пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» были помѣщены другіе стихи, которыя мы и помѣщаемъ здѣсь въ переводѣ покойнаго Л. А. Мея:

1.

Не говорите больше мнѣ
 О сѣверной красѣ британки:
 Вы не извѣдали вполнѣ
 Все обаянье кадиксанки.
 Лазури нѣтъ у ней въ очахъ
 И волоса не золотятся;
 Но очи искрятся въ лучахъ
 И съ томнымъ окомъ не сравнятся.

2.

Испанка, словно Прометей,
 Огонь похитила у неба,
 И онъ летитъ изъ глазъ у ней
 Стрѣлами чорными Эреба;
 А кудри — вѣрона крыла:
 Вы бѣ поклялись, что ихъ извивы,
 Волною падая съ чела,
 Цалуютъ шею, дышутъ, живы...

3.

Британки зимне-холодны,
 И если лица ихъ прекрасны,
 За то уста ихъ ледяны
 И на привѣтъ любви безгласны;
 Но юга. пламенная дочь,
 Испанка, рождена для страсти, —
 И чаръ ея не превозмочь,
 И не любить ея — нѣтъ власти.

4.

Въ ней нѣтъ кокетства: ни себя,
 Ни друга лаской не обманеть,
 И ненавидя, и любя,
 Она притворствовать не станеть.
 Ей сердце гордое дано:
 Купить нельзя его за злато,
 Но — неподкупное — оно
 Полюбить надолго и свято.

5.

Ей чуждъ насмѣшливый отказъ;
 Ея мечты, ея желанья —
 Всю страсть, всю преданность на васъ
 Излить въ минуту испытанья.
 Когда въ Испаніи война,
 Испанка трепета не знаетъ,
 А другъ ея убить — она
 Брагамъ за смертьъ копьемъ отмщаетъ.

6.

Когда же, вечеромъ, порхнеть
 Она въ кружокъ веселый танца,
 Или съ гитарой запоеть
 Про битву мавра и испанца,
 Иль чотки нѣжною рукой
 Начнетъ считать, съ огнемъ во взорахъ,
 Иль у вечерни голосъ свой
 Сольетъ съ подругами на хорахъ —

Во всякомъ сердце задрожить,
 Кто на красавицу ни взглянетъ,
 И всёхъ она обворожить
 И сердце взорами приманить...
 Осталось много мнѣ пути,
 И много ждетъ меня приманки;
 Но лучше въ мѣрѣ не найти
 Мнѣ черноокой кадиксанки!

Л. Мей.

²⁷⁾ Намекъ на поведеніе и смерть Солано, губернатора Кадикса, въ маѣ 1809 года.

²⁸⁾ «Война хоть на ножахъ!» Отвѣтъ Палафокса французскому генералу при осадѣ Сарагоссы.

²⁹⁾ «Джонъ Уинфильдъ, офицеръ англійской гвардіи, умершій отъ лихорадки въ Коимбрѣ, 14 мая 1811 года. Я его зналъ 10 лѣтъ, въ лучшую половину его жизни и самую счастливую моей. Въ короткій срокъ одного мѣсяца я лишился той, которой обязанъ существованіемъ, и большей части тѣхъ, которые дѣлали мою жизнь сносною.» *Байронъ.*

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

¹⁾ Часть Акрополи была истреблена взрывомъ порохового магазина во время осады Аѳинъ венеціанцами.

²⁾ Древніе греки не всегда имѣли обыкновеніе сжигать своихъ мертвыхъ; Аяксъ, сынъ Теломона, былъ погребенъ. Бѣольшая часть героевъ дѣлалась богами послѣ своей смерти. Только на могилахъ людей, совершенно ничтожныхъ не устраивали ежегодныхъ игръ или празднествъ въ ихъ память, въ родѣ тѣхъ какія совершались въ честь Ахилла, Бразидаса и даже Антиноя, смерть ко-

того была на столько же геройскою, на сколько жизнь подлою.

3) Лордъ Байронъ написалъ эту строфу въ Ньюстедѣ, въ октябрѣ 1811 года, узнавъ о смерти своего кембриджскаго товарища, молодого Эддльстона.

4) «Мысль и выраженіе этого мѣста» говоритъ профессоръ Кларкъ въ письмѣ къ Байрону, «такъ напоминаютъ стиль и манеру Петрарки, что мнѣ хочется спросить васъ: не читали ли вы слѣдующихъ стиховъ:

Poi quando 'l vero sgombra
 Quel dolce error pur li medesmo assido,
 Me freddo, pietra morta in pietra viva;
 In guisa d'uom chè pensi e piange e scriva.

5) Храмъ Юпитера Олимпійскаго, отъ котораго осталось еще 16 колоннъ изъ цѣльнаго мрамора. Первоначально ихъ было 150. Многіе предполагаютъ, что онѣ прежде принадлежали къ Пантеону.

6) По Зосиму, Минерва и Ахиллъ отдали Аларика отъ Акрополя; по другимъ, этотъ готскій король, сдѣлалъ столько же зла, сколько и шотландскій пэръ. См. *Чандлера*.

7) Сѣти натягиваются для того, чтобъ предохранить палубу корабля отъ падающихъ обломковъ и осколковъ во время битвы.

8) Левкадія — нынѣ Сен-Моръ. Съ вершины его мыса, какъ говоритъ преданіе, Сафо бросилась въ море.

9) Говорятъ, что за день до битвы при Акціумѣ 13 королей окружали Антонія почетомъ. — «Сегодня, 12 ноября, я видѣлъ остатки Акціума, близъ котораго въ маленькомъ заливѣ, едва достаточномъ для маневрированія двухъ нынѣшнихъ фрегатовъ, Антоній лишился владычества надъ свѣтомъ. Въ другой части залива существуютъ еще остатки Никополя, построеннаго Августомъ въ честь его побѣды». *Байронъ къ своей матери, 1809.*

10) Никополь, развалины котораго занимаютъ большое пространство, находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Акціума. Здѣсь еще сохранились остатки стѣнъ Гиппод-

рома. Эти развалины состоятъ изъ весьма сложныхъ работъ, въ которыхъ кирпичи связаны между собой цементомъ почти въ ширину кирпича, не уступающимъ ему въ прочности.

¹¹⁾ Знаменитый Али-Паша.

¹²⁾ Среди скалъ и въ замкѣ Сули 5000 суліотовъ держались въ продолженіе 18 лѣтъ противъ 30,000 албанцевъ. Замокъ, наконецъ, былъ взятъ измѣною, причѣмъ совершены были подвиги, достойные лучшихъ дней Греціи.

¹³⁾ Монастырь и деревня Зитца лежатъ въ четырехъ часахъ пути отъ Янины, столицы пашалыка. Въ долинѣ течетъ рѣка Каламась (прежде Ахеронъ), которая недалеко отъ Зитцы образуетъ красивый водопадъ. Мѣсто это, быть можетъ, лучшее въ Греціи.

¹⁴⁾ Нынѣ называется Каламась.

¹⁵⁾ Въ древности гора Томарусъ.

¹⁷⁾ Эти стансы взяты отчасти изъ разныхъ албанскихъ пѣсенъ, на сколько я могъ ихъ понять на романскомъ и итальянскомъ нарѣчій албанцевъ.

¹⁸⁾ Такъ называется одинъ изъ сыновей Али-Паши.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

¹⁾ Говорятъ, что въ ночь передъ сраженіемъ при Ватерлоо въ Брюсселѣ данъ былъ великолѣпный балъ.

²⁾ Шотландская военная пѣсня.

³⁾ Сэръ Ивенъ Камеронъ и его потомокъ Дональдъ, храбрый Лохіель 1745 года.

⁴⁾ Большая ошибка Наполеона — если наши историки справедливы — состояла въ томъ, что при всякомъ случаѣ онъ показывалъ свое презрѣніе и пренебреженіе къ людямъ. Это часто оскорбляетъ самолюбіе болѣе, чѣмъ жестокость тираніи. Говорятъ, что, возвратившись въ Парижъ послѣ уничтоженія его арміи русской зимой, онъ, потирая руки, воскликнулъ: «здѣсь лучше, чѣмъ въ Мо-

сквѣ». Эта фраза, быть можетъ, оттолкнула отъ него болѣе сердце, чѣмъ всѣ неудачи, которыми онъ объяснял охлажденіе къ себѣ своихъ прежнихъ приверженцовъ.
Байронъ.

5) «Замокъ Драхенфельсъ. Онъ стоитъ на самой возвышенной изъ «Семи горъ», на берегу Рейна; въ настоящее время онъ представляетъ кучу развалинъ и съ нимъ соединено множество странныхъ преданій. Это первый замокъ, попадающійся путнику, идущему отъ Бонна, но онъ лежитъ на противоположномъ берегу рѣки. Почти противъ него, черезъ рѣку, лежатъ развалины другого замка, называемаго замкомъ Жюда, и стоитъ большой крестъ въ память одного изъ владѣльцевъ, убитаго его братомъ и тамъ погребеннаго. Число замковъ и городовъ, лежащихъ на обоихъ берегахъ Рейна, огромно и мѣстоположеніе ихъ необыкновенно живописно.» *Байронъ.*

6) «Памятникъ молодого и всѣми оплакиваемаго генерала Марсо, убитаго пулей при Альткирхенѣ въ послѣдній день 1V года французской революціи, существуетъ еще въ томъ же видѣ, какъ я описалъ его. Генералы и депутація отъ обѣихъ армій присутствовали на его похоронахъ; французы обожали его, враги его любили; какъ тѣ, такъ и другіе плакали надъ его гробомъ. Въ той же самой могилѣ похороненъ генералъ Гошъ (Goshe), человѣкъ храбрый въ полномъ смыслѣ слова.» *Байронъ.*

7) Эренбрейтштейнъ, т. е. «широкій камень чести» — былъ одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Европы; его взорвали французы во время сдачи Леобена. Онъ могъ быть взятъ измѣной или голодомъ и сдался отъ голода при нападении врасплохъ. Генералъ Марсо долго осаждалъ его безъ успѣха.

8) «Капелла, бывшая на этомъ мѣстѣ, уничтожена и пирамида костей значительно уменьшена бургундскимъ легиономъ, которому очень хотѣлось скрыть этотъ памятникъ не очень-то счастливыхъ нашествій своихъ предковъ. Несмотря на всѣ старанія бургундцевъ, костей еще осталось довольно.» *Байронъ.*

9) «Авентикумъ, близъ Мората, былъ столицей римской Гельвеціи. На томъ мѣстѣ теперь Аваншъ.» *Байронъ.*

10) Юлія Альпинула, молодая жрица Авентикума, умерла вскорѣ послѣ напрасной попытки спасти жизнь своего отца, присужденнаго на смерть Ауломъ Цециной за предательство своего отечества.

11) «Это относится къ тому мѣсту въ «Признаніяхъ» Жанъ-Жака Руссо, въ которомъ онъ говоритъ о своей страсти къ графинѣ Удето (Houdetot), любовницѣ Сен-Ламбера и о длинныхъ утреннихъ прогулкахъ съ нею, дѣланныхъ имъ для того, чтобы получать единственный поцалуй, которымъ она дарила его при прощаньи. Описание чувства, охватывавшаго его въ тѣ минуты, можетъ служить образцомъ самой страстной, хотя и цѣломудренной любви, какая только когда-нибудь была выражена словами.» *Байронъ.*

12) Вольтеръ и Гиббонъ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1) Дворецъ дождей соединяется съ венеціанскими тюрьмами мрачнымъ *Мостомъ Вздоховъ* (Ponte dei Sospiri), то есть крытою каменною галереєю, лежащею высоко надъ водой и раздѣленною стѣной на проходъ и келью.

2) Извѣстная пѣсня гондольеровъ, составленная изъ разныхъ стансовъ «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса, умерла вмѣстѣ съ независимостью Венеціи.

3) Такъ отвѣчала мать Бразидаса, лакедемонскаго полководца, тѣмъ, которые передъ нею восхваляли ея сына.

4) Левъ, при своемъ путешествіи въ Парижъ, въ Домъ Инвалидовъ, потерялъ только Евангеліе, бывшее у него подъ одною изъ лапъ, которая теперь сравнялась съ другою.

5) Генриху Дандоло было 85 лѣтъ, когда его избрали, въ 1192 году, дожемъ. Слѣдовательно во время предво-

дительствовація венеціанцами при взятіи Константинополя ему было 97 лѣтъ. Въ эти лѣта онъ присоединилъ три восьмыхъ всей Романіи (такъ называлась тогда Римская имперія) къ титулу и владѣніямъ венеціанскихъ дождей. Эти три восьмыхъ имперіи еще числились въ дипломахъ герцога Джіованни Дольфино, который поименовалъ ихъ въ послѣдній разъ въ 1357 году.

6) Послѣ потери сраженія при Пола и взятія Кіуцы 16 августа 1370 года соединенными флотами генуэзцевъ и Франческо Карарра, владѣтеля Падуи, венеціанцы повержены были въ совершенное отчаяніе. Къ побѣдителямъ посланы были уполномоченные съ бѣлымъ листомъ бумаги и просьбой — написать на немъ какія угодно условія, лишь бы Венеціи оставлена была ея независимость. Франческо Карарра готовъ былъ на это согласиться, но генуэзцы, которые послѣ побѣды при Поло восклицали: «въ Венецію! въ Венецію! да здравствуетъ св. Георгій!» рѣшились уничтожить свою соперницу, и Петръ Доріа, ихъ главнокомандующій, далъ просителямъ слѣдующій отвѣтъ: «Венеціанцы, клянусь всемогущимъ Богомъ — ни владѣтель Падуи, ни наша Генуэзская республика не даруютъ вамъ мира, пока не взнуздаемъ мы необузданныхъ коней, что стоятъ на паперти у вашего евангелиста св. Марка. Когда мы ихъ взнуздаемъ, то заставимъ васъ быть смиренными. Это намѣреніе наше и нашей республики. Что же касается нашихъ братьевъ, генуэзцевъ, которыхъ вы привели съ собою, чтобы отдать ихъ намъ — мнѣ ихъ ненужно; ведите ихъ назадъ: чрезъ нѣсколько дней я буду у васъ и освобожу ихъ вмѣстѣ съ другими изъ вашихъ темницъ».

7) Разказъ этотъ находится въ сочиненіи Плутарха: «Жизнь Ниціаса».

8) Въ «Удольфскихъ тайнствахъ», «Духовидцѣ» «Венеціанскомъ купцѣ» и «Отелло».

9) Тому, кто не видѣлъ восточнаго и итальянскаго неба, описаніе это можетъ показаться фантастическимъ и преувеличеннымъ; тѣмъ не менѣе это вѣрное описаніе видѣннаго мною вечеромъ 18 августа, во время одной изъ моихъ частыхъ прогулокъ по берегамъ Brentы, около Ла-Мира.

10) Вскорѣ послѣ своей неудачной попытки увидѣться съ папою Урбаномъ V въ Римѣ, въ 1370 году, Петрарка возвратился въ Аркуа и, кажется, за исключеніемъ его знаменитой поѣздки въ Венецію, въ сопровожденіи Франческо Новелло да-Карарра; онъ провелъ остальные четыре года своей жизни частью въ этомъ прекрасномъ уединеніи, частью въ Падуѣ.

11) Прежде чѣмъ прахъ Аріосто перенесенъ былъ изъ бенедиктинской церкви въ феррарскую бібліотеку, молнія ударила въ его бюстъ, стоявшій на памятникѣ — и лавровый вѣнокъ, сдѣланный изъ желѣза, расплавился.

12) За исключеніемъ одной или двухъ строкъ, 42 и 43 строфы — есть переводъ знаменитаго сонета Филикаія: «Italia, Italia, o tu cui fea la sorte!»

13) Знаменитое письмо Сервія Сульпиція къ Цицерону, по случаю смерти его дочери, описываетъ дорогу, по которой я часто ѣздилъ во время моихъ морскихъ и сухопутныхъ путешествій по Греціи. Вотъ это описаніе: «На возвратномъ пути изъ Азіи, плывя изъ Егины въ Мегару, я взглянулъ на лежавшую вокругъ меня мѣстность: позади меня была Егина, впереди Мегара, направо — Пирей, налѣво — Коринѣъ. Всѣ эти города, когда-то знаменитые, теперь погребены въ своихъ развалинахъ. Видя это, я не могъ не сказать самому себѣ: «увы! какъ мы, бѣдные смертные, досадуемъ и огорчаемся, когда кто-нибудь изъ нашихъ друзей убитъ или умеръ, хотя ихъ жизнь такъ кратковременна, тогда-какъ развалины столькихъ славныхъ городовъ разомъ поражаютъ взглядъ».

14) Поджіо, глядя на развалины Рима съ Капитолійскаго холма, восклицаетъ: «*Ut nunc omni decore nudata, prostrata jacet, instar gigantei cadaveris corrupti atque undique exesi!*»

15) Въ Santa Croce находятся могилы Маккіавелли, Микель Анджело, Галилея и Альфіери, что дѣлаетъ ее Вестминстерскимъ аббатствомъ Италіи.

16) Альфіери — великое имя нынѣшняго вѣка. Итальянцы, не выждавъ истеченія ста лѣтъ, считаютъ его поэтомъ уже признаннымъ.

17) Пристрастіе къ простотѣ въ надгробныхъ надписяхъ дошло до того, что на могилѣ Маккіавелли не означено ни дня, ни мѣста его рожденія и смерти, ни даже его лѣтъ.

18) Гробница Сципіона Африканскаго старшаго—если онъ и не былъ тамъ погребенъ—находится въ Литернумѣ, куда онъ удалился въ добровольное изгнаніе.

19) Дантъ родился во Флоренціи въ 1261 году. Онъ участвовалъ въ двухъ сраженіяхъ, былъ четырнадцать разъ посланникомъ и разъ пріоромъ республики.

20) Флорентинцы не воспользовались краткимъ пребываніемъ Петрарка въ ихъ городѣ въ 1350 году, чтобы отмѣнить декретъ, по которому было конфисковано имущество отца его, изгнаннаго вскорѣ послѣ Данта.

21) Боккачіо былъ похороненъ въ церкви святыхъ Михаила и Якова, въ Чертальдо, гдѣ, говорятъ, онъ родился.

22) Наше уваженіе къ Медичамъ начинается съ Козьмы и кончается его внукомъ.

23) «Ихъ обоюдное ожесточеніе было такъ велико, сраженіе увлекло ихъ до такой степени, что ни одинъ изъ сражавшихся не замѣтилъ землетрясенія, которое разрушило большую часть итальянскихъ городовъ, перемѣнило направленіе быстрыхъ потоковъ, заставило море течь въ рѣки и ниспровергло самыя горы». Таково описаніе Тита Ливія. Сомнительно, чтобы новѣйшіе тактики допускали подобную разсѣянность.

24) Ни одинъ путеводитель не обходится безъ описанія храма Клитумна, между Фолиньо и Сполетто, и, конечно, нѣтъ мѣстности, даже въ Италіи, болѣе достойной описанія.

25) «Я видѣлъ два раза въ разное время водопадъ del Magno въ Трентѣ: одинъ разъ съ вершины пропасти, другой разъ снизу изъ долины.» *Байронъ*.

26) Конечно, еслибъ не тѣ черты изъ жизни Силлы, которыя описаны въ этихъ строфахъ, на него смотрѣли бы какъ на изверга, несмотря на его великія достоинства. Добровольный отказъ отъ престола долженъ удовлетворить насъ, какъ онъ удовлетворилъ римлянъ, которые непременно убили бы его, когда бъ не уважали. Тутъ не

могло быть двухъ мнѣній; они всѣ должны были думать, какъ Екратъ, что казавшееся честолюбіемъ была любовь къ славъ, а то, что принимали за гордость — настоящее величіе души.

27) 3-го сентября Кромвель выигралъ дюмбарское сраженіе; годъ спустя, въ этотъ самый день онъ получилъ «his crowning mercy», а черезъ нѣсколько лѣтъ, опять въ этотъ самый день, который протекторъ считалъ счастливейшимъ въ своей жизни, онъ умеръ.

28) Вѣроятно, древній Римъ, какъ и новѣйшая Сіена, имѣлъ въ изобиліи изображенія кормилицы своего основателя; но были двѣ волчицы, о которыхъ исторія особенно упоминаетъ.

29) «*Omnes pene veteres; qui nihil cognosci, nihil percipi, nihil sciri posse dixerunt; angustos sensus; inbecillos animos, brevia curricula vitae; in profundo veritatem demersam; opinionibus et institutis omnia teneri; nihil veritati relinque; deinceps omnia tenebris circumfusa esse dixerunt.*» (Academ. 1. 13.) 1800 лѣтъ, истекшіе съ тѣхъ поръ, какъ Цицеронъ это написалъ, не уничтожили чело-вѣческихъ недостатковъ и жалобы древнихъ философовъ могутъ безъ несправедливости быть повторены въ современной поэмѣ.

30) Здѣсь говорится о могилѣ Цециліи Метеллы, находящейся на анпіевой дорогѣ и называющейся *Capo di Bove* (бычачья голова).

31) Авторъ «Жизнеописанія Цицерона», приводя мнѣніе этого оратора и его современниковъ о Британіи, говоритъ: «Читая ихъ насмѣшки надъ варварствомъ и бѣдностью нашего острова, нельзя не подумать объ удивительной судьбѣ и переворотахъ государствъ. Римъ, когда-то господствовавшій надъ свѣтомъ, средоточіе искусствъ, могущества и славы, погрязъ теперь въ лѣни, невѣжествѣ и нищетѣ, поработенный самымъ жестокимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣннымъ тиранствомъ, суевѣріемъ и религіознымъ обманомъ, тогда какъ эта отдаленная страна, прежде презираемая римлянами, сдѣлалась въ настоящее время счастливой страной свободы, довольства и науки, гдѣ про-

цвѣтають всё утонченности цивилизованной жизни, но которая, быть можетъ, идетъ по той же дорогѣ, какъ и Римъ: отъ честнаго труда къ богатству, отъ богатства къ попоранію власти и испорченности нравовъ, пока, такимъ образомъ, сама подготавливая свое распаденіе, она не сдѣлается наконецъ добычею какого-нибудь тирана и, съ потерей свободы потерявъ все драгоцѣнное, постепенно возвратится къ прежнему варварству.

32) Надъ колонной Траяна возвышается св. Петръ, а надъ колонной Авреліа — св. Павель.

33) Вошло въ пословицу, что Траянъ былъ лучшій изъ римскихъ императоровъ.

34) Имя и подвиги Ріенци должны быть знакомы тѣмъ, кто читалъ Гиббона.

35) Несмотря на разграбленіе всёхъ мѣдныхъ украшеній (за исключеніемъ кольца), на частые пожары и наводненія, ни одинъ памятникъ, одинаковой съ нимъ древности, не сохранился такъ хорошо.

36) Пантеонъ сдѣлалъ хранилищемъ бюстовъ новѣйшихъ великихъ или, по крайней мѣрѣ, замѣчательныхъ людей. Потокъ свѣта, который черезъ широкое отверстіе сверху падалъ прежде на цѣлый рядъ боговъ, теперь освѣщаетъ многочисленное собраніе смертныхъ, изъ которыхъ одинъ или два были почти боготворимы своими соотечественниками.

37) Въ этой строфѣ и въ трехъ слѣдующихъ говорится о римской дочери, исторія которой приходитъ на память путешественнику при посѣщеніи предполагаемаго мѣста этого происшествія, то-есть церкви св. Николая in carcere. Впрочемъ, достовѣрность этой исторіи весьма сомнительна.

38) Замокъ Св. Ангела.

39) Эта строфа и шесть слѣдующихъ относятся къ церкви св. Петра.

40) Въ этой и слѣдующихъ строфахъ говорится о принцессѣ Шарлоттѣ, дочери короля англійскаго.

41) Принцъ саксенъ-кобургскій.

42) Марія Стюартъ умерла на эшафотѣ. Елисавета — съ разбитымъ сердцемъ, Карлъ V — отшельникомъ, Лудо-

викъ XIV—банкротомъ въ средствахъ и славѣ, Кромвель—отъ ужаса; «недостаеъ величайшаго»: Наполеонъ живетъ въ плѣну. Къ этимъ монархамъ можно было бы прибавить длинный, но излишній списокъ лицъ, одинаково знаменитыхъ и несчастныхъ.

⁴³⁾ «Смерть принцессы Шарлотты была даже здѣсь (въ Венеціи) сильнымъ ударомъ, а Англія была ею, вѣроятно, потрясена до основанія. Судьба этой бѣдной женщины во всѣхъ отношеніяхъ печальна. Умереть 22-хъ лѣтъ отъ родовъ и, притомъ, сына, принцессѣ и будущей королевѣ въ то время, когда она только-что начинала быть счастливой и наслаждаться жизнью и надеждами, которыя на нее возлагали!... Мнѣ очень жаль ее во всѣхъ отношеніяхъ». *Письмо Байрона.*

⁴⁴⁾ Деревня Неми была недалеко отъ убѣжища Эгеріи, и — отъ тѣни, бросаемой на храмъ Діаны — до-сихъ-поръ сохранила названіе рощи. Неми на разстояніи небольшой прогулки отъ удобной гостиницы Альбано.

⁴⁵⁾ Ничего не можетъ быть прекраснѣй отлогостей Альбанскихъ горъ, съ возвышеннѣйшей точки которыхъ — изъ монастыря, бывшаго храма Юпитера, — видно все, что описано въ этой строфѣ.

⁴⁶⁾ Arma virumque, и т. д. («Энеида» Виргилія.)

⁴⁷⁾ Горацій.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ ИЗЪ «ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА.»

---

1. Д. МИНАЕВА. (Чайльдъ-Гарольдъ, поэма Байрона). «Русское Слово», 1864, №№ 1, 3, 5 и 10, отд. I, стр. 79, 1, 86 и 213. *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, съ приобщеніемъ предисловія и примѣчаній.*

Кромѣ этого полнаго перевода «Чайльдъ-Гарольда», мы имѣемъ еще тридцать-пять отрывковъ изъ названной поэмы, не считая двухъ отрывковъ, помѣщенныхъ г. Минаевымъ, до напечатанія полнаго своего перевода, въ газетѣ «Русь» (1864, № 2, стр. 27) и въ «Модномъ Магази́нѣ» (1864, № 19, стр. 289). Вотъ они:

2. К. БАТЮШКОВА. (Элегія, безъ означенія, что переводъ изъ Байрона). «Сочиненія въ Прозѣ и Стихахъ К. Батюшкова», изд. II, 1834, ч. II, стр. 74. Перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ его сочиненій. Пѣснь IV, строфа 178.

ЭЛЕГІЯ.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
 Есть радость на приморскомъ брегѣ
 И есть гармонія въ семь говорѣ валовъ,
 Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
 Я ближняго люблю — но ты, природа-мать,
 Для сердца ты всего дороже!
 Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
 И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
 И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
 Тобою въ чувствахъ оживаю:
 Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
 И какъ молчать о нихъ — не знаю.

Е. Батюшковъ.

З. А. Пушкина. (Элегія, безъ означенія,
 что подражаніе Байрону). «Сынъ Отечества»,
 1820, ч. 65, № 46, стр. 271. Перепечатано во
 всѣхъ изданіяхъ «Сочиненій А. Пушкина».

ЭЛЕГІЯ.

Погасло дневное свѣтило;
 На море синее вечерній палъ туманъ.
 Шумы, шумы, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной угрюмый океанъ!
 Я вижу берегъ отдаленный,
 Земли полуденной волшебные края:
 Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
 Воспомианьемъ упоенный...
 И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;

Душа кипитъ и замираетъ;
 Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
 Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
 И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
 Желаній и надеждъ томительный обманъ...

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной угрюмый океанъ!
 Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ,
 По грозной прихоти обманчивыхъ морей,

Но только не къ берегамъ печальнымъ
 Туманной родины моей,
 Страны, гдѣ пламенемъ страстей
 Впервые чувства разгорались,

Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
 Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
 Моя потерянная младость,

Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное страданью предала.

Искатель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ, отечески края,
 Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,

Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой —
 И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
 Подруги тайныя моей весны златыя —
 И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
 Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной угрюмый океанъ!

4. И. Козлова. (Добрая ночь, изъ Байрона). «Сѣверные Цвѣты», 1825, стр. 269—273. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній И. Козлова». Пѣснь I, стансы, помѣщенные въ оригиналѣ вслѣдъ за XIII строфою.

ДОБРАЯ НОЧЬ.

Прости, прости, мой край родной!
 Ужь скрылся ты въ волнахъ;
 Косатка вѣтса, вѣтръ ночной
 Играетъ въ парусахъ.
 Ужь тонуть огненны лучи
 Въ бездонной синевѣ...
 Мой край родной, прости, прости!
 Ночь добрая тебѣ?

Проснѣтся день; его краса
 Утѣшитъ божій свѣтъ:
 Увижу море, небеса —
 А родины ужь нѣтъ!
 Отцовскій домъ покинулъ я;
 Травой онъ заростѣтъ;
 Собака вѣрная моя
 Быть станетъ у воротъ.

Ко мнѣ, ко мнѣ, мой пажъ молодой!
 Но ты дрожишь какъ листь?
 Иль страшень ревъ волны морской?
 Иль вѣтра буйный свистъ?

Не плачь: корабль мой новъ; плыву
 Ужь я не въ первый разъ;
 И быстрый соколъ налету
 Не перегонить насъ.

«Не буйный вѣтръ страшитъ меня,
 Не шумъ угрюмыхъ волнъ;
 Но не дивись, сэръ Чайльдъ, что я
 Тоски сердечной полнъ!
 Прощаться грустно было мнѣ
 Съ родимою, съ отцомъ...
 Теперь надежда вся въ тебѣ
 И въ другѣ... неземномъ.

«Не скрылъ отецъ тоски своей,
 Какъ сталъ благословлять;
 Но доля матери моей —
 День плакать, ночь не спать».
 Ты правъ, ты правъ, мой пажъ молодой!
 Какъ смѣть винить тебя?
 Съ твоей невинной простотой,
 Ахъ, плакалъ бы и я!

Но вотъ и кормщикъ мой сидитъ
 Весь полонъ черныхъ думъ.
 Иль буйный вѣтръ тебя страшитъ?
 Иль моря грозный шумъ?
 «Сэръ Чайльдъ, не робокъ я душой,
 Не умереть боюсь;
 Но я съ дѣтьми, но я съ женой
 Впервые расстаюсь!

«Проснутъ завтра на зарѣ

И дѣти, и жена;

Малютки спросятъ обо мнѣ —

И всплачется она!»

Ты правъ, ты правъ! И какъ пѣнять,

Мой добрый удалецъ?

Тебѣ нельзя не горевать:

И мужъ ты, и отецъ!

Но я... Ахъ! трудно вѣрить мнѣ

Слезамъ прелестныхъ глазъ!

Любовью новою онѣ

Осушатся безъ насъ.

Лишь тѣмъ однимъ терзаюсь я,

Не въ силахъ то забыть,

Что нѣтъ на свѣтѣ у меня,

О комъ бы потужить!

И вотъ на тѣмныхъ я волнахъ

Одинъ, одинъ съ тоской...

И кто же, кто по мнѣ въ слезахъ

Теперь въ странѣ родной?

Что жъ рваться мнѣ, жалѣть кого?

Я сердцемъ опустѣлъ,

И безъ надеждъ, и безъ всего,

Что помнитъ я хотѣлъ.

О мой корабль! съ тобой я радъ

Носиться по волнамъ;

Лишь не плыви со мной назадъ

Къ родимымъ берегамъ!

Далёко на скалахъ, въ степи
 Пріють сыщу себѣ;
 А ты, о родина! прости—
 Ночь добрая тебѣ!

И. Козловъ.

5. Н. Маркевича. (Веллино, изъ Байрона.)
 «Московскій Телеграфъ», 1826 ч. VIII, отд. II,
 стр. 82 — 84. Перепечатано въ «Стихотворені-
 яхъ Н. Маркевича» (1829, стр. 42). Пѣснь IV,
 строфы 69 — 72.

6. И. Козлова. (Къ морю, изъ Байрона.)
 «Стихотворенія И. Козлова» (1828), стр. 5.
 Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ его стихотво-
 реній. Пѣснь IV, строфы 178 — 183.

КЪ МОРЮ.

Отрада есть во тьмѣ дѣсовъ дремучихъ;
 Восторгъ живетъ на дикихъ берегахъ:
 Гармонія слышна въ волнахъ кипучихъ,
 И съ моремъ есть бесѣда на скалахъ.
 Мнѣ ближній милъ; но тамъ, въ моихъ мечтахъ,
 Что я теперь, что былъ — позабываю;
 Природу я душою обнимаю,
 Она милѣй; постичь стремлюся я
 Все то, чему нѣтъ словъ, но что тайть нельзя.

Текн, шуми, о море голубое!
 Несметный флотъ ничто твоимъ волнамъ;
 Человѣкъ, губящій все земное,
 Гдѣ твой предѣлъ, уже страшится самъ;

Возстанешь ты — и горе кораблямъ,
 И бичъ земли, путь дерзкій означая
 Бѣдой своей, какъ капля дождевая,
 Идетъ на дно, гдѣ скрытъ его и слѣдъ —
 И онъ не въ саванѣ, не въ гробѣ, не отпѣтъ.

Твои поля злодѣй не завоюетъ;
 Твои стези не для его шаговъ:
 Свободно ты; лишь бездна забушуетъ,
 И тотъ пропасть, кто бъ сушу былъ готовъ
 Поработить. Его до облаковъ,
 Дрожащаго, съ презрѣньемъ ты бросаешь —
 И вдругъ, рѣзвась, въ пучину погружаешь;
 И вопить онъ: гдѣ пристань! О гранить
 Его ударишь ты — и вѣкъ онъ тамъ лежитъ.

Бросающій погибель и оковы,
 Огонь и смерть изъ челюсти своей,
 Рушитель силъ, левіаѳанъ дубовый,
 Гроза твердынь, народовъ и царей —
 Игрушкою бунтующихъ зыбей,
 Исъ тѣмъ, кто въ немъ надмѣнновъ бой летаетъ,
 Кто, бранный самъ, владѣть тобою мечтаетъ.
 Подернуло ты пѣной бурныхъ водъ
 Армаду гордую и трафальгарскій флотъ.

Предѣлъ державъ, твой берегъ измѣнился:
 Гдѣ Греція и Римъ, и Карѳагенъ?
 Свободный, онъ лишь волнъ твоихъ страшился;
 Но, сильныхъ рабъ и жертва перемѣнъ,
 Пришельцевъ здѣсь, тамъ дикихъ носитъ плѣнъ;

Его вездѣ неволя утомила,
 И сколько царствъ въ пустыни изсушила!
 Твоя лазурь, вѣковъ отбросивъ тѣнь,
 Все та жь: млада, чиста, какъ въ первобытный день.

Ты зеркаломъ Всесильному сіяешь;
 Онъ зреть въ тебѣ при буряхъ образъ Свой.
 Струишься ль ты, бунтуешь, иль играешь,
 Гдѣ твердый ледъ, и тамъ, гдѣ пылкій зной,
 Ты, океанъ, чудесенъ красотой,
 Тайственный, бездонный, безконечный!
 Незримаго престолъ, какъ небо, вѣчный,
 Временъ, пространствъ завѣтный властелинъ,
 Течешь ты страшный всѣмъ, глубокий и одинъ.

И. Козловъ.

7. И. Козлова. (При гробницѣ Цециліи М.,
 изъ Байрона.) «Стихотворенія И. Козлова»
 (1828), стр. 40. Перепечатано во всѣхъ слѣ-
 дующихъ изданіяхъ его стихотвореній. Пѣснь
 IV, строфы 104 и 105.

8. Н. Маркевича. (Элегія, изъ Байрона).
 «Стихотворенія Н. Маркевича» (1829), стр. 58.

9. Его же. (Idem.) Тамъ же, стр. 15. Пѣснь II,
 строфы 23 — 26.

10. Его же. (Idem.) Тамъ же, стр. 29. Пѣснь II,
 строфы 95 — 98.

11. Его же. (Idem.) Тамъ же, стр. 27. Пѣснь
 III, строфы 31 — 34.

12. Его же. (Озеро Леманъ, изъ Байрона.)
 Тамъ же, стр. 51 — 57. Пѣснь III, строфы 85 — 98.

13. Его же. (Элегія, изъ Байрона.) Тамъ же, стр. 10. Пѣснь IV, строфы 121 — 124.

14. Его же. (Idem.) Тамъ же, стр. 12. Пѣснь IV, строфы 177 — 179.

15. В. Ща стна го. (Умирающій гладіаторъ. Изъ IV пѣсни Байронова «Чайльдъ-Гарольда».) «Невскій Альманахъ», 1830, стр. 397. Пѣснь IV, строфы 140 и 141.

16. А. С. (Прощальная пѣснь Байрона, изъ «Странствія Чайльдъ-Гарольда».) «Вѣстникъ Европы», 1830, № 4, стр. 267 — 270. Пѣснь I, стансы, помѣщенные въ оригиналѣ вслѣдъ за XIII строфою.

17. Три лунна го. (Море, подражаніе Байрону.) «Альціона», 1831, отд. II, стр. 46. Пѣснь IV, строфы 178 — 183.

18. П. Чи жова. (Прощаніе Чайльдъ-Гарольда, изъ лорда Байрона.) «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1831, № 47, стр. 366. Пѣснь I, стансы, помѣщенные въ оригиналѣ послѣ XIII строфы.

19. В. Лювичъ-Романовича. (Къ Клитумну, изъ Байрона.) «Стихотворенія В. Романовича», 1832, стр. 100. Пѣснь IV, строфа 66.

20. Его же. (Леманъ, изъ Байрона.) Тамъ же, стр. 131 — 138. Пѣснь III, строфы 85 — 98.

21. Его же. (Пантеонъ, изъ Байрона.) Тамъ же, стр. 94 — 96. Пѣснь IV, строфы 146 и 147.

22. Его же. (Колизей, изъ Байрона.) Тамъ же, стр. 97 — 99. Пѣснь IV, строфы 128 — 131.

23. И. Козлова (Отрывокъ изъ IV пѣсни «Чайльдъ-Гарольда».) «Библіотека для Чтенія», 1834, т. VII, № 12, отд. I, стр. 120 — 123. Перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ «Стихотвореній И. Козлова». Пѣснь IV, строфы 130 — 137.

24. И. Гогніева. (Прощаніе Байрона съ дочерью. Изъ «Чайльдъ-Гарольда».) «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1834, № 58, стр. 463. Пѣснь III, строфы 1 — 7.

25. ***. (Изъ «Чайльдъ-Гарольда».) «Галатеея», 1839, ч. V, № 36, стр. 29 — 31.

26. К. Павловой. (Аполлонъ Бельведерскій. Отрывокъ изъ Байрона.) «Москвитянинъ», 1841, ч. VI, № 12, отд. I, стр. 294. Пѣснь IV, строфы 161 и 163.

27. М. Лермонтова. (Умирающій гладиаторъ, безъ означенія, что подраженіе Байрону.) «Отечественныя Записки», 1842, т. 21, № 4, отд. I, стр. 378. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Сочиненій М. Ю. Лермонтова». Пѣснь IV, строфы 140 и 141.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДИАТОРЪ.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена...

А онъ? — пронзенный въ грудь, безмолвно онъ
лежитъ;

Во прахъ и крови скользятъ его колѣна...

И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:

Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
 Вѣнчаютъ похвалою побѣду и позоръ...
 Что яростной толпѣ сраженный гладиаторъ?
 Онъ презрѣнъ и забытъ... освищенный актёръ!
 И кровь его течотъ — послѣднія мгновенья
 Мелькаютъ — близокъ часъ... Вотъ лучъ во-
 ображенья
 Сверкнулъ въ его душѣ: предъ нимъ шумитъ Дунай
 И родина цвѣтетъ — свободной жизни край;
 Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный для брани,
 Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
 Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
 Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
 Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
 Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь
 лѣсной,
 Безчувственной толпы минутною забавой...
 «Прости, развратный Римъ! — прости, о край
 родной!»

М. Лермонтовъ.

28. А. Бржескаго. (Изъ «Чайльдъ-Гарольда».) «Иллюстрація», 1846, т. III, № 36, стр. 577. Пѣснь I, стансы, помѣщенные въ оригиналѣ вслѣдъ за XIII строфою.

29. Н. Берга. (Гладиаторъ, изъ Байрона.) «Москвитянинъ», 1850, ч. I, № 2, отд. I, стр. 185. Пѣснь IV, строфы 140 и 141.

30. К. Картамышева. (Венеція, изъ Байрона.) «Москвитянинъ», 1851, ч. III, № 9 и 10, отд. I, стр. 53. Пѣснь IV, строфа 3.

31. Н. Грекова. (Море, изъ Байрона.) «Отечественныя Записки», 1854, т. 97, № 12, отд. I, стр. 216. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Н. П. Грекова» (1860, стр. 25).

32. П. Попова. (Прощаніе Чайльдъ-Гарольда, изъ Байрона.) «Ярославскія Губернскія Вѣдомости», 1859, часть неофициальная, № 39, стр. 289. Пѣснь I, стансы, помѣщенныя въ оригиналѣ послѣ XIII строфы.

33. М. Михайлова. (Изъ «Чайльдъ-Гарольда».) «Современникъ», 1860, т. 83, № 10, отд. I, стр. 639 — 642. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ М. Михайлова» (1862, стр. 28 — 31). Пѣснь I, стансы, помѣщенныя въ оригиналѣ вслѣдъ за XIII строфою.

ПРОСТИ!

Прости, прости мой край родной!

Ты тонешь въ лонѣ водъ.

Ревѣтъ подъ вѣтромъ валъ морской,

Свой крикъ мнѣ чайка шлѣтъ.

На западъ, солнцу по пути,

Плыву во тьмѣ ночной.

Да будетъ тихъ твой сонъ! прости,

Прости мой край родной!

Не долго ждать: гоня туманъ,

Взойдетъ и день опять.

Увижу небо, океанъ:

Отчизны не видать;

Заглохнетъ замокъ мой родной;
 Травою заростётъ
 Широкій дворъ: подниметъ вой
 Собака у воротъ.

Малютка пажъ мой! ты въ следахъ.
 Скажи мнѣ, что съ тобой?
 Иль на тебя наводитъ страхъ
 Шумъ волнъ и вѣтра вой?
 Корабль мой новъ, не плачь, мой пажъ!
 Онъ цѣлъ и невредимъ.
 Въ полётѣ быстрый соколъ нашъ
 Едва-ль испоритъ съ нимъ.

«Пусть воетъ вѣтеръ, плещетъ валъ —
 Не все-ли мнѣ равно?
 Не страхъ сэръ Чайльдъ, мнѣ сердце сжалъ:
 Оно тоской полно.
 Вѣдь я отца оставилъ тамъ,
 Оставилъ мать въ слезахъ.
 Одно прибѣжище мнѣ — къ вамъ
 Да къ Богу въ небесахъ.

«Отецъ какъ сталъ благословлять,
 Былъ твёрдъ въ прощальный часъ;
 Но долго будетъ плакать мать,
 Не осушая глазъ.»
 Горюй, горюй, милотка мой!
 Понятна грусть твоя...
 И будь я чистъ какъ ты душой,
 Заплакалъ бы и я!

А ты, мой йомень, что притихъ?

Что такъ поникъ челомъ?

Боишься непогодъ морскихъ,

Иль встрѣчи со врагомъ?

«Сэръ Чайльдъ, ни смерть мнѣ не страшна,

Ни штормъ, ни врагъ, ни даль;

Но дома у меня жена:

Ее, дѣтей мнѣ жаль!

Хоть и въ родимой сторонѣ,

А все-жь она — одна,

Какъ спросятъ дѣти обо мнѣ,

Что скажетъ имъ она?»

Довольно, другъ! ты правъ, ты правъ:

Понятная печаль!

А я... суровъ и дикъ мой нравъ:

Смѣясь я ѣду въ даль.

Слезамъ лукавыхъ женскихъ глазъ

Давно не вѣрю я:

Я знаю, ихъ другой какъ разъ

Осушить безъ меня!

Въ грядущемъ — нечего искать,

Въ прошедшемъ — все мертвѣ.

Больнѣй всего, что покидать

Не жаль мнѣ ничего.

И вотъ среди пучинъ морскихъ

Одинъ остался я...

И что жалѣть мнѣ о другихъ?

Чужда имъ жизнь моя.

Собака развѣ... да и та
 Повоетъ день-другой,
 А тамъ — была бы лишь сыта,
 Такъ я и ей чужой.

Корабль мой! пусть тяжолъ мой путь
 Въ сырой и бурной мглѣ,
 Неси меня — куда-нибудь,
 Лишь не къ родной землѣ!
 Привѣтъ вамъ, тѣмные валы!
 И вамъ, въ концѣ пути,
 Привѣтъ, пустыни и скалы!
 Родной мой край прости!

М. Михайловъ.

34. Л. М е я. (Изъ «Чайльдъ-Гарольда».) «Сынъ Отечества», 1860, № 11, стр. 281. Перепечатано въ «Сочиненіяхъ Л. А. Мея» (1863, ч. III, стр. 177—179). Эти стансы были написаны первоначально Байрономъ для первой пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», но, впоследствии, замѣнены имъ другими, слѣдующими за 84 строфой той же пѣсни.

35. Н. Б е р г а. (Безъ заглавія, но съ означеніемъ, что подражаніе Байрону.) «Наше Время», 1861, № 26, стр. 443. Пѣснь IV, строфы 178—183.

36. А. Г р и г о р ь е в а. (Странствіе Чайльдъ-Гарольда. Романъ въ стихахъ лорда Байрона.) «Время», 1862, № 7, отд. I, стр. 183—216. Вся первая пѣснь.

Н. Гербель.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Отъ издателя .	<i>стр.</i> V
----------------	------------------

ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ.

Романъ въ четырехъ томахъ.

Предисловіе къ первой и второй пѣснямъ .	3
Прибавленіе къ введенію .	5
Бъ Янтѣ . . .	9
Пѣснь первая . .	11
Пѣснь вторая . .	64
Пѣснь третья.	116
Джону Гобгоузу	179
Пѣснь четвертая	184
Примѣчанія къ «Чайльдъ-Гарольду»	279
Списокъ русскихъ переводовъ изъ «Чайльдъ-Гарольда»	299

ОТРЫВКИ ИЗЪ «ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА».

1. Не говорите больше мнѣ. — Л. Мей	285
2. Элегія. — Е. Батюшкова .	300
3. Элегія. — А. Пушкина .	—

4.	Добрая ночь. — И. Козлова	302
5.	Къ морю. — И. Козлова.	305
6.	Умиращій Гладіаторъ. — М. Лермонтова .	309
7.	Прости. — М. Михайлова.	311
